

Сергей О. Прокофьев

ОККУЛЬТНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЩЕНИЯ

Сергей О. Прокофьев

ОККУЛЬТНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЩЕНИЯ

в свете
антропософии

Издательство «Антропософия»

● Сергей О. Прокофьев ●

ОККУЛЬТНЫЕ ОСНОВЫ ПРОЩЕНИЯ

в свете
антропософии

Издательство «Антропософия»

С. О. Прокофьев

Оккультные
основы
прощения
в свете антропософии

Антропософия

ББК 86.391 .

П 80

Прокофьев С. О.

Оккультные основы прощения в свете антропософии. — М.:
Антропософия, 1994.

ISBN 5-86951-004-X

В книге, автор которой много лет занимается антропософией, рассмотрено значение различных аспектов прощения как способности человеческой души; приведены исторические примеры прощения. Вскрыты с духовнонаучной позиции оккультные, непреходящие основы этого качества человека; раскрыт путь обретения свойств души, связанных с прощением.

Книга будет полезна всем, кто занят решением духовных, нравственных проблем современности.

ISBN 5-86951-004-X

© Сергей О. Прокофьев, 1994

© Издательство «Антропософия».

Подготовка издания, 1994

© Ильина Н.В., Обложка,
суперобложка, 1994

*Рождественскому
собранию
1923—1924
посвящается*

Содержание

Предисловие к русскому изданию	6
Предисловие к первому немецкому изданию 1989 года	7
I Актуальность проблемы прощения в наше время	9
II Пятая просьба «Отче Наш» и пятая послеатлантическая культурная эпоха	11
III Семь примеров прощения	19
IV Сущность прощения с духовнонаучной точки зрения	41
V Прощение как важнейшая составная часть современного пути ко Христу	48
1. Терпимость	48
2. Прощение	52
3. Способность нести карму других людей	55
4. Работа над кармой человечества	57
5. Искупление противоборствующих сил	59
6. Особое значение искупления Люцифера в наше время	64
VI Об оккультном значении прощения	70
1. Основные условия прощения	70
2. Прощение и кармическая деятельность Христа.	76
3. Космический протобраз прощения	81
4. О влиянии прощения на посмертную жизнь человека	85
5. Прощение как социально формирующая сила	96
VII Сущность прощения и семичленный путь манихейского посвящения	104
VIII Манихейский импульс в жизни Рудольфа Штайнера	117
Послесловие	143
Приложение	149
Перевы «Призыв к примирению» Марии Штайнер	149
Ответ Иты Вегман	152
Примечания и дополнения	153
Список использованных произведений Р. Штайнера	168
Библиография антропософской литературы, изданной на русском языке	171
Книги С. О. Прокофьева	174

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Выход в свет на русском языке работы «Оккультные основы прощения в свете антропософии» представляется ее автору особенно важным. И не только потому, что эта работа была первоначально написана по-русски, но прежде всего потому, что сама тема прощения должна быть особенно близка каждому русскому сердцу. Ибо, быть может, ничто так не характеризует русского человека как эта, одна из самых глубоких христианских добродетелей, способность прощения.

Все поистине космическое значение этой удивительной душевной способности может, однако, раскрыться современному сознанию лишь при освещении ее светом нового духовного познания, принесенного в мир антропософией, основанной в начале нашего столетия христианским посвященным и философом Рудольфом Штайнером (1861—1925).

В этом смысле действительное понимание этой работы предполагает знакомство с основными трудами Рудольфа Штайнера, которые в последние годы вышли на русском языке в целом ряде антропософских издательств (см. в конце книги библиографию антропософской литературы, изданной на русском языке).

Свою благодарность автор хочет принести всем сотрудникам издательства «Антропософия», позволившим этой работе, давно переведенной на несколько европейских языков, наконец появиться и в России.

Особое удовлетворение автор испытывает еще и благодаря тому обстоятельству, что эта книга впервые выходит именно в издательстве «Антропософия», учрежденном «Антропософским обществом в России», которое было основано в Москве на Рождество 1990 года.

Москва, Троица 1993 года.

Сергей О. Прокофьев

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ НЕМЕЦКОМУ ИЗДАНИЮ 1989 ГОДА

В основу нижеследующего изложения положено содержание двух лекций, прочитанных автором в антропософской ветви в городе Бохуме (Германия) и в Гетеануме (Дорнах, Швейцария) 26 февраля и 5 июля 1989 года; последняя из них — в рамках международной конференции на тему «Будущие аспекты антропософии».

В ответ на многочисленные просьбы слушателей и предложение издательства «Свободная духовная жизнь» в Штутгарте автор решился представить содержание этих лекций в письменном виде, что повлекло за собой значительное развитие и существенное углубление первоначального содержания лекций.

В процессе работы автором руководило убеждение, что, помимо общей актуальности самой темы, ее духовнонаучная разработка, осуществленная им и представленная на страницах этой книги, может послужить еще одним ярким доказательством всего поистине центрального значения Антропософии, или Духовной науки именно для нашего времени. Ибо лишь Антропософия способна ныне ответить на многие самые жгучие вопросы современности, а также дать прочное основание для действительного понимания тех спиритуально-нравственных сил, от развития которых во многом зависят вообще судьбы христианского импульса в нашу эпоху. К таким важнейшим спиритуально-нравственным силам, которые в ближайшем будущем должны быть развиты в человечестве, безусловно принадлежит способность к прощению.

Особенное значение тема «прощения» имеет для антропософов, поскольку именно их задачей является развитие сознательного отношения к центральным импульсам и знакам времени. На примере жизненного пути Рудольфа Штайнера и Рождественского собрания 1923 года, на котором было основано Всеобщее (Всемирное) антропософ-

ское общество (его 66-я годовщина приходится на нынешний год), должно быть показано все значение этой темы не только для прошлого развития в мире Антропософского движения и Антропософского общества, но прежде всего для их настоящего и будущего.

В этом смысле, как будет подробно изложено в последней главе, мы имеем в Рождественском собрании сияющий и непреходящий прабраз для духовного развития в указанном направлении не только самого Антропософского общества, но, в более широком смысле, и всего человечества.

Дорнах,
Рождественские дни 1989 года

Сергей О. Прокофьев

АКТУАЛЬНОСТЬ ПРОБЛЕМЫ ПРОЩЕНИЯ В НАШЕ ВРЕМЯ

*Кто действительно познал Бога, тот не
будет иметь нужды прощать своего брата,
он должен будет лишь простить самого себя
за то, что он раньше недостаточно прощал.*

Лев Толстой

Обращаясь ко всему пути становления человечества нового времени, и в особенности к истории XX столетия, быть может самого трудного и трагического столетия за все время его земного существования, нельзя не заметить, сколь значительное место занимает в нем проблема «вины».

В нашем столетии она неоднократно обсуждалась во всей ее многосторонности, начиная от «вины» одного человека перед другими людьми и кончая «виной» одного народа по отношению к другому. Исключением в этой связи не явилось и Антропософское общество, в котором на протяжении лет и даже десятилетий все снова вспыхивали дискуссии о проблеме «вины» в трагических событиях, постигших его после смерти Рудольфа Штайнера, последствия которых до конца не изжиты и по сей день.

При этом почти во всех дискуссиях, которые велись на эту тему как в самом Антропософском обществе, так и за его пределами, из виду, как правило, совершенно упускался противоположный полюс негативного представления о «вине», а именно, — позитивное представление о *прощении*. Последнее обстоятельство было в особенности связано с тем, что проблема «вины» или «невиновности» является в первую очередь проблемой юридической, в то время как проблема «прощения» — морально-нравственной. Современное же человечество в нынешнюю эпоху материализма и одностороннего интеллектуализма в гораздо большей степени ориентировано как в совместной жизни людей, так и в индивидуальном поведении человека на абстрактно-юридическое начало, чем на морально-духовные импульсы. В этом смысле даваемые извне человеку или социальной общности «заповеди» или «законы» играют в нашем обществе пока еще гораздо большую роль, чем проистекающие из наивнутреннейшего существа чело-

века его собственные моральные интуиции, имеющие своим источником ту ступень индивидуального развития, которую Рудольф Штайнер в своей книге «Философия Свободы» обозначил как «этический индивидуализм»¹.

Однако именно с достижением этой ступени внутреннего развития самым непосредственным образом связана сама возможность возникновения в человечестве того второго, *положительного* полюса, который выше был обозначен как «прощение».

Обрисованная нами полярность понятий «вины» и «прощения» является в их постоянном взаимоотношении одновременно своего рода «барометром», в точности указывающим на степень действия в нашей цивилизации конкретного христианского импульса. Можно также сказать, что вся противоположность основывающегося лишь на «заповеди» ветхозаветного и лишь на «законе» римско-правового образа мышления, с одной стороны, и грядущих христианских идеалов свободы и любви, — с другой, со всей отчетливостью предстает здесь перед нами.

Тем не менее, несмотря на всю очевидность такого положения вещей, можно с глубокой грустью констатировать, насколько именно внутренние силы *прощения* необычайно слабо развиты в душе современного человека. И это обстоятельство не в последнюю очередь связано с тем, что принцип «моральной проповеди» и «морального императива», столетиями практиковавшийся в среде человечества, все более и более утрачивает свою силу по мере его вступления в нынешнюю эпоху развития души сознательной. Ибо последняя с необходимостью порождает в человеке необоримую потребность не просто слепо отдаваться или пассивно следовать тем или иным приходящим извне моральным императивам, но в *познании* более глубоких спиритуальных импульсов эпохи, находить основание и силы для свободного и индивидуально-нравственного отношения к себе и к миру.

Именно эту центральную потребность современного человека в духовном познании также и нравственных импульсов человеческого развития и призвана ныне, наряду со многим другим, удовлетворить Антропософия, или современная наука о Духе.

Отсюда следует ее необыкновенная актуальность и, можно с полным правом сказать, *незаменимость* для людей, стремящихся из правильно понятых «знаков времени», быть на уровне современной ступени духовного развития мира и человечества.

II

ПЯТАЯ ПРОСЬБА «ОТЧЕ НАШ» И ПЯТАЯ ПОСЛЕАТЛАНТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ЭПОХА

*И прости нам долги наши,
как и мы прощаем должникам нашим.
Ев. от Матфея 6, 12.*

Исходной точкой для действительного познания проблемы «прощения», а это значит для ее рассмотрения с более духовной или оккультной точки зрения, должно послужить ее центральное отношение именно к современной пятой послеатлантической культурной эпохе*.

Выдающийся антропософ и основатель Общины христиан, Фридрих Риттельмайер, бывший одним из наиболее близких и продвинутых эзотерических учеников Рудольфа Штайнера, указал на эту необыкновенно важную для всего нашего изложения взаимосвязь в своей небольшой работе, посвященной основной христианской молитве «Отче Наш»².

В первой, вводной главе, названной «О молитве», мы находим в необычайно концентрированной форме изложение внутренней взаимосвязи, существующей между семью просьбами «Отче Наш» и семью послеатлантическими культурными эпохами в развитии человечества. Так, первая послеатлантическая эпоха — древнеиндийская была основана на изначальной способности древних индусов

* Имеется в виду пятая из семи послеатлантических культурных эпох, в своей совокупности образующих один большой период развития, расположенный между временем существования человечества на древней Атлантиде и будущим шестым большим периодом. В антропософской литературе эти большие периоды обозначаются следующим образом: 1) полярный; 2) гиперборейский; 3) лемурийский; 4) атлантический; 5) современный послеатлантический и будущие шестой и седьмой периоды. Каждый из них в свою очередь состоит из семи малых периодов. В современном пятом они называются культурными эпохами: 1) древнеиндийская (7227-5067 до Р.Х.); 2) древне-персидская (5067-2907); 3) египетско-вавилоно-ассиро-халдейская (2907-747); 4) греко-латинская (747-1413 после Р.Х.); 5) современная европейская (1413-3573); 6) славянская (3573-5733); 7) американская (5733-7893). (См. об этом подробнее в Библ. 11, 13, и 104.)

повсюду за майей физической материи прозревать последние отблески великого праоткровения человечества, состоявшего в непосредственном переживании сокрытого повсюду действия Духа, или Имени Божьего.

В древнеперсидскую эпоху решалась основная задача — пронизать все земное развитие, вплоть до самого физического бытия человека на Земле, силами божественного *Царства* Света, силами солнечного Бога Ормузда, в облике которого ведомые Заратустрой древние персы учились познавать грядущего Христа.

Развитие третьей, египетско-вавилонно-ассиро-халдейской эпохи возглавлялось посвященными жрецами мистерий, которые стремились прочесть в закономерном движении подвижных и неподвижных звезд *Волю* управляющих всем мирозданием Высших Богов и на ее основе даровать вверенным им народам законы и установления, способные управлять личной и социальной жизнью людей.

«Только в греко-римскую культурную эпоху человек полностью снизошел на Землю», — поясняет Фридрих Риттельмайер. Прямым следствием этого процесса нисхождения именно в четвертую эпоху становится проблема «насущенного хлеба». Она отражает новое, достигнутое теперь всем человечеством объективное отношение к окружающему его земному миру.

О нашей пятой культурной эпохе Фридрих Риттельмайер пишет: «*Германо-англосаксонская культура* имеет своей задачей полностью охватить человеческое Я в «душе сознательной». Тем самым в ней сильно и по-новому выступает вопрос личной борьбы с судьбой, а также вопрос об отношении человеческого Я к Я других людей, вопрос о связи человеческого Я с божественным миром. Человек чувствует себя поставленным в борьбу добра и зла более сознательно и свободно, чем раньше».

Ключом к этой эпохе в «Отче Наш» является пятая строка: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим». Она же является ключевой и для всего нашего изложения.

Далее следуют еще грядущие шестая и седьмая культурные эпохи (славянская и американская). Первая из них полностью выявит весь заложенный в человеке, особенно начиная с нашей пятой послеатлантической эпохи, дуализм добра и зла, причем не только в душевно-духовном человеке, но и во внешней социальной жизни. То, что Рудольф Штайнер описывает, как грядущее разделение всего человечества на две расы — добрую и злую, — в своих самых первых зачатках найдет свое выражение именно в славянскую эпоху³. Недаром в живописи малого купола Первого Гетеанума «Славянский человек» изображен рядом со своим темным двойником⁴. Вот почему

грядущее состояние человечества можно лучше всего охарактеризовать при помощи шестой просьбы «Отче Наш»: «И не введи нас во искушение», то есть: не дай нам подпасть темным силам двойника в нас. Что же касается его седьмой просьбы: «Но избави нас от лукавого (от зла)», то в ней нам дается указание на основной характер завершающей, седьмой эпохи, с которой будет также связано начало «войны всех против всех» и которой завершится весь цикл послееатлантических эпох, перед началом нового большого периода земного развития⁵.

Рассмотрим теперь более подробно пятую просьбу «Отче Наш». Уже из характеристики, данной ей Фридрихом Риттельмайером⁶, можно увидеть насколько именно эта строка главной христианской молитвы имеет самое прямое отношение к нашей эпохе, центральными проблемами которой являются:

1. Проблема «Я».
2. Проблема социальных отношений людей (то есть отношение «Я» к «Я»).
3. Проблема сознательного отношения к карме.
4. Проблема зла.

И все эти четыре проблемы самым тесным образом связаны с рассматриваемой нами здесь строкой «Отче Наш».

Во-первых, с ней связана проблема «Я», поскольку, — как это будет показано далее, — лишь из сил полностью развитого индивидуального «Я», раскрывающегося в душе сознательной и оттуда ищущего пути к Высшему Я, может единственно быть осуществлен на Земле *истинный* акт прощения. На это отношение низшего Я к Высшему в акте прощения указывает первая часть пятой просьбы: «И прости нам долги наши...». Это слова, с которыми в каждом человеке его низшее Я внутренне обращается к его Высшему Я.

Во-вторых, проблема отношения Я к Я, то есть социальная проблема как таковая. На нее, помимо содержания второй части пятого прошения: «...как и мы прощаем должникам нашим», указывают еще и относящиеся к ней пояснения Рудольфа Штайнера. В своих лекциях, посвященных основной христианской молитве⁷, он подробно говорит о связи пятой просьбы «Отче Наш» с эфирным телом человека, а через него и со всем его социальным окружением. Ибо через особые свойства именно эфирного тела человек вступает в связь с той или иной социальной общностью на Земле, будь то семья, народность или даже целая эпоха: «Человек становится членом общины благодаря определенным особенностям эфирного тела... Так что это его эфирное тело имеет своей задачей приспособливаться к

другим эфирным телам... Дисгармония с общиной возникает вследствие ошибок эфирного тела»⁸. И «в любой общине то, что проистекает из ошибок эфирного тела, обозначается как «вина»⁹. В этом смысле без постоянно оздоравливающих всю социальную жизнь сил, исходящих от истинного прощения, в нашу эпоху фактически невозможен никакой жизнеспособный социальный организм. Ибо всякая склонность к мстительности или злопамятности влияют на него подобно сильнодействующему яду.

В-третьих, в рассматриваемой строке «Отче Наш» находит свое выражение также и проблема кармы в человеческой жизни.

Это, с одной стороны, связанная с Я индивидуальная карма человека, а с другой, — карма, связывающая на протяжении всего земного развития одного человека с другим, отдельное человеческое Я с кармически принадлежащей ему социальной общностью.

И, в-четвертых, эта просьба «Отче Наш» имеет самое непосредственное отношение к центральной проблеме всей пятой послеатлантической эпохи — проблеме зла. Ибо подобно тому, как основной *внутренней* проблемой человеческой души в четвертую послеатлантическую эпоху была проблема рождения и смерти, а также вытекающая из нее необходимость физического поддержания земного организма на протяжении всего периода земной жизни («Хлеб наш насущный дай нам на сей день»), точно так же основной внутренней проблемой человеческой души в современную пятую эпоху является проблема встречи со злом и нахождение правильного отношения к нему¹⁰. Ибо если три первых просьбы «Отче Наш» относятся к божественно-духовному миру, четвертая просьба — к Земле и основному характеру физического воплощения на ней человека, то три завершающих просьбы имеют непосредственное отношение к проблеме зла и указывают на необходимость все более активного и сознательного противодействия ему. Потому что только через сознательную борьбу с ним, которая лишь начинается с восхождением пятой послеатлантической эпохи, человек постепенно, благодаря преодолению препятствий и зла сначала в самом себе, а затем и во внешнем мире сможет достигнуть в полной мере цели, поставленной ему всем мировым развитием, а именно: стать однажды в космосе новой десятой Иерархией свободы и любви¹¹.

Этот путь к десятой Иерархии через последовательное преодоление сил зла представлен в молитве «Отче Наш», начиная с ее пятого прощения, относящегося, как мы видели, к нынешней пятой послеатлантической эпохе. Отсюда проистекает и все центральное значение для нас этой просьбы, ибо с него начинается весь путь, который в будущем должен стать основным путем развития всего христианского

человечества, если оно должно некогда действительно достигнуть поставленной ему мировым Водительством цели. По этой причине единственной строкой в «Отче Наш», к которой Сам Христос Иисус дает Свой комментарий, тем самым подчеркивая все ее краеугольное значение, является эта пятая просьба. Так, непосредственно после того как Христос Иисус дает своим ученикам основную христианскую молитву, Он поясняет ее так: «Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Матф.6, 14-15).

Кроме того, центральное значение, которое в Евангелии придается именно этим словам молитвы, подтверждается еще и тем поистине краеугольным положением, которое занимает во всем послееатлантическом развитии пятая эпоха. Ибо, согласно духовно-научным исследованиям Рудольфа Штайнера, пятая культура — это та, «в которой и заключается все дело; она является чем-то новым, что присоединилось к развитию и что должно быть перенесено в шестой большой период. А когда шестая культура придет в упадок и станет нисходящей культурой, то это будет перенесено, разумеется, далее — в седьмую культурную эпоху в еще большей степени.»¹²

И наконец, рассмотрение всей космической эволюции Земли в свете эзотерического содержания «Отче Наш» может с новой стороны указать нам на все значение пятой просьбы. Ибо при сравнении семи просьб молитвы с космической эволюцией выявляется следующее соотношение. Ее три первых просьбы об Имени, Царстве и Воле, соответственно, являются выражением основных формирующих сил трех предшествовавших планетарных состояний Земли. Так, ее древнесатурническое состояние произошло из последствий космической жертвы Духов Воли; основанием древнесолнечного состояния явилось учреждение Духами Мудрости высокого-солнечного Царства Мудрости, из которого они затем осуществляли свое водительство солнечным воплощением нашей Земли. На древней Луне, вместе с пробуждением в земном человечестве имажинативного сознания¹³, ему все более и более становилось доступным во всех окружавших его существах и процессах откровение божественного Имени, ниспосылаемое ему с Солнца Духами Движения.

Далее, четвертая просьба «Отче Наш» выражает основную тенденцию всей первой половины земного развития, простирающейся вплоть до Мистерии Голгофы и находящейся под преимущественным водительством сил Марса. Ее задачей было окончательно ввести человечество в мир физической материи, вплоть до непосредственного переживания всего значения для его земной жизни «насущного

хлеба». Соответственно, пятая просьба выражает основную тенденцию всей второй — *христианской* — половины земного развития в целом, имеющей своей целью повести человечество через его пронизание Импульсом Христа обратно из мира материи в мир духа, из мира природной необходимости, где царят лишь «законы» и «заповеди», — к полной моральной свободе и высшей благодати, проистекающих из сознательного вращающегося человека в высшие миры, как следствия его постепенного восхождения от низшего Я к Высшему. В полной мере это восхождение будет достигнуто лишь к концу всей эволюции нынешней Земли и тогда оно послужит основанием для ее последующего перехода от эона Земли-Меркурия в ее следующее космическое воплощение, в эон Юпитера*. Началом же этого процесса должно послужить развитие во всем человечестве духовных сил, проистекающих из способности к истинному прощению.

Лишь совсем кратко здесь должно быть также отмечено, что важнейший аспект того противостояния добра и зла, которое будет иметь место на Юпитере, содержится в шестой просьбе «Отче Наш»¹⁴. Наконец, окончательное *космическое* отделение добра и зла последует на Венере, на что указывается в завершающей просьбе молитвы¹⁵.

Таким образом из сказанного следует, что в рассматриваемой нами пятой просьбе «Отче Наш» содержится не только руководящее положение для пятой послеатлантической эпохи, но также указание на *путь* духовного восхождения, по которому будет идти все христианское человечество на протяжении второй половины земного развития, находящейся под знаком руководящих сил Меркурия, началом и исходной точкой ее является Мистерия Голгофы.

Этот путь, одной из важнейших ступеней которого является постижение человеком способности истинного прощения, будет подробно охарактеризован в настоящей работе. При этом, однако, необходимо заметить, что сама способность прощения не является ни его первой, ни тем более его последней или высшей ступенью.

В целом для современного цикла земного развития можно указать на *четыре* ступени этого пути, одна из которых предшествует, а две других *следуют* за ступенью «прощения». Сам же путь, поскольку он исходит от Мистерии Голгофы, является не только христианским в морально-этическом отношении, но — и это особенно важно для современной эпохи — прежде всего, оккультно-познавательным путем, ведущим одновременно и к более непосредственному *переживанию* Существа Христа, и к его все более глубокому *позна-*

* Под «Юпитером» здесь имеется в виду будущий космический эон развития. Он последует за современным эоном Земли, который состоит из двух половин, находящихся, соответственно под особым воздействием сил Марса и Меркурия. (См. Библ. 13 и 104.)

нию. Ибо только это последнее дает возможность современному человеку постепенно сделаться полностью сознательным помощником и соратником Христа в процессе осуществления Им Своего дела на Земле, а это значит — стать Его *другом* в смысле Его собственных слов, стоящих в Евангелии от Иоанна: «Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего». (15, 15).

Итак, согласно этим словам, главное отличие «рабов» Христа от Его «друзей» заключается в том, что первые *руководствуются* лишь данным им извне «законом» или «заповедью», в то время как отличительной чертой вторых является прежде всего *знание* о том, что ожидает от нас Сам Христос в каждый новый период земного развития, также и в наше время — в пятую послеатлантическую культурную эпоху. Но именно об этом и призвана ныне поведать человечеству Антропософия с ее возвещением центрального духовного события нашего времени: Явления Христа в эфирном теле.

В этом смысле Антропософия являет собой не только сумму определенных знаний о духовных мирах, но *реальный язык*, на котором современный человек может непосредственно обратиться к самому Эфирному Христу, уже действующему ныне в человечестве, чтобы спросить у Него о самом важном, о том, что Он «услышал от Отца» *именно о нашей эпохе*. На это центральное для нашего времени значение Антропософии, или современной Духовной науки, Рудольф Штайнер указывает в таких словах: «Попытаемся же усвоить себе Духовную науку не просто как учение, но как язык, а затем подождем, пока мы на этом языке не найдем вопросов, которые мы сможем поставить Христу. И Он ответит, да, Он ответит! И богатые душевные силы, душевную крепость, душевные импульсы вынесет из этого тот, кто из смутных духовных глубин, заложенных в современном развитии человечества, сможет воспринять указания Христа, которые Он захочет дать в самом ближайшем будущем тем, кто их ищет»¹⁶. Ибо для нашего времени именно поиск такого сознательного отношения к новому Откровению Христа в эфирном теле со всеми вытекающими из него духовными и социальными задачами и является тем, что единственно может сделать *современного человека* в истинном смысле *другом* Христа.

Важнейшая же способность, которую должен развить в себе человек наряду с изучением Духовной науки, как того духовного языка, на котором Эфирный Христос хочет говорить с современной человеческой душой, это способность к *истинному прощению*, имеющая, — как это будет показано далее, — в своей оккультной сущности совершенно особое отношение к переживанию Эфирного Христа и

одновременно являющаяся частью пути, ведущего от Его современного Эфирного Откровения к еще более высоким Откровениям в будущем.

Однако, прежде чем перейти к более подробному описанию всего намеченного здесь пути, а также к детальному рассмотрению оккультных подоснов и духовной сущности самого процесса *прощения*, необходимо показать все его значение для современной эпохи на ряде конкретных примеров, которые позволят нам реально ощутить, до какой степени нуждается ныне человечество не в абстрактной проповеди всепрощения, а в его непосредственном духовнонаучном *познании*.

III

СЕМЬ ПРИМЕРОВ ПРОЩЕНИЯ

Быть может, наиболее острым и непосредственным образом проблема прощения для нашего времени поставлена в книге Симона Визенталя «Подсолнечник. Рассказ о виновности и прощении»¹⁷. История, описанная в этой необычной книге, такова. Во время второй мировой войны ее автор находился в нацистском концентрационном лагере в Лемберге (ныне Львов). Условия жизни в лагере были ужасны. Каждый день — избиения, расстрелы, непосильная работа с утра до вечера, голодное существование. Самое малейшее неповиновение стоило жизни, многих заболевших и обессиливших убивали прямо на месте.

Однажды группа заключенных, к которой принадлежал Симон Визенталь, была послана на работу в расположенный неподалеку от лагеря, в помещении бывшей лембергской технической высшей школы, военный лазарет. Во время работы к нему подошла медсестра и, спросив его, не еврей ли он, позвала за собой в помещение лазарета. Она привела его в небольшую полутемную комнату и оставила одного у постели больного, забинтованного с головы до ног, так что кроме его рта, носа и исхудалых рук ничего больше нельзя было разглядеть. И вот теперь из уст этого умирающего Симон Визенталь, сам каждое мгновение подвергавшихся смертельной опасности, должен был услышать следующую исповедь.

Перед ним находился молодой человек в возрасте двадцати одного года. Он был немцем, который уже в самой ранней юности, поддавшись нацистской пропаганде, сначала вступил в Гитлер-югенд, а затем — добровольцем в войска СС, и вскоре был направлен на восточный фронт.

Преступление, о котором умирающий хотел поведать еврейскому заключенному, произошло в украинском городе Днепропетровске.

Покидая город, русские заминировали в нем многие дома и улицы. Вскоре в городе начались взрывы. Среди солдат немецкой армии оказались убитые и раненые. Месть не заставила себя долго ждать. Уже в тот же день подразделение СС, в котором служил юноша, было послано на другой конец города, где было совершено чудовищное преступление. От ста пятидесяти до двухсот захваченных в плен евреев, из числа мирного населения города, среди них много женщин, детей и стариков, силой загнали в небольшое здание. На его верхние этажи внесли канистры с бензином, после чего двери дома были наглухо закрыты; стоящим снаружи вокруг дома солдатам СС было приказано выстрелами поджечь бензин, а затем стрелять в каждого, кто попытается спастись, выпрыгнув из окна. А спастись таким образом из пылающего ада пытались многие.

В памяти умирающего в особенности запечатлелся один образ: мужчина, держащий на руках ребенка. Его одежды уже горят. Он закрывает ребенку глаза и прыгает вместе с ним из окна. Вслед за ними прыгает вниз и мать.

«Мы открываем огонь... Эту семью я никогда не забуду, особенно ребенка», — этими словами умирающий завершает свой страшный рассказ.

После совершенного преступления подразделение СС, к которому он принадлежал, было послано далее на юг. Тяжелые бои продолжались теперь на территории южной Украины и в Крыму. Однако воспоминание о совершенном преступлении не давало ему покоя. «Потребовалось некоторое время, прежде чем я понял всю непомерность вины, которую я возложил на себя». Лишь постепенно ему стало совершенно ясно то, что он высказал своему гостю в словах: «Я ведь не родился убийцей, меня сделали им».

Уже вскоре после того, как сознание совершенного им преступления со всей силой пробудилось в его душе, во время одной атаки произошло следующее. Сам умирающий описал случившееся с ним Симону Визенталю в таких словах: «Внезапно я остановился как вкопанный. Что-то приближалось ко мне. Мои руки, державшие ружье с надетым на него штыком начали дрожать. И тогда я совершенно ясно увидел горящую семью, отца с ребенком, а за ними мать — и они шли мне навстречу. «Нет, во второй раз я не буду в них стрелять», — пронеслось в моем сознании... И в это мгновение возле меня разорвалась граната, и я потерял сознание. Когда я очнулся в лазарете, я понял, что ослеп. Все мое лицо было сплошной раной, как и верхняя часть моего тела. Я весь состоял из одних только ран. Медицинская сестра рассказала мне, что врач вынул из моего тела столько гранатных осколков, что они заполнили целый сосуд. Это

было чудом, что я вообще еще жил — ведь фактически я был все равно, что мертвый...».

Однако самые сильные физические страдания оказываются ничем по сравнению с непереносимыми моральными мучениями и угрызениями совести, которые он, по возвращении в сознание, испытывает теперь беспрерывно день и ночь как медленную и ни на минуту не прекращающуюся пытку: «Но гораздо ужасней меня мучила совесть. Горящий дом и семья, прыгающая из окна, — эта картина ни на мгновение не оставляла меня в покое».

И наконец, после небольшой паузы, следуют решающие слова: «Я знаю, — говорит умирающий, — то, что я вам рассказал — это ужасно. В долгие ночи, во время которых я ожидал смерти, все снова и снова я ощущал потребность поговорить об этом с евреем... и попросить его о прощении. Я знаю, что то, чего я прошу, слишком много для вас. Но без ответа я не могу умереть с миром».

После этих последних слов наступает тишина. Поставлен вопрос, имеющий поистине краеугольное значение не только для двоих, находящихся в комнате, но в сущности для всего человечества, для всего его будущего развития. Однако для обоих, странным образом сведенных здесь судьбой, поставленный вопрос в этот момент, хотя и совершенно по-разному, оказывается неразрешимым. И Симон Визенталь, будучи не в силах простить, молча, не говоря ни слова в ответ, покидает комнату. А на следующий день, снова придя на работу в лазарет, он узнает, что говоривший с ним накануне юноша этой же ночью умер. Таким образом, вся история нашла, казалось бы, свое естественное завершение.

И тем не менее, для самого Симона Визенталя это оказалось совсем не так. Как о том свидетельствует сам факт написания им своей книги, именно этот, казалось бы «незначительный» по сравнению со всеми ужасами и страданиями, виденными и пережитыми им в лагере, эпизод оказался для него по прошествии многих лет в некотором смысле центральной нравственной проблемой его жизни. Произошло нечто удивительное. Человек, прошедший через ужасающий ад нескольких нацистских концентрационных лагерей, привыкший ежедневно смотреть в лицо смерти, неоднократно видевший безвинную гибель десятков, а может и сотен мужчин, женщин, детей, стариков; человек, посвятивший затем всю свою дальнейшую жизнь поиску нацистских преступников для передачи их в руки земного правосудия, этот мужественный и воистину бесстрашный человек оказался совершенно бессилён перед моральной проблемой, которую судьба поставила перед ним самим, а в определенной мере и перед всем человечеством.

Можно также сказать, что в ней через покров личной кармы Симона Визенталя проступило нечто, касающееся по сути кармы всего современного человечества. Поэтому из совершенно правильного внутреннего чувства он обратился со своим повествованием в поисках решения вставшей перед ним проблемы *ко всем* людям. Целый ряд высказываний, отражающих многочисленные попытки решения этой проблемы самыми различными людьми, отличающимися друг от друга нравственными и религиозными убеждениями, профессией и социальным положением, составляют вторую половину упомянутой книги.

Однако при знакомстве со всеми этими многочисленными попытками разрешить этот вопрос все снова и снова возникает чувство, что тот *уровень*, на котором они предпринимаются, сам по себе заранее обрекает их на неудачу. И действительно, приводимые на этом уровне аргументы «за» и «против» прощения вскоре образуют как бы замкнутый круг, из которого нет выхода. Человек может прощать только за себя. Разве может он прощать за других? Или: как христианин я считаю, что автор повествования должен был простить умирающего вследствие его раскаяния. Но так как автор не исповедует христианскую веру, то проблема снова оказывается неразрешимой и т.д. Число подобных рассуждений, содержащихся во второй части книги, можно было бы здесь умножить.

Поэтому, читая все приведенные в ней читательские письма, нельзя отделаться от мысли, что именно в этом вопросе, быть может как ни в каком другом, с одной стороны, проявляется определенное духовное бессилие современного человечества, а с другой, у человека, хотя бы только немного знакомого с Антропософией, возникает твердое убеждение, что именно в этом вопросе может и должна сказать свое слово Духовная наука. Она должна сказать его, исходя из того совершенно иного уровня понимания существа человека, его жизни и его судьбы (кармы), который ныне может проистечь только из сообщений истинного духовного исследования.

В любом случае из истории, рассказанной Симоном Визенталем, со всей очевидностью следует, что проблема вины и прощения, как на это указывается уже в самом подзаголовке его книги, является поистине центральной проблемой нашего времени.

В качестве второго примера, образующего своего рода полярную противоположность первому, здесь должна быть приведена история, описанная американским психиатром Георгом Г. Ричи в его книге «Возвращение из завтра»¹⁸. Основной темой всей его книги является сверхчувственное переживание, которое автор имел в конце

1943 года в военном лагере, где он в качестве новобранца должен был проходить военную подготовку для последующего участия в составе американской армии во второй мировой войне.

Заболев на военных сборах сильнейшим воспалением легких и вследствие этого находясь некоторое время на границе жизни и смерти, Георг Ричи имел целый ряд сверхчувственных переживаний вне своего физического тела. Тем не менее, эти переживания, несмотря на их вещественно-земной характер, вызванный полной неподготовленностью сознания самого Георга Ричи к их восприятию, а также его слишком далеким от любых духовных интересов образом жизни до болезни, с антропософской точки зрения содержат в себе, если не всегда по форме, то во всяком случае по содержанию много истинного.

Средоточием целого ряда описанных в книге ясновидческих переживаний автора и одновременно их высшей кульминацией явилась без сомнения его сверхчувственная встреча с Эфирным Христом в прилежащем к земному духовном мире.

Задачей настоящей работы не является подробное изложение, а тем более комментирование описанной Георгом Ричи встречи со сверхчувственным Христом. Достаточно лишь сказать, что она в дальнейшем определила всю его жизнь, в корне повернув все ее течение в совершенно новое русло. Из вполне современного, материалистически настроенного юноши Георг Ричи на всю последующую жизнь сделался глубоким христианином, лично убедившимся в основных истинах христианства, почерпнутых им не из той или иной религиозной традиции, а непосредственно из самого духовного мира.

Однако сверхчувственное переживание, которого, благодаря своей карме, удостоился Георг Ричи, имело для него еще и иное последствие. Ибо после этого безусловно центрального момента в его жизни, когда Сам Христос явился ему в ясновидческом созерцании, ни одно желание не наполняло его душу с такой силой, как желание еще раз пережить сверхчувственную встречу с Ним. «Одиночество, которое я ощущал весь этот год, отчужденность от мира и всех вещей вокруг меня, — разве все это не было стремлением возвратиться к тому мгновению, когда я находился в присутствии Иисуса», — пишет он в своей книге.

С этой просьбой, с этим вопросом в душе, обращенным к духовному миру, Георг Ричи должен был однако жить еще многие месяцы, пока по прошествии более чем года со дня его сверхчувственной встречи со Христом из самого духовного мира не пришел ответ, указавший ему на возможность совершенно иного переживания Христа, стремление к которому должно было отныне стать важнейшим содержанием его дальнейшей жизни. Он сам описывает свое

новое познание в таких словах: «Внезапно я осознал: нехорошо искать его в прошлом, даже если от этого прошлого отделяло лишь 15 месяцев. В тот день, находясь после полудня на дороге в Ретель, я понял: если я желаю ощутить присутствие Христа — а я желал этого превыше всего остального — тогда я должен *найти Его в людях*, которых Он каждый день ставит передо мной». Для самого Георга Ричи это было совершенно новым путем к Христу, о начале которого он высказывается далее сам со всей свойственной ему чисто американской прямолинейностью: «Итак, я понял, первый шаг состоял в том, чтобы прекратить всякие попытки снова вернуть то надмирное видение Иисуса, а вместо этого искать Его в лицах людей, сидящих напротив за обеденным столом».

Затем в своей книге он приводит несколько случаев такого непосредственного переживания Христа *через людей*, встречавшихся ему. В большинстве это были встречи с людьми, о которых он, помня свое ясновидческое переживание, мог со всей уверенностью сказать: «Да, через глаза этого стоящего передо мною человека на меня смотрит Сам Христос, а в чертах лица этого человека проступает для меня Лик Самого Христа.» Причем, насколько это осознавалось самим человеком, который таким образом встречался Георгу Ричи, не имело решающего значения.

В особенности один из описанных Георгом Ричи случаев имеет самое непосредственное отношение к нашей теме. Это было в мае 1945 года, в конце войны, когда Ричи в составе небольшой группы врачей был послан в только что освобожденный нацистский концентрационный лагерь, находившийся уже на территории Германии, неподалеку от Вуперталя, для оказания срочной медицинской помощи находившимся там заключенным. Тысячи людей из различных стран Европы, многие из которых были по национальности евреями, находились на грани голодной смерти. Многим из них уже ничем нельзя было помочь. Так что, несмотря на все медицинские усилия и улучшенное питание, люди продолжали десятками умирать ежедневно. Для самого Ричи увиденное им в лагере оказалось хуже всех самых страшных переживаний на войне. Однако, получив теперь ответ на самый важный для него вопрос, он и в этом новом испытании стремился повсюду обнаружить тайное присутствие Христа. Он сам пишет об этом так: «Теперь я действительно нуждался в моих новых познаниях. Когда положение вещей стало настолько плохим, что я больше не мог действовать, тогда я стал делать то, чему я уже научился. Я ходил из конца в конец вдоль заграждений из колючей проволоки и вглядывался в лица людей, пока я не заметил, что на меня смотрели глаза Христа». И далее он продолжает: «Так я познакомил-

ся с Диким Биллом Коди!». Это не было его собственным именем. Так для простоты называли его американские солдаты. По своему происхождению он был польским евреем, но его действительное имя Георг Ричи едва смог разобрать в его бумагах и уж конечно не смог запомнить. Однако с самого начала более всего поразил его тот совершенно непостижимый факт, что по сравнению со всеми другими заключенными лагеря, большинство которых едва могло ходить, Билл Коди выглядел совершенно иначе: «его фигура была прямой, его глаза — ясными, его энергия — неиссякаемой». А так как он владел пятью иностранными языками и был в лагере своего рода неофициальным переводчиком, то его помощь при разборе архивных дел и установления личностей живых и умерших была незаменима. Однако удивление Ричи усилилось, когда он ближе познакомился с Биллом Коди уже в процессе самой работы. Вот что он об этом пишет: «Однако, несмотря на то, что Дикий Билл ежедневно работал по 15-16 часов, он не выказывал ни малейших признаков усталости, в то время как мы валились с ног. Сострадание к заключенным товарищам сияло, излучалось от него, и не раз это сияние придавало мне новые силы, когда мужество готово было уже покинуть меня».

В конце концов Георг Ричи не смог найти никакого иного объяснения этим необыкновенным физическим и душевным силам Билла Коди, как предположив, что он, в отличии от всех других заключенных, находится в лагере лишь совсем недолго. Каково же было его изумление, когда из бумаг Билла Коди, хранившихся в лагерном архиве, Георг Ричи узнал, что он находился в лагере уже целых *шесть* лет. «Поэтому я был очень удивлен, когда однажды, заглянув в бумаги «дикого Билла», узнал, что он был в концентрационном лагере с 1939 года! Шесть долгих лет он жил на той же голодной диете как и все остальные, спал в том же плохо проветриваемом и полном всяких болезней бараке, и, тем не менее, это не вызывало у него ни физических, ни душевных недугов. Однако еще удивительней было, пожалуй, что каждая группа в лагере считала его своим другом. Он был тем, к кому заключенные обращались за разрешением всех их ссор. Только пробыв там несколько недель я понял, какой это было большой ценностью, что такой человек оказался в месте, где заключенные различных национальностей почти как же сильно ненавидели друг друга, как они ненавидели немцев». И в любых самых острых конфликтных ситуациях, которые все снова возникали в лагере и за его пределами, можно было видеть и слышать, как Дикий Билл, «обращаясь к разуму, беседовал с различными группами и советовал им прощать друг друга».

Довольно долго загадка этого необычного человека оставалась неразрешимой для Георга Ричи, пока однажды Билл Коди, наконец, не поведал ему свою собственную историю. Это произошло после того, как Ричи заметил ему, что людям, прошедшим через заключение и все ужасы лагеря, так трудно прощать, потому что столь многие из них потеряли в лагерях своих близких.

Этот короткий рассказ Билла Коди поистине принадлежит к самым удивительным человеческим свидетельствам о возможностях силы прощения. В связи с его исключительной важностью для всего последующего изложения, мы приводим его здесь полностью, как он содержится в книге Георга Ричи.

«Мы жили в еврейском секторе Варшавы, — начал он медленно. Это были первые слова, сказанные им о себе. — Моя жена, наши две дочери и три маленьких мальчика. Когда немцы заняли наш город, они поставили всех к стене и открыли огонь из автоматов. Я умолял их, чтобы они разрешили мне умереть вместе с моей семьей, но так как я говорил по-немецки, они отправили меня в рабочую группу». Он замолчал: может быть, он снова видел перед собой свою жену и пятерых детей. «Тогда я должен был решить, — продолжал он, — отдался ли чувству ненависти к этим солдатам, которые это сделали, или нет. Это было легкое решение, действительно легкое. Я был адвокатом. В моей работе я слишком часто сталкивался с тем, что может делать ненависть с человеческим разумом и телом. Ненависть только что убила шестерых людей, которые были для меня дороже всего на свете. И я решил тогда остаток моей жизни — будут ли это лишь несколько дней или много лет — посвятить тому, чтобы любить каждого человека, который мне встретится». И к этому невыразимо трагическому повествованию Ричи добавляет: «Любить каждого человека... Это была та сила, которая так хорошо сохранила этого человека во всех лишениях. Это была та сила, с которой я впервые встретился в больничной палате в Техасе, сила, — это я постигал лишь постепенно, — через которую хотел снять Иисус Христос, независимо от того, осознавал ли ее сам человек или нет».

Два момента имеют здесь особое значение для всего последующего изложения нашей темы. Во-первых, поразительные и на первый взгляд совершенно непостижимые слова Билла о том, что решение о прощении «было для него легким решением, действительно легким», а во-вторых, принятие им на себя одновременно с первым еще и второго решения: «любить каждого человека, который мне встретится». В дальнейшем изложении будет сказано о том, из каких душевных сил единственно могло быть принято это «легкое» решение и каково оккультное значение последовавшего за ним второго решения.

Прежде чем обратиться к примерам прощения, непосредственно связанным с историей Антропософского движения и Антропософского общества в нашем столетии, приведем один пример из русской истории XIX века, который прояснит все значение импульса прощения для судеб не только единичных людей или отдельных сообществ, но также и целых народов.

1 марта 1881 года в Петербурге группой революционеров-террористов был убит царь Александр II. Суд приговорил пятерых царевубийц — среди них одну женщину — к смертной казни через повешение. Публичная казнь осужденных должна была состояться 3 апреля того же года. Однако последнее слово, уже по окончании судебного процесса и после вынесения приговора, принадлежало только что вступившему на трон сыну убитого царя — Александру III. По закону ему одному было дано право в последний момент помиловать преступников или же дать совершиться приговору суда.

В то время два наиболее значительных представителя духовной жизни России второй половины XIX века обратились почти одновременно и независимо друг от друга прямо к царю с просьбой о помиловании осужденных. Это были Владимир Соловьев и Лев Толстой. Владимир Соловьев сначала прочел на эту тему публичную лекцию в зале петербургского кредитного общества, после которой ему было запрещено дальнейшее преподавание в университете и вообще любые публичные выступления. Опасаясь, что содержание лекции было передано царю в искаженном виде, Соловьев отправил ему личное письмо, в котором он, в частности, писал следующее: «Веруя, что только духовная сила Христовой истины может победить силу зла и разрушения, проявляемую ныне в таких небывалых размерах, веруя также, что русский народ в целости своей живет и движется духом Христовым, веруя, наконец, что Царь России есть представитель и выразитель народного духа, носитель всех лучших сил народа, я решился с публичной кафедры исповедать эту свою веру. Я сказал в конце своей речи, что настоящее тягостное время даст русскому Царю небывалую прежде возможность заявить силу христианского начала всепрощения и тем совершить величайший нравственный подвиг, который поднимет власть Его на недостижимую высоту и на незыблемом основании утвердит Его державу. Милуя прагов своей власти вопреки всем естественным чувствам человеческого сердца, всем расчетам и соображениям земной мудрости, Царь станет на высоту сверхчеловеческую и самым делом покажет божественное значение царской власти, покажет, что в Нем живет высшая духовная сила всего русского народа, потому что во всем этом народе не найдется ни одного человека, который мог бы совершить больший подвиг»¹⁹.

Независимо от Соловьева с письмом к молодому царю обратился и Лев Толстой. К сожалению, оригинал письма не сохранился и его содержание известно лишь по черновому варианту, оставшемуся у автора. В нем 53-летний и уже всемирно известный писатель обращается к Александру III, по его собственным словам, не как к «государю», а «просто, как человек к человеку»²⁰. Ссылаясь на евангельские заповеди, Толстой называет желание царя дать совершиться земному возмездию и допустить новое убийство, руководствуясь при этом лишь государственными интересами, «ужаснейшим искушением», а прощение убийц — его преодолением: «...и Вы (простив) сделаете величайшее дело в мире, поборете искушение, и Вы, царь, дадите миру величайший пример исполнения учения Христа — отдадите добро за зло». И далее Толстой продолжает: «Не простите, казните преступников, Вы сделаете то, что из числа сотен вы вырвете 3-х, 4-х, и зло родит зло, и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40, и сами навеки потеряете ту минуту, которая одна дороже всего века, — минуту, в которую Вы могли исполнить волю Бога и не исполнили ее, и сойдете навеки с того распутья, на котором Вы могли выбрать добро вместо зла, и навеки завязнете в делах зла, называемых государственной пользой. ...Простите, воздайте добром за зло, и из сотен злодеев десятки перейдут не к Вам, не к ним — это неважно, а перейдут от дьявола к Богу, и у тысяч, у миллионов дрогнет сердце от радости и умиления при виде примера добра с престола в такую страшную для сына убитого отца минуту. Государь, если бы Вы сделали это, ... и написали бы манифест со словами сверху: а я вам говорю, любите врагов своих... Знаю, каким потоком разлились бы по России добро и любовь от этих слов. Истины Христовы живы в сердцах людей, и одни они живы, и любим мы людей только во имя этих истин».

В приведенных словах Лев Толстой выражает наполняющее его поистине пророческое чувство, переходящее в непоколебимую внутреннюю уверенность, что сам по себе ответ злом за зло, кровью за кровь никогда не принесет исцеления России, а напротив, неизбежно повлечет за собой лишь месть темных сил, а значит, новое зло и новую кровь — «и на место 3-х, 4-х вырастут 30, 40», — и тогда неостановимо раскрутившееся кровавое колесо рано или поздно погубит всю христианскую Россию. Ибо для Толстого «не число (революционеров) важно, не то, чтобы уничтожить или выслать их побольше, а то, чтобы уничтожить их закваску, *дать другую закваску*.» «Что такое революционеры? — пишет он далее царю. — Это люди, которые ненавидят существующий порядок вещей, находят его дурным и имеют в виду основы для будущего порядка вещей, который будет лучше. Убивая, уничтожая их, нельзя бороться с ними. Не важно их

число, а важны их мысли. Для того чтобы бороться с ними, надо бороться духовно. Их идеал есть общий достаток, равенство, свобода. Чтобы бороться с ними, надо поставить против них идеал такой, который бы был выше их идеала, включал бы в себя их идеал. ...Есть только один идеал, который можно противопоставить им. И тот, из которого они выходят, не понимая его и кощунствуя над ним, — тот, который включает их идеал, идеал любви, прощения и воздания добра за зло. Только одно слово прощения и любви христианской, сказанное и исполненное с высоты престола, и путь христианского царствования, на который предстоит вступить вам, может уничтожить то зло, которое точит Россию».

Читая ныне, по прошествии более чем столетия, эти слова, нельзя не поражаться их удивительному пророческому смыслу и одновременно глубокому пониманию Толстым (как впрочем и Соловьевым) всей тогдашней ситуации и ее возможных последствий, оказавшихся в дальнейшем той почвой, на которой несколькими десятилетиями спустя смогла укорениться и принести свои кровавые плоды ядовитая поросль большевизма. Александр III так и не смог подняться на необходимую нравственную высоту. Поддавшись влиянию своего ближайшего окружения, он не внял голосу высшей народной совести, говорившей к нему через Соловьева и Толстого. Таким образом, в последний момент перед надвигающимся крушением империи идеал христианского царя как истинного представителя народа Христа оказался недостижим для предпоследнего русского царя. Сам Александр III вообще не ответил на письма, написанные ему великим русским философом и великим русским писателем, а лишь «повелел..., чтобы г.Соловьеву... сделано было внушение за неуместные суждения, высказанные им в публичной лекции», а графу Льву Николаевичу Толстому «велел сказать..., что, если б покушение было на него самого, он мог бы простить, но убийц отца он не имеет права простить»²¹.

Тем не менее, глядя назад, уже из нашего времени, можно с уверенностью сказать: в том, к чему призывали предпоследнего русского царя два величайших гения России в конце XIX века, находилась, быть может, последняя реальная возможность, последний шанс избежать основания на востоке Европы уже в первой четверти XX века мировой империи зла²². Поэтому так жестоко должен был заплатить лишь тридцатью семью годами спустя последний русский царь и вся Россия за моральную слабость предшественника, за отказ последовать двум представителям истинного духа русского народа, за отказ *простить*, то есть за отказ остаться верным высшему духовному призванию России. Ибо если высший акт

прощения был бы тогда совершен, то это без сомнения повлекло бы за собой столь значительное усиление в народе нравственного авторитета царя, — к тому времени уже сильно упавшего, — что появившиеся лишь двумя десятилетиями позднее большевики просто не нашли бы в народе никакой подходящей почвы для осуществления своих темных планов.

Таким образом, именно этот пример с особой отчетливостью показывает, как вопрос о прощении может стать решающим для судьбы целой нации, а отчасти и для всего человечества на протяжении почти целого столетия.

Обратившись теперь к истории Антропософского движения и Антропософского общества в XX веке, и особенно к наиболее трагическим событиям в его развитии уже после смерти Рудольфа Штайнера, а также ознакомясь со всеми посвященными им воспоминаниями, полемическими статьями, письмами, стенограммами выступлений, протоколами собраний и т.д., из всего многообразия этих материалов в аспекте нашей темы прежде всего следует выделить один документ. Ибо в нем, в отличие от подавляющего большинства подобных документов, основной акцент делается не на негативном понятии «вины», а на позитивном понятии «прощения»; говорится в нем не об обращенном лишь в прошлое, а потому с духовной точки зрения совершенно бесплодном поиске «виновного», а об ином и единственно плодотворном пути, способном, исходя из самого духа Антропософии, повести в будущее.

Этот документ — «Призыв к примирению», опубликованный Марией Штайнер в «Листке сообщений» для членов Антропософского общества 12 декабря 1942 года²³. В чем же видела Мария Штайнер единственное по ее словам спасение для сложившейся к тому времени глубоко трагической ситуации в Антропософском обществе*? Она видела его в том же, в чем Антропософское общество должно видеть и ныне самый верный путь к решению многих своих проблем сегодняшнего дня: во всемерном усилении своей моральной субстанции. А это возможно, в первую очередь, через акт истинного прощения. Об этом в своем «Призыве» Мария Штайнер пишет так: «Однако еще происходят чудеса. Они происходят, когда моральная субстанция настолько сильна, что она оправдывает чудо. Что же мы можем сделать, чтобы спасти нашу моральную субстанцию? *Мы можем простить!* Каждый может простить то, что ему надлежит простить. Мы можем забыть достойное забвения и не копать в

* Имеется в виду второй большой конфликт, разгоревшийся во Всеобщем антропософском обществе уже после смерти Рудольфа Штайнера, в начале 40-х годов. (Первый конфликт имел место в середине 30-х годов.)

старых, причиненных нам несправедливостях. Мы можем подвести черту под всеми старыми историями, которые похищают у нас силы и в суть которых мы, поскольку мы молоды или живем в стороне, больше не в состоянии заглянуть».

При каком же условии — в смысле сказанного Марией Штайнер — может действительно совершиться такой акт прощения, в самом высоком и истинном значении этого слова? Также и на это *основное условие* она указывает со всей присущей ее характеру определенностью: «Тогда также и общиной должно быть сознательно принято решение: *преодолеть себя*. Ясно и добровольно». И затем в самом конце своего «Призыва», обращаясь ко всем членам Антропософского общества, она пишет: «Спасем его (Рудольфа Штайнера) дело и культуру человечества через самопреодоление и примирение, широко открыв наши врата ищущим».

Когда читаешь эти слова и проникаешься реально стоящим за ними духовным содержанием, то возникает сильное чувство, что если бы моральная субстанция, заложенная в них, была бы в тот критический момент воспринята большим числом антропософски настроенных душ, а прозвучавший голос услышан большим числом искренно бьющихся для Антропософии сердец, то последней и самой тяжелой катастрофы в истории Антропософского общества, последствия которой до конца не преодолены и по сей день, могло бы не произойти. Более того, в этом случае вся последующая судьба Антропософского общества могла бы сложиться совсем иначе.

Особенно сильное впечатление этот текст производит благодаря тому, что Мария Штайнер характеризует его как свое духовное завещание, оставляемое ею всем членам Антропософского общества и, в первую очередь, конечно, ее ближайшим друзьям и сотрудникам. Она сама пишет об этом так: «Мне кажется, что здесь (в забвении и прощении) заложена единственная возможность для нашего очищения — и общества, и отдельного человека. Я говорю это в полном сознании весомости этих слов, в сознании того факта, что я согласно человеческому измерению скоро предстану перед духовным образом Рудольфа Штайнера»*.

И быть может, к наиболее роковым моментам истории Антропософского общества уже после смерти Рудольфа Штайнера принадлежит тот факт, что этот «Призыв» в то время не был в достаточной

* Продолжением этого импульса можно считать, наряду с дальнейшими Призывами 1943 и 1945 годов, также предложение, сделанное Марией Штайнер в 1946 году, о присоединении «Управления литературным наследием Рудольфа Штайнера» к (свободной высшей школе Духовной науки при Гетеануме на правах отдельной секции²⁴).

мере услышан членами Антропософского общества. Станным образом он не был услышан и среди самих друзей и последователей Марии Штайнер. Также среди них не нашлось ни тогда, ни позднее достаточно людей, которые в полной мере восприняли бы внутренний моральный импульс этого «духовного завещания» ближайшей сотрудницы Рудольфа Штайнера и попытались бы претворить его в действительность.

Так, трагическим образом в течение десятилетий остается этот «Призыв» Марии Штайнер не услышанным, а ее духовная воля и поныне ждет своего окончательного исполнения. Ибо все значение и духовное содержание этого «Призыва» ни в малейшей степени не потеряло своей силы и актуальности и в наши дни, поскольку — как это будет показано ниже — его моральная субстанция проистекает из центрального спиритуального импульса всей Антропософии.

В то время (в 1942 году) два человека наиболее сильным образом пережили стоявший за этим «Призывом» духовный импульс. Это была другая ближайшая сотрудница Рудольфа Штайнера — Ита Вегман, назвавшая в своем письме к Марии Штайнер ее слова «великими и исполненными будущего»²⁵, и известный швейцарский антропософ Ф. Айманн, который, прочитав «Призыв», принял решение именно в этот критический момент стать членом Антропософского общества.

Если мы теперь захотим в более глубоком смысле понять, из каких духовных источников Мария Штайнер могла почерпнуть импульс к написанию этого «Призыва к примирению», — чтобы написать его, она должна была прежде всего в самой себе найти силы, позволяющие простить, — необходимо обратиться к еще одному, можно сказать, центральному примеру прощения во всей истории Антропософского движения и Антропософского общества. Этот пример, поставленный как своего рода высший праобраз перед всеми членами Антропософского общества, мы находим в деянии Рудольфа Штайнера на Рождественском собрании 1923/24 годов. Подробнее об этом еще будет сказано в последней главе настоящей работы. Здесь же на этот пример укажем совсем кратко.

Взглянем сначала на всю глубоко трагическую ситуацию последних лет земной жизни и деятельности Рудольфа Штайнера, в особенности на предшествовавший Рождественскому собранию 1923 год. Неудача движения за Трехчленность социального организма* в

* «Трехчленность социального организма» — социальное учение, разработанное Рудольфом Штайнером на основе Антропософии и заключающееся в разделении трех сфер: духовной, правовой и экономической, а также в установлении правильного взаимодействия между ними (см. Библ. 23 и 24).

1918—1919 годах, последствия которой должны были надолго определить исторические судьбы²⁶ средней, а в более широком смысле и всей Европы. Судьба обоих, так называемых «Курсов высшей школы»* в Первом Гетеануме в 1920 и 1921 годах, содержание которых, по словам Рудольфа Штайнера, оказалось во многом в полном противоречии с самим Духом Гетеанума**, а значит и со всей Антропософией. Ибо в них вместо оплодотворения науки Антропософией произошло обратное повсеместное внесение в последнюю естественнонаучных привычек мышления. Постепенно сформировавшаяся так называемая «Штутгартская система»*** оказалась со временем той бюрократической стеной, которая все сильнее отделяла Рудольфа Штайнера от членов Общества и все более затрудняла его непосредственный контакт с ними. Наконец, огненная гибель Гетеанума явилась страшным симптомом все усиливающегося развала в самом Антропософском обществе. Руины на дорнахском холме в 1923 году одновременно явились и зримым символом руин самого Антропософского общества, на что Рудольф Штайнер указал уже во вступительной лекции в первый день Рождественского собрания.

Основной причиной этих, а также многих других трагических событий — наряду с необычайно возросшей враждебностью извне — было все увеличивающееся количество ошибок, совершаемых в самых различных областях самими членами Антропософского общества и проистекающих в большинстве случаев из недостаточно выработанной способности суждения и личных амбиций. По этому поводу сам Рудольф Штайнер однажды заметил: «За все ошибки Общества делают ответственным меня и из-за этого страдает Движение»²⁷.

Более того, уже с начала 20-х годов и даже ранее среди членов Антропософского общества стал постепенно образовываться и все

* «Курсы высшей школы», организованные Рудольфом Штайнером, первый из них состоялся осенью 1920 г., второй — весной 1921 г., имели целью обновить различные научные направления, такие как философия, математика, органические и неорганические естественные науки, медицина, языкознание, социология и др. из источников Антропософии. Однако вместо этого их участники стали вносить в саму Антропософию привычки и предрассудки материалистически окрашенных наук, в результате чего Рудольф Штайнер был вынужден признать оба курса неудавшимися.

** Гетеанум или Иоанново Здание (Бау), было возведено в Дорнахе (Швейцария) в 1913-1922 годах по указаниям Рудольфа Штайнера. Оно было подожжено и сгорело в канун 1923 года. Позднее на его месте, также по проекту Рудольфа Штайнера, был возведен второй Гетеанум, который по настоящее время является международным центром Всеобщего Антропософского общества.

*** Имеется в виду возникший в начале 20-х годов в Антропософском обществе в Штутгарте сложный бюрократический аппарат, препятствовавший в то время живому распространению антропософского духовного импульса.

более проявлять себя род «внутренней оппозиции», направленный против самого Рудольфа Штайнера, а значит и против представляемого им антропософского импульса. Особенно на протяжении 1923 года Рудольф Штайнер неоднократно указывал на эту внутреннюю оппозицию. Например, в предпоследней лекции цикла, читавшегося им летом 1923 года в Дорнахе и озаглавленного «История и условия Антропософского движения в отношении к Антропософскому обществу»²⁸: «В этом третьем периоде (1918 — 1923 гг.)* начало образовываться то, что я хотел бы назвать внутренней оппозицией против того, что я сам должен делать в Антропософском обществе, определенная внутренняя оппозиция. Естественно, что большинство удивлено, когда я говорю об этой внутренней оппозиции, ибо оно ее не осознает, многие, по крайней мере. Но я хотел бы сказать: тем хуже. Потому что эта внутренняя оппозиция как раз в третьем периоде проявилась в чувствах очень сильно».²⁹

В целом же к 1923 году для самого Рудольфа Штайнера общая ситуация в Антропософском обществе и его собственное положение в нем сделались настолько невыносимыми, что он даже стал серьезно склоняться к тому, чтобы оставить его совсем и продолжить свое дело лишь частным образом, в окружении совсем небольшого круга наиболее верных и продвинутых учеников. Правда, о такой возможности Рудольф Штайнер упоминал в частных беседах уже значительно раньше. Мария Штайнер вспоминает в связи с этим в 1926 году: «Часто, уже в послевоенное время, в иной тяжелый момент отхода от борьбы, которую столь отвратительным образом вели против него враги, и равнодушия по отношению к их столь разрушительному усердию, Рудольф Штайнер высказывался так: «Кто знает, не лучше было бы вести Движение дальше без Общества»³⁰.

Однако это положение вещей достигло своей кульминации именно в 1923 году. Уже в апреле на генеральном собрании Антропософского общества в Швейцарии Рудольф Штайнер со всей определенностью указал на то, что если в Обществе не произойдет в ближайшее время существенных перемен, а все и далее останется по-прежнему, то он будет вынужден покинуть его: «Я должен буду прекратить мою работу в Антропософском обществе и обратиться к чисто личной деятельности»³¹.

Затем, в ноябре того же года, во время своего пребывания в Гааге по случаю основания голландского национального Общества Рудольф Штайнер в присутствии целого ряда ведущих голландских

* Рудольф Штайнер подразделяет развитие на Земле Антропософии в начале нашего столетия на три семилетних периода: 1) 1902-1909 гг., 2) 1910-1916 гг., 3) 1917-1923 гг.

антропософам с нескрываемой горечью, почти с отчаянием, произнес: «Члены Общества не хотят... Они полны хороших намерений, но... Как же я должен поступить...? Должен ли я основать Орден?!»³² Присутствовавший при этом Зеельманс ван Эммиховен описывает далее этот вечер в следующих словах: «Мы сидели совершенно уничтоженные; мы должны были предчувствовать, сколь глубокой была боль, которая его наполняла, сколь тяжела была забота, тяготевшая над ним. Только постепенно разговор снова возобновился, и д-р Штайнер высказался яснее о том, насколько он всюду и все снова и снова был разочарован Обществом, и о том, чего ему недоставало в нем. Он также сказал, что он ведь уже давал определенные указания..., а теперь, вместо того, чтобы использовать эти указания, к нему приходят с совсем другими, совершенно никуда не годными предложениями».

Насколько серьезно сам Рудольф Штайнер думал об этом в течение всего 1923 года, следует еще и из того, что он, уже глядя назад, считал необходимым упомянуть об этой возможности в своей речи при открытии Рождественского собрания: «Дело обстоит так, что нынешнее положение вещей должно приниматься серьезно, очень серьезно, иначе все-таки наступит то, о чем я часто говорил, что я должен буду отдалиться от Антропософского общества»³³.

И тем не менее, Рудольф Штайнер так и не пошел на этот шаг, а совершил прямо противоположное, а именно, приняв на себя на Рождественском собрании должность председателя, до конца и без остатка соединил свою судьбу с судьбой Всеобщего Антропософского общества. А это значит — непосредственно принял в круг своей собственной кармы *всех* членов вновь основанного Общества, *включая и имевшуюся в нем внутреннюю оппозицию*. Здесь мы должны со всей ясностью поставить перед нашим моральным сознанием то, что Рудольф Штайнер на Рождественском собрании принял решение не изгонять из Общества «оппозицию», не отдаляться от нее, предоставив ее самой себе, а наоборот, соединившись со всем Обществом, *соединиться также и с ней!* А это с оккультной точки зрения было возможно лишь через осуществление в самом высоком христианском смысле *принципа прощения*, прощения всех членов Антропософского общества, *всех* их предшествовавших ошибок и даже оппозиции ему самому. Ибо Рудольф Штайнер все их последствия в кармическом смысле должен был снова и снова брать на себя.

В этом полном и безостаточном акте прощения, осуществленном Рудольфом Штайнером накануне Рождественского собрания, и заложена та реальная духовная субстанция, та спиритуально-нравственная почва, на которой единственно смог затем взрасти импульс

Рождественского собрания как современный импульс новых Христианских мистерий.

И именно из этих подоснов, из этого центрального антропософского импульса и написала в декабре 1942 года Мария Штайнер свой «Призыв к примирению». И в этом же смысле до самого конца своей жизни понимала она идею и задачи созданного еще Рудольфом Штайнером «Эзотерического правления»: «Глубочайшая эзотерика могла состоять в том, чтобы до того разрозненные духовные потоки в лице их отдельных представителей теперь привести к гармоничному уравниванию», — писала она об этом в 1944 году в предисловии к первому изданию всех стенограмм Рождественского собрания³⁴. Осуществление же этого «гармоничного уравнивания» как тогда в прошлом, так и в наше время и особенно в будущем будет возможно только благодаря сохранению и укреплению той «моральной субстанции», которая достижима лишь через основанные на самопреодолении «прощение», «забвение» и «примирение», к которым прежде всего призывает Мария Штайнер.

Из сказанного становится понятным, почему из всех ближайших сотрудников Рудольфа Штайнера этот «Призыв» произвел столь «глубокое впечатление» именно на Иту Вегман, вопрос которой о «новых мистериях», поставленный Рудольфу Штайнеру, сыграл столь важную роль в принятии им окончательного решения о проведении Рождественского собрания. Ибо в словах Марии Штайнер Ита Вегман видела не только обращение к моральному сознанию тех членов Общества, «которые верны делу и Рудольфу Штайнеру», но прежде всего живое присутствие и конкретное проявление самого центрального *Импульса Рождественского собрания*. Именно в этом более глубоком смысле мы можем единственно правильно понять уже упомянутое выше высказывание Иты Вегман о том, что слова, стоящие в «Призыве» Марии Штайнер, «велики и исполнены будущего». Однако они только в том случае пребудут таковыми, если в Антропософском обществе найдутся люди, которые захотят через подлинное *самопреодоление* вести их к действительному осуществлению!

Одним из примеров такого осуществления, то есть действием, совершенным из центрального импульса Рождественского собрания, является присоединение на Пасху 1960 года голландского национального Общества под руководством его генерального секретаря Зеельманса ван Эммиховена к Всеобщему антропософскому обществу и к Гетеануму после 25-летнего периода разделения. В официальном письме, написанном им по этому случаю в сентябре 1959 года, стоят следующие слова: «Если мы теперь все же готовы присоединиться ко

Всеобщему Обществу, то это происходит по той причине, что мы придерживаемся мнения, что время торопит и что мы хотим по крайней мере внести наш вклад в возрождение Всеобщего антропософского общества, которое оправдывало бы наименование «всеобщее» благодаря тому, что оно охватывает всех тех, кто переживает себя искренними учениками Рудольфа Штайнера»³⁵. Особенно заключительные слова этого отрывка сильно перекликаются с содержанием «Призыва к примирению» Марии Штайнер. На вопрос же о том, почему он принял это решение, сам Зеельманс ван Эммиховен ответил так: «Потому что мы этого хотим». А позднее, уже в частной беседе, он добавил: «из любви к Рудольфу Штайнеру!»³⁶.

Также и в Германии, особенно после окончания второй мировой войны, в направлении подобного осуществления центрального Импульса Рождественского собрания особенно активно работали такие видные антропософы как Эмиль Бок, Фриц Гетте, Клара и Рудольф Кройцер и другие. Совместные усилия последних привели к возникновению в 1956 году так называемого «Шевенингского круга», явившегося важным шагом на пути постепенной новой консолидации Антропософского общества вокруг Гетеанума в Дорнахе^{37*}.

Все сказанное об *импульсе прощения* в жизни Рудольфа Штайнера имеет свое более глубокое основание еще в том, что открытый им для всего человечества новый путь Посвящения, как он изложен в книгах «Как достигнуть познания высших миров» и «Очерк Тайноведения», является современной формой того посвятельного пути, истоки которого восходят к центральной фигуре всего христианского эзотеризма, носящей с XIV столетия имя Христиана Розенкрейца³⁸. Поэтому в жизни Рудольфа Штайнера, который уже с юности был непосредственным учеником Христиана Розенкрейца, а затем в своих книгах и лекциях неоднократно указывал на то, что изложенный в них путь духовного развития был одновременно и его собственным путем, мы можем найти многое из того, что является наиболее характерным и для всеобъемлющей Миссии его учителя. А к ее характерным чертам принадлежит также импульс прощения.

Следующие слова Рудольфа Штайнера, указывающие на важнейшую Миссию Христиана Розенкрейца в настоящем и будущем, могут помочь нам понять все значение импульса прощения в жизни этого ведущего мастера эзотерического христианства: «И те, кто знает, как обстоит дело именно с этой Индивидуальностью, они также знают, что Христиан Розенкрейц будет величайшим мучеником среди

* Имеются в виду регулярные встречи антропософов разных стран в небольшом местечке Шевенинг (Германия), положивших начало постепенному преодолению обоим конфликтов во Всеобщем антропософском обществе.

людей, не считая Христа, Который страдал как Бог. И страдания, которые сделают из него (Христиана Розенкрейца) великого мученика, будут происходить от того, что люди столь редко принимают решение заглянуть в собственную душу, чтобы все больше искать (в ней) развивающуюся индивидуальность, и принять на себя также и то неудобство, что готовую истину им не преподносят на сервированной тарелке, но что ее необходимо завоевывать в горячем стремлении, в горячей борьбе и искании, и что никаких других требований не может быть выдвинуто от имени того, кто зовется Христианом Розенкрейцем»³⁹.

Прежде всего, ознакомившись с этими поразительными словами, необходимо спросить себя: из чего же, собственно, будет происходить это великое страдание Христиана Розенкрейца в будущем развитии человечества? Оно будет иметь своим главным источником нежелание людей, исходящих из своей собственной индивидуальности, из своего Я, самостоятельно стремиться к отысканию духовной истины, а также нежелание их брать на себя ответственность за свое собственное высшее развитие. Можно сказать, что в определенном смысле Христиан Розенкрейц в будущем, которое, однако, начинается в наше время, совершенно добровольно примет на себя часть кармы «развивающейся индивидуальности», то есть часть кармы развивающегося индивидуального Я. А поскольку в современную эпоху общего господства материализма человечество в целом менее всего склонно к внутренней самостоятельности и к такому индивидуальному поиску духовной истины, а напротив, склоняется к полной внутренней пассивности в отношении истинного духовного познания, — то эта добровольно принятая на себя Христианом Розенкрейцем кармическая задача явится для него источником величайшего страдания. Последнее будет особенно велико от того, что, однажды взяв на себя эту задачу, Христиан Розенкрейц по законам духовного мира уже не может отказаться от нее, вплоть до полного исполнения им своей миссии.

Иначе говоря, Христиан Розенкрейц принял решение *остаться вместе с человечеством* и духовно вести его, абсолютно уважая при этом свободу каждого человека и одновременно соглашаясь взять на себя и нести все последствия возможного злоупотребления ею со стороны людей, проистекающие из их нежелания действительно вступить на путь индивидуального духовного развития. Однако сама возможность оставаться при таких условиях вместе с человечеством до тех пор, пока оно, наконец, не проснется для индивидуальной внутренней деятельности, возможно для Христиана Розенкрейца только при условии постоянно осуществляемого им спиритуального

акта *высшего прощения* по отношению к тем многочисленным людям, которые в наше время из внутреннего страха перед самостоятельным духовным развитием ни за что не хотят проявить даже самую малейшую внутреннюю активность в направлении, охарактеризованном в вышеприведенных словах Рудольфа Штайнера⁴⁰.

По отношению к таким людям можно с оккультной точки зрения поступить двояким образом: либо духовно отойти от них, то есть в высшем смысле как бы не простив им такого сознательного, а чаще всего бессознательного противодействия правильному ходу человеческой эволюции, или *простить им это* и таким образом получить возможность духовно остаться вместе с ними и, продолжая прощать их снова и снова, терпеливо ждать, пока они из своей внутренней свободы не разовьются до познания абсолютной необходимости для всего будущего развития индивидуальной духовной инициативы, являющейся основным условием для того, чтобы Христиан Розенкрейц смог затем принять их в число своих учеников.

В сказанном мы имеем образ того поистине крестного пути, по которому идет ныне Христиан Розенкрейц и на который вместе с Рождественским собранием вступил также и Рудольф Штайнер. Поэтому на заданный ему после Рождественского собрания вопрос о его отношении к Христиану Розенкрейцу Рудольф Штайнер ответил имажинацией, в которой у расположенного в духовном мире алтаря стоят: слева от алтаря — Христиан Розенкрейц в голубой мантии, а справа — Рудольф Штайнер в красной⁴¹.

В этом смысле оба учителя эзотерического христианства стоят в духовном отношении рядом друг с другом и оба являются непосредственными последователями и подражателями самого Божественного Существа Христа. Ибо в Его трехлетней земной жизни и крестных страданиях всему человечеству дан высший праобраз того пути *всеобъемлющего прощения*, по которому и идут ныне Христиан Розенкрейц и Рудольф Штайнер.

Этот высший праобраз — он находит свое выражения в прощальных словах Христа Иисуса, сказанных Им с Голгофского Креста: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают» (Ев. от Луки 23, 34). С тех пор каждый человек, достигший действительного христианского Посвящения и в результате этого всем своим существом, всеми силами своей души стремящийся к подражанию Христу⁴², должен будет с неизбежностью рано или поздно вступить на этот тернистый путь, на котором ему, вслед за Христианом Розенкрейцем и Рудольфом Штайнером, надлежит сделаться «величайшим мучеником среди людей» и одновременно человеком, обладающим поистине

безграничными *силами прощения*, ибо одно в духовном отношении неотделимо от другого. И этот тяжелый крест страдания и всепрощения Христиан Розенкрейц и все связанные с ним духовные учителя вместе с их посвященными учениками будут нести, пока в мире еще существуют люди, «которые не знают, что делают», и которые поэтому постоянно нуждаются в высшем прощении и будут нуждаться в нем до тех пор, пока, наконец, их глаза не откроются для «познания» действительных реальностей духовного мира. А это сможет наступить лишь в процессе все большего и большего развития направленной на спиритуальное внутренней активности их душ.

Проведя в этой главе перед внутренним взором души семь примеров, выражающих самые различные аспекты проблемы прощения, от современности вплоть до высочайшего Праобраза, мы смогли именно в последнем, в словах, прозвучавших с креста о прощении всего человечества и каждого отдельного человека в прошлом, настоящем и будущем, найти указание на основную тайну прощения, заключающуюся в его связи со сферой познания.

В этом смысле *сущность прощения как проблемы познания* является не только одним из самых насущных вопросов нашего времени, но и важнейшей проблемой, которую обязательно должна поставить себе Антропософия, или современная Наука о Духе. Ибо только такая Наука о Духе, опираясь на конкретные результаты сверхчувственного исследования, способна в наше время действительно разрешить ее удовлетворяющим современное сознание образом.

СУЩНОСТЬ ПРОЩЕНИЯ С ДУХОВНОНАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

Рассмотрение прощения с духовнонаучной точки зрения лучше всего начать с одной характеристики сущностных членов человека, находящейся во второй главе книги Рудольфа Штайнера «Очерк Тайноведения». Эта характеристика звучит так: «Что для физического тела — смерть, для эфирного тела — сон, это для астрального тела забвение. Можно также сказать: эфирному телу свойственна жизнь, астральному телу — сознание, а Я — воспоминание».⁴³

Приведенные слова Рудольфа Штайнера мы можем понять следующим образом. Физическое тело человека, как только его покидают высшие члены человеческого существа, тотчас превращается в труп. В нем тогда совершаются процессы, которые мы встречаем повсюду в минеральном мире. Минеральная субстанция как таковая сама по себе не обладает жизнью. Последняя проникает в нее вместе с эфирным телом, как это имеет место и у растений. Но растения, обладая жизнью, еще не обладают сознанием, во всяком случае в тех его формах, которые знакомы обычному человеку. В своей бессознательности растение как бы постоянно погружено в глубокий сон, подобный человеческому сну, лишенному сновидений.

Пробуждение происходит лишь на следующей, более высокой ступени природного бытия, через присоединение к эфирному астрального тела, являющегося носителем сознания. Таким внутренним строением, заключающим в себе уже начальные элементы сознательности, обладают животные. Поэтому в их жизни мы находим, например, постоянную ритмическую смену двух состояний сознания сна и бодрствования, хотя оба этих состояния еще сильно отличаются от подобных им состояний человека. Но «бодрственное» состояние животного, вызываемое наличием у него астрального тела, может быть в действительности уподоблено лишь сновидческому

состоянию человека, поскольку само по себе сознание астрального тела может доходить лишь до степени ясности сновидений.

Однако то, чем совершенно не обладает животное, а значит и действующее в нем астральное тело, — это последовательный непрерывающийся поток памяти и основывающееся на нем индивидуальное самосознание. Таким самосознанием обладает лишь человек как носитель помимо астрального тела еще и индивидуального «Я». Поэтому Рудольф Штайнер говорит об этой связи астрального тела и «Я», что «астральное тело (должно было бы) все снова придавать забвению прошлое, если бы «Я» не спасало бы это прошлое и не переносило его в настоящее»⁴⁴.

Лишь при некоторых болезненных состояниях может произойти так, что при пробуждении человека от сна его сновидческое сознание, имеющее свой источник в астральном теле, не будет в достаточной мере охвачено и прояснено воздействием приходящих извне впечатлений внешних чувств. Тогда имеет место как бы неправомерное «вскипание» астрального тела, которое частично затопляет своими силами, и прежде всего живущей в нем низшей сновидческой волей, внутреннюю область действия дневного человеческого Я-сознания. Астральное тело тогда как бы самовольно прерывает постоянно пронизывающий и несущий его непрерывный поток памяти, в результате чего ясное, бодрственное сознание человека вытесняется другим родом сознания, а именно смутным, пониженным сознанием астрального тела, сравнимым лишь с переживанием сновидений наяву.

В своих лекциях Рудольф Штайнер для пояснения этого процесса несколько раз приводит один взятый им из самой жизни, а потому особенно наглядный пример. В юности он сам знал одного человека, который однажды внезапно полностью лишился памяти. Встав поутру, он, ничего не подозревая, покинул свою семью, свой дом, сел на поезд и уехал в совсем другой город. Там он снова купил билет и поехал во второй город, оттуда в третий и так далее. Несколько недель путешествовал он таким образом по всей Европе, не имея ни малейшего представления о том, что он, собственно, делает. Сознание его астрального тела с сохранившимися в нем привычками, порожденными всей предшествовавшей деятельностью в нем его Я, продолжало внешне вести себя вполне «разумно» — оно покупало билеты, смотрело в расписание поездов, соблюдало все правила поведения на железной дороге и т.д., но его самосознание, то есть сознание его Я, при этом не присутствовало. И все это продолжалось, пока, наконец, вся целостность его индивидуальной памяти снова не вернулась к нему, и он не осознал себя находящимся

и совершенно чужом городе, в ночлежке для бездомных⁴⁵.

Этот случай Рудольф Штайнер комментирует далее с духовно-научной точки зрения: «Мы, так сказать, несем в себе воспоминания как сокровище, собранное из наших переживаний во внешнем мире. И если в случае заболевания — я ведь уже об этом говорил — мы что-то теряем из этих воспоминаний, тогда этим наносится вред самому нашему Я»⁴⁶. А отсюда со всей ясностью следует абсолютная непропорциональность подобного воздействия астрального тела на Я, когда оно в качестве более низкого члена человеческого существа незаконно вторгается в сферу действия более высокого члена, нарушая этим его закономерную правильную деятельность*.

После ознакомления с этими мыслями Рудольфа Штайнера можно приступить непосредственно к рассмотрению самого процесса прощения с точки зрения современной Духовной науки. Ибо в акте прощения мы также вызываем в нашем внутреннем — только на этот раз с полным сознанием и по своей собственной воле — своего рода «перерыв» или момент «забвения» в непрерывном потоке памяти, являющемся основанием нашего бодрственного Я-сознания. Только в отличие от приведенного выше случая в акте прощения как в акте *сознательно* вызываемого забвения индивидуальному человеческому Я ни в малейшей степени не наносится ущерб. Напротив, его силы в результате этого лишь значительно возрастают, а внутренний мир человека очищается и становится гораздо более духовным. Из этого со всей очевидностью следует, что появляющаяся в каждом акте истинного прощения духовная сила, по своему характеру лишь укрепляющая человеческое Я, не может проистекать из астрального тела, действующего на Я в указанном направлении лишь негативным, затемняющим Я-сознание образом.

Что же, однако, может воздействовать на него позитивным образом? Ответ на этот вопрос дает нам основной педагогический закон, сформулированный Рудольфом Штайнером во второй лекции «Лечебно-педагогического курса»⁴⁷. Его сущность состоит в том, что положительное воздействие одного члена человеческого существа на другой может происходить лишь в направлении от высшего члена к низшему, но никогда не наоборот. Так, например, если воспитатель хочет вызвать положительные изменения в физическом теле своего ученика или вверенного его заботе подопечного, то он должен подействовать на его физическое тело из сил своего эфирного тела. Для положительного воздействия на эфирное тело ученика или подопечного ему потребуются силы собственного астрального тела, а

* Об этом содержащемся в «Очерке Тайноведения» и в лекции от 2 ноября 1908 г. (Тибл. 107) положительном аспекте «забвения» будет сказано далее в гл. VI, 4.

для положительного воздействия на его астральное тело — силы Я. Наконец, следующую ступень, которая и отвечает на наш вопрос, Рудольф Штайнер сам формулирует так: «на Я может оказывать воздействие только то, что живет в Самодухе». Причем необходимо иметь в виду, что этот закон сам по себе является лишь земным отражением взаимодействия в духовных мирах *всех* Высших Иерархий правомерного развития, вплоть до высочайших их взаимодействий как между собой, так и с человеком.

Итак, одно лишь Высшее Я человека, или его Самодух может в положительном смысле воздействовать на обычное человеческое Я, не только не нанося ему ущерба, но, напротив, лишь способствуя его дальнейшему росту и развитию. В этом мы имеем указание на самую внутреннюю сущность *процесса прощения*, а именно: человек может действительно прощать, то есть по своей воле и без малейшего ущерба для себя прерывать поток памяти, несущий его индивидуальное Я, только если он дает воссиять в нем свету своего Высшего Я, иначе говоря, если он окажется в состоянии пронизать его силами Самодуха. А это означает, что в проблеме прощения как таковой уже заложено взаимоотношение Высшего и низшего Я в человеке, так что без углубления в сущность и значение прощения эту связь просто невозможно понять до конца. Ибо то, что в сущности на протяжении всей земной жизни человека постоянно совершает его Высшее Я по отношению к низшему, это есть — выражая его действие словами человеческого языка — *процесс непрерывного прощения*, прощения всех тех бесчисленных ошибок и заблуждений, которые это низшее Я все снова и снова совершает прежде всего в силу того обстоятельства, что оно в подавляющем большинстве случаев находится в полном или частичном неведении (забвении) относительно действительных импульсов постоянно ведущего его Высшего Я.

Если мы здесь вспомним указание Рудольфа Штайнера на то, что Высшее Я (Самодух) каждого человека в настоящем цикле его развития несомно в духовных мирах его Ангелом Хранителем и что поэтому с определенной точки зрения не принципиально сказать, действует ли в человеке Самодух или в нем действует его Ангел⁴⁸, то тогда все изложенное сможет пролить свет также и на *основной характер* взаимоотношения человека с ведущим и охраняющим его Ангелом. Ибо все отношения Ангела к ведомому им человеку строятся в самом строгом соответствии с вышеприведенными словами Христа: «Отче! прости им, ибо они не знают, что делают». Ведь в действительности человек в своем обычном дневном сознании, как правило, почти ничего не знает о тех намерениях, о тех важных решениях, о том идеальном плане всей своей будущей земной жизни, который он сам

под руководством своего Ангела принял и разработал в своем Высшем Я еще до рождения на Земле. А не зная этого, не помня об этом, он затем совершает в жизни поступки, лелеет в своей душе мысли и чувства, по большей части как раз совершенно противоположные этому. Однако, с другой стороны, именно такое незнание, можно также сказать — забвение, и является основанием тех почти безграничных сил прощения, которые Ангел постоянно несет навстречу ведомому им человеку. Без этих сил, то есть не прощая все снова и снова — или, как на это указывает Сам Христос Иисус, «до седмижды семидесяти раз»,* — он никогда не смог бы правильным образом вести вверенного ему человека от воплощения к воплощению, не покидая его ни на мгновение.

Так ведет человека его Ангел через земные жизни и периоды посмертного бытия в своем непрестанном служении Существу Христа, Импульс Которого Ангелы правильного развития приняли в себя раньше людей, во время прохождения Христа через ангельскую сферу на Его пути к воплощению на Земле в Иисусе из Назарета⁴⁹.

Из приведенной здесь характеристики прощения, как выражения взаимодействия Высшего и низшего Я, становится понятным описанное в предыдущей главе отношение такого ведущего Посвященного христианского эзотеризма, как Христиан Розенкрейц, к Высшему Я человека. Ибо по своему характеру это отношение приближается к тому отношению, которое имеет к высшему Я ведущий человека Ангел, поскольку великие Посвященные человечества в своем собственном развитии уже ныне предвосхищают то состояние, которое будет достигнуто остальными людьми лишь на Юпитере.

В лекции от 18 октября 1905 года Рудольф Штайнер характеризует такое отношение Посвященного к Высшему Я другого человека в следующих словах: «Высшее Я человека не принадлежит к тому, что живет в нас, но к тому, что вокруг нас. Высшее Я — это высокораз-

* Ев. от Матф. 18,22. Под этим числовым соотношением имеются в виду семь следующих одно за другим человеческих воплощений, длиной в 70 лет каждое (70 лет возраст патриарха, то есть одной человеческой жизни с оккультной точки зрения). К концу такого ряда из семи воплощений человек должен полностью исправить все свои ошибки и кармические задолженности по отношению к другим людям, совершенные в его начале, так что к «восьмому» воплощению он должен быть совершенно свободен от всех недостатков и несовершенств «первого» и так далее. Если же эти кармические задолженности и последствия совершенных ошибок останутся неисправленными в течение всех семи воплощений, то тогда с неизбежностью возникают трудности между человеком и ведущим его Ангелом, препятствующие последнему и далее вести его.

витые индивидуальности. Человек должен достигнуть ясности в отношении того, что Высшее Я находится вне его. Если бы он искал его в себе, то он никогда его бы не нашел. Он должен искать его у тех индивидуальностей, которые уже прошли тот путь, по которому мы хотим идти... Чтобы... действительно познакомиться с Высшим Я, мы должны искать его там, где оно существует уже сегодня у более высоких индивидуальностей. Это и есть общение ученика с Учителем»⁵⁰.

Читая ныне многочисленные воспоминания личных учеников Рудольфа Штайнера, можно сказать, что некоторые оставленные ими описания того впечатления, которое он производил на них в тех или иных ситуациях, дают возможность почувствовать, как сама встреча с ним для многих из них явилась их первой встречей с собственным Высшим Я, которое они впервые в жизни пережили благодаря Рудольфу Штайнеру.

Однако в той же степени, в какой великие Посвященные представляют в человечестве это Высшее Я, они должны постоянно исполнять и ту обязанность, которую это последнее исполняет по отношению к низшему, а именно — постоянно прощать его, чтоб иметь возможность и далее оставаться с ним, помогая ему продвигаться по пути восходящей, а не нисходящей эволюции. Точно также поступают истинные Посвященные и по отношению к человечеству.

Подытоживая все изложенное в этой главе, можно следующим образом описать оккультный «процесс» прощения. В результате напряжения моральной воли, исходящей от индивидуального Я и вызывающей сам акт прощения, — то есть сознательное забвение причиненного нам зла или несправедливости, — в непрерывном потоке памяти, пронизывающем наше Я и несущем наше Я-сознание, образуются как бы «незаполненные памятью пространства», в которые может тогда излиться преображающая всякое зло субстанция Высшего Я, или Самодуха*. Подобное произошло как раз с Биллом Коди, который, конечно, ни на одно мгновение в своей последующей жизни не забыл о гибели своих близких, но одновременно смог

* Само собой разумеется, что здесь имеется в виду не просто обычное «забвение». В данном процессе речь идет, в первую очередь, о сознательном исключении всего субъективного, например, внутреннего протеста, возмущения, антипатии и т.п., место которых должно заступить полнейшее душевное спокойствие и объективное *принятие* выпавшей на долю человека судьбы. Далее, всякая форма негативного воспоминания (злопамятность) должна пройти через своего рода смерть (процесс забвения), чтобы потом воскреснуть в душе как *прощение*, как сильная воля жертвенно даровать миру столько же добра, сколько у него было отнято злым деянием.

передать полному забвению всякую ненависть к совершившим преступление, претворив ее в активную любовь ко всем людям. Эта субстанция Самодуха, несомая далее потоком памяти, проникает тем самым в человеческое Я, постепенно преображая и одухотворяя его. В результате происходит не сужение, а напротив, все большее расширение Я-сознания, и одновременно его пронизание высшими нравственными силами, все более приближающими его к переживанию своего Праобраза — к непосредственной встрече с Христом в ближайшем к Земле духовном мире.

ПРОЩЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШАЯ СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОГО ПУТИ КО ХРИСТУ

*Откровения Христа будут все выше и
выше; это Мистерия Его развития.*

Рудольф Штайнер.

Лекция от 17 июня 1910 г.

1. Терпимость

В самом начале предпринятого нами изложения (гл. I) уже говорилось о том, что прощение само по себе является лишь частью — для нашего времени, быть может, наиболее важной — определенного пути духовного развития, способного повести современного человека к действительному переживанию Христа и одновременно к полному преобразению всего своего существа.

Этот путь состоит вначале из четырех ступеней. Из них первая, по сути, еще предшествует самому акту прощения как таковому, и тем не менее, она играет исключительно большую роль в нашей жизни. Эта первая ступень состоит в развитии подлинной терпимости и может быть также охарактеризована как своего рода «прощение в малом».

Попытаемся теперь рассмотреть это внутреннее качество с духовнонаучной точки зрения. Для этого прежде всего необходимо принять во внимание следующее. Из сообщений Духовной науки известно, что нашим бодрственным *Я-сознанием* мы в значительной мере обязаны физическому телу, точнее, проникающим в нас через его органы чувств впечатлениям внешнего мира. Можно сказать, что человеческое Я, действуя изнутри, как бы постоянно наталкивается на них и благодаря этому все снова и снова приходит к *осознанию* своей собственной сущности. Особенно наглядным образом это проявляется в момент пробуждения от сна. Как правило, в этом случае именно впечатления внешнего мира, проникающие в нас через врата внешних чувств, вызывают акт пробуждения, вспыхивание в нас нашего бодрственного Я-сознания.

Итак, с определенной точки зрения, последнее всегда возника-

ет в результате взаимодействия человеческого Я и физического тела, прежде всего, его органов чувств. Нечто подобное, хотя и в иной форме, имеет место и при развитии истинной терпимости. Также и здесь центральную роль играет взаимодействие человеческого Я и органов чувств. Это можно пояснить одним совсем простым примером.

Представим себе, что некий человек нам антипатичен. Тогда, находясь рядом с ним, мы переживаем, что уже само его присутствие раздражает нас практически через весь спектр наших чувств. Нас может раздражать, как он выглядит, как ведет себя, как говорит, как мыслит, как движется, — иными словами, нам может показаться отгалкивающим все, вплоть до тембра его голоса и даже запаха духов, которыми он пользуется. При более тонком, дифференцированном наблюдении можно даже установить, что раздражающие, а значит воспринимаемые нами как «негативные» воздействия от него могут проникать в наше Я практически через все двенадцать чувств, особенно же через семь из них, направленных более на внешний мир (чувства: Я, мышления, слова, слуха, тепла, зрения и вкуса)⁵¹.

Причина этого заключается в том, что в настоящий период земного развития человеческое Я, находящееся еще под сильным воздействием непросветленного астрального тела, пользуется внешними органами чувств так, что они легче всего приносят ему весть о негативных свойствах того или иного существа или события внешнего мира. Отсюда возникает та, столь широко распространенная в современной цивилизации общая нетерпимость, которая непременно должна быть преодолена на описываемом нами пути. Каким же образом? Прежде всего для этого необходимо совершенно новое воспитание самих внешних чувств. И если человек не имел счастья в юности получить такое воспитание в школе, в семье или иным образом, то он может наверстать упущенное позднее в своей жизни при помощи сознательных усилий своего Я. Тогда уже в зрелом возрасте его собственное Я должно стать воспитателем его внешних чувств и последовательно привыкать воспринимать в каждом существе и процессе внешнего мира, в первую очередь, его положительные стороны и качества. А их при желании можно найти в *каждом* процессе, событии или существе. Возможно же это лишь через развитие интенсивного *морального мышления*, ибо только оно одно способно стать тем основным инструментом, в котором нуждается наше Я для постепенного перевоспитания наших чувств в указанном направлении.

На внутренний характер такого морального мышления Рудольф Штайнер указал в своих статьях о Мистерии Михаэля: «Он (человек) хотя и думает головой, но его сердце чувствует его мышле-

ние светлым или темным»⁵². Интенсивная мыслительная работа, направленная на моральное преобразование и очищение мышления от всякого эгоистически-самолюбивого элемента может постепенно сделать из него лучшего «учителя» наших органов чувств в восприятии прежде всего *положительных* сторон всех событий и существ во внешнем мире, что в свою очередь может послужить прочным основанием для развития истинной терпимости.

В своей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» Рудольф Штайнер указал на эту важнейшую для духовного ученичества установку души в таких словах: «Если я встречаю человека и осуждаю его слабости, то я похищаю у себя более высокие познавательные силы, если же я пытаюсь с любовью углубиться в его достоинства, тогда я собираю эти силы. Ученик тайноведения должен неустанно стремиться следовать этому наставлению. Опытные тайноведы знают, какими силами они обязаны тому обстоятельству, что они все снова и снова взирают лишь на доброе во всех вещах и воздерживаются от осуждающего суждения»⁵³.

Здесь, быть может, наиболее сильным духовно-педагогическим и одновременно художественным примером нам может послужить созданная Рудольфом Штайнером для Первого Гетеанума Скульптурная группа, изображающая Христа как Представителя человечества между Люцифером и Ариманом. При взгляде на нее наше внимание совершенно естественно всецело сосредотачивается на Центральной Фигуре. И это впечатление *непосредственной встречи* может достигнуть такой силы и интенсивности, что зритель сперва вообще ничего не видит вокруг, кроме находящегося перед ним Представителя человечества. И лишь по прошествии некоторого времени, когда это первое всепоглощающее впечатление осознается все более и более, взору открываются словно два неких потока, исходящих из сердечной области Центральной Фигуры в направлении ее протянутых рук, — левая вверх, правая вниз, — лишь следуя за которыми зритель постепенно замечает наличие в окружении Представителя человечества также и противоборствующих существ.

Таким образом, при созерцании группы нам только при помощи средств художественно-духовного воздействия вначале открывается центральная Мистерия Добра, а затем двуликое зло. Иначе говоря, наш взор сначала естественным образом направляется на объективно доброе в мире и человеке и лишь после этого, — когда наша душа уже укреплена им, — на злое для его последующего преобразования добром в новую позитивную силу. Напротив, если начать с восприятия зла в любом предмете или существе, не укрепив прежде душу в поиске в нем добрых сторон, то есть не обнаружив в

нем действия и присутствия сил Христа, человек, быть может, даже сам того не замечая, слишком легко оказывается внутренне в плену злых сил. Последние же тогда стремятся показать ему в окружающем его мире лишь родственное им зло, в результате чего человек вообще теряет возможность найти во внешних событиях и существах сокрытое в них добро.

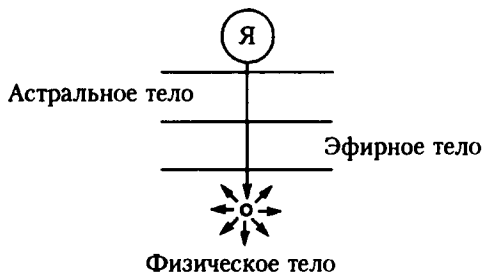
Так в самой Скульптурной группе из современного ясновидческого сознания нам ныне дано не только замечательное произведение искусства, но и важнейшее *воспитательное* средство, способное пробудить в человеке глубочайшие силы терпимости и таким образом позволить ему вступить на путь, о котором говорится в этой главе.

Этот путь начинается с развития подлинного *интереса* к другому человеку, который возможен лишь при последовательном обращении всего внимания на присущие ему положительные, добрые качества. Только такой интерес, способный проявляться посредством всех двенадцати чувств, может затем повести к возникновению действительно всеобъемлющей *терпимости*, которую Рудольф Штайнер характеризует для нашего времени как «мыслительный путь к Христу»⁵⁴. А внутренний призыв, ныне звучащий в мире для каждого духовно открытого уха, призыв все снова и снова прощать стоящего рядом с нами человека он в той же лекции определяет как исходящий непосредственно от самого Эфирного Христа: «И так Он (Христос) сегодня говорит тем, кто хочет Его слушать: «То, что думает один из ваших меньших братьев, вы должны рассматривать так, что это Я думаю в нем, и что Я чувствую с вами, когда вы соизмеряете мысли других с вашими мыслями и имеете социальный интерес к тому, что происходит в другой душе. То, что вы находите как мнения, взгляды на жизнь в одном из ваших меньших братьев, в этом ищите Меня Самого.» — Так говорит в жизни наших мыслей Христос, который по-новому — и мы уже приближаемся к этому времени — хочет открыться людям XX столетия»⁵⁵. И далее Рудольф Штайнер поясняет: «Но мы не найдем Его (Христа), если эгоистически останемся в нас самих с нашими мыслями, но только тогда мы встретим Его, когда будем соизмерять наши мысли с мыслями других людей, если мы расширим наш *интерес* до внутренней *терпимости* ко всему человеческому...»

Таким образом, постепенное воспитание органов чувств, начинающееся с «чувства Я» и «чувства мысли», а затем охватывающее все другие чувства и одновременно ведущее к постепенному достижению действительной *терпимости* по отношению ко всякому проявлению индивидуального Я, образу мышления и всем прочим проявлениям человека, особенно в социальной жизни, есть то, что в наше

время ожидает от человека Эфирный Христос в своем новом откровении. * Для нашей эпохи это является конкретным выражением глубокой духовнонаучной истины, заключающейся в том, что «Импульс Христа лежит на прямой линии формирующего себя мышления»⁵⁶.

Все изложенное мы можем теперь обобщить в следующем рисунке:

2. Прощение

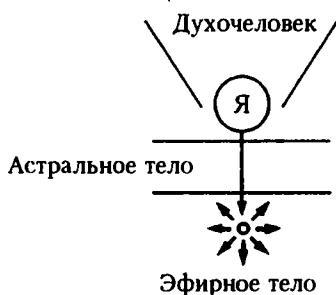
Обращаясь теперь ко второй ступени описываемого пути, мы снова приходим к основной теме настоящей работы, к сущности прощения. Ибо в определенном смысле истинное прощение является не чем иным, как высшим, можно также сказать, потенцированным актом терпимости. В этом смысле обе ступени связаны между собой последовательным моральным преображением личности, ищущей одновременно новое познание и новое переживание Существа Христа.

Как уже было показано в предыдущей главе, истинный акт прощения (о его отличительных чертах еще будет сказано далее) невозможен без хотя бы частичного пронизания земного человеческого Я субстанцией его Высшего Я, или Самодуха. Однако подобно тому как на первой ступени человеческое Я посредством морального мышления может очистить органы чувств и воспитать их к восприятию в мире прежде всего добра и красоты, так на второй ступени Самодух, пронизывая собой человеческое Я, способен изнутри настолько усилить и одухотворить его, что перед ним со временем может открыться возможность воспринимать мир не только при помощи органов чувств физического тела, но и при помощи более высоких органов восприятия эфирного тела. Иными словами, точно так

* Таковую терпимость и высший интерес к ним, охватывающий всего человека (то есть проявляющийся через все двенадцать чувств), переживали многие люди, приходившие к Рудольфу Штайнеру за советом, касавшимся их внутреннего развития или тех или иных жизненных трудностей. Каждый посетитель чувствовал себя полностью принятым и понятым не только со всеми его недостатками и слабостями, но также и со всеми его стремлениями и духовными исканиями.

же, как земное Я человека для своего сознательного бытия нуждается в органах чувств физического тела, которые оно само образует в нем извне еще в период эмбрионального развития человека, так Самодух для своего сознательного бытия в человеке нуждается в органах восприятия эфирного тела, которые он тотчас начинает образовывать в нем, как только вступает в человеческое земное Я. Поэтому, пронизывая собой земное Я в акте прощения, он одновременно делает его способным стать «воспитателем», но на этот раз уже эфирного тела, вызывая в нем постепенное растворение всех тех «затвердений» и «сгустков тьмы», которые постоянно возникают в последнем вследствие наших земных ошибок, моральных недостатков нашего характера, лживого мышления и особенно злопамятности и зависти. (В духовном отношении зависть является одной из форм злопамятности.)

Из многочисленных описаний Рудольфа Штайнера известно, что во всех процессах воспоминания и забвения решающее участие принимает эфирное тело. Поэтому в момент прощения, когда мы под влиянием нашего Высшего Я сознательно «вычеркиваем» из нашей памяти все последствия причиненного нам зла, мы этим одновременно освобождаем наше эфирное тело от всех разрушающих и затемняющих его элементов. Растворяя их в акте прощения силой Самодуха, мы таким образом делаем наше эфирное тело все более сияющим и прозрачным, а, в конце концов, в процессе дальнейшего очищения даже и *видящим* в окружающем его элементарном (астральном) мире. Ибо достаточно долгое действие Самодуха в нашем Я со временем делает его воспринимающим внешние впечатления не только через физическое, но и через эфирное, или жизненное тело. Сказанное мы можем пояснить здесь следующим рисунком:

И тогда человеку в первую очередь через его пробужденные органы восприятия эфирного тела ясновидчески открывается непосредственное созерцание Эфирного Христа в ближайшем к земле духовном мире. Поэтому Рудольф Штайнер указывает на прямую связь, существующую между постепенным вступлением в сознание человека, начи-

ная уже с нашего времени, сил Самодуха (кульминация этого процесса будет, однако, достигнута лишь в следующую шестую культурную эпоху) и сверхчувственным восприятием Эфирного Христа: «Но мы должны прийти к ясности относительно того, что мы в самом деле... теперь постепенно работаем в направлении от жизни в душе сознательной к жизни в Самодухе. Я часто разъяснял, благодаря чему станет возможным вступление в Самодух. Я указывал на то, что число людей, которые переживут явление Эфирного Христа в течение ближайших трех тысяч лет, будет все возрастать, что люди постепенно обретут способность переживать Импульс Христа в духовных мирах»⁵⁷.

В зависимости от индивидуального склада человека, его кармы и тех конкретных жизненных условий, в которых он находится, указанный процесс воздействия усиленного Самодухом Я на эфирное тело может повести сначала не к формированию в последнем органов сверхчувственного восприятия, являющихся необходимой предпосылкой пробуждения новых ясновидческих способностей, а к внутреннему преображению эфирного тела в таком направлении, чтобы он, человек, стал способен к восприятию макрокосмических сил вселенской эфирной жизни. В отдельном случае может произойти даже так, что у человека, достигшего в акте прощения особенно значительного очищения своего эфирного тела, развивается сначала вовсе не эфирное ясновидение, а так сказать, его *обратная сторона*, — то есть не сверхчувственное лицезрение Христа, а повышенная способность к восприятию исходящих от Него макрокосмических сил жизни. В результате этого, хотя сам человек еще не созерцает Христа ясновидчески, тем не менее, Он уже реально действует в его эфирном теле, и другие люди в его окружении могут при определенных условиях переживать Его непосредственное присутствие *через такого человека*. Сам же такой человек, как сказано, получает доступ к поистине неисчерпаемым источникам космической жизни.

Охарактеризованный феномен мы встречаем в лице Билла Коди, описанного в книге Георга Ричи. Именно тем, что Христос действовал в его эфирном теле, и объясняется как его необыкновенные физические и душевные силы, так и возможность переживания *через него* другими людьми встречи с Эфирным Христом, которой и удостаивается Георг Ричи. Так из этого примера с особой очевидностью следует, что для нашего времени *путь прощения* является самым прямым и верным путем, который позволяет духовным силам Эфирного Христа непосредственно вливаться в современную земную цивилизацию, а самого человека рано или поздно приводящих к Его ясновидческому переживанию.

Все сказанное позволяет нам приблизиться также и к разгадке основной проблемы Симона Визенталя, вставшей перед ним у постели

умирающего эсэсовца, а затем преследовавшей его на протяжении всей жизни. Ибо для самого Симона Визенталя вопрос о том, должен ли был он простить совершившего тяжкое преступление, но потом глубоко раскаявшегося юношу, являлся лишь внешним выражением центральной проблемы каждого современного человека, проблемы встречи с Христом. Ведь простить в труднейшей жизненной ситуации, в которой оказался Симон Визенталь, означало бы приблизиться к непосредственному переживанию Эфирного Христа, а не простить — отказаться от этого переживания. Сам Симон Визенталь не избрал ни того, ни другого. Он до конца выслушал исповедь умирающего и лишь после этого тихо вышел из комнаты, не сказав ему ни слова и тем самым оставив вопрос открытым. Однако сам факт того, насколько нерешенность этого вопроса и сомнения в нем мучили его затем долгие годы и, наконец, заставили написать целую книгу, свидетельствует о никогда после не покидавшем его чувстве, — быть может даже не доходящем полностью до его сознания, — что у постели раскаявшегося преступника им была упущена величайшая возможность всей его жизни, *возможность* встречи с Тем, Кто незримо присутствовал как *Третий* в тесной комнате лембергского лазарета. Тогда эта встреча так и не смогла состояться. Но именно то обстоятельство, что эта проблема продолжала мучить Симона Визенталя всю его дальнейшую жизнь, говорит о том, что в самой внутренней борьбе за ее разрешение им были посеяны в своей душе семена, которые рано или поздно, в этой ли жизни или в посмертном бытии взойдут для его пробудившегося духовного сознания как *вопрос о Христе!*

3. Способность нести карму других людей

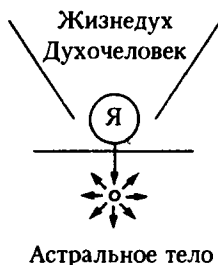
Переходя к рассмотрению дальнейших ступеней описываемого пути, необходимо заметить, что если вторая его ступень в принципе может быть в наше время достигнута *каждым* человеком, то две следующие ступени относятся уже не к общему уровню развития современного человечества, а к ведущему за его пределы Пути Посвящения⁵⁸. (Однако, вступая на него в качестве духовного ученика, каждый современный человек может уже сейчас сделать первые шаги по направлению к этой третьей ступени. Эта начальная работа будет состоять в развитии повышенного чувства ответственности по отношению к тому, что совершает другой человек, человеческая группа, народ и, наконец, все человечество. Такое усиленное *чувство ответственности*, которое человек в полной свободе пробуждает тогда в своей душе по отношению ко всему, что происходит в мире, может уже в обычной жизни в значительной степени подготовить его к достижению третьей ступени описываемого пути.

Ее сущность заключается уже не просто в прощении, но в *сознательном принятии на себя кармы другого человека или даже группы людей**. Духовный ученик, а тем более современный Посвященный, может достигнуть этого в результате еще большего укрепления им своего Я. А это возможно лишь через пронизание его не только принципом Самодуха, но еще более высоким принципом духовного существа человека, его Жизнедухом. В восточной терминологии Жизнедух называется также принципом Будхи, или всеобъемлющим космическим принципом Любви. В этом смысле «Космическим Будхи» может быть назван Христос⁵⁹, принесший на Землю субстанцию Космической Любви, а затем принявший на себя в Мистерии Голгофы карму всего человечества, чтобы пронизать этой Любовью все земное развитие.

Этому центральному Праобразу всей земной эволюции и стремится следовать духовный ученик на этой ступени, работая над сознательным развитием в себе не только Самодуха, но и Жизнедуха, то есть совершенно бесамостной и полностью одухотворенной любви к людям, единственно дающей силы принять на себя их карму.

И когда Рудольф Штайнер уже после Рождественского собрания 1923/24 года говорит о новооснованном Всеобщем антропософском обществе, как о новой кармической общине, имеющей своей центральной задачей преобразование старой и создание новой, «михаэлической» кармы, то он имеет в виду именно начальную работу в указанном направлении. Ибо то, что в наше время еще весьма трудно достижимо для единичного человека, может быть в значительно большей степени осуществлено сообществом духовно стремящихся людей.

Однако само по себе проникновение в человека субстанции Жизнедуха имеет для него еще одно исключительно важное последствие: усиленное Жизнедухом индивидуальное Я может теперь постепенно образовать органы сверхчувственного восприятия не только в эфирном, но и в более высоком астральном теле. Следующий рисунок может это пояснить:

* Процесс соединения с кармой другого человека, правда лишь в самой первичной форме, начинается, как это будет показано ниже, уже в акте истинного прощения.

В результате человеку может стать со временем доступным новое и еще более всеобъемлющее откровение Христа, которое Рудольф Штайнер характеризует как явление Христа в астральном теле на нижнем Девахане или в нижних областях Страны Духов (в отличие от Его предшествовавшего откровения в эфирном теле на астральном плане или, что то же самое, в Мире Душ).

Именно это еще более возвышенное переживание Христа может единственно дать человеку силы не только принять на себя, но и *нести* далее взятую на себя карму других людей. Ибо подобно тому, как действует Эфирный Христос в акте прощения, так действует космический (Астральный) Христос в акте каждого сознательного или даже бессознательного принятия на себя кармы другого человека. Можно сказать и наоборот, что само принятие и несение чужой кармы вообще невозможно для человека без хотя бы самого начального соприкосновения с этой более высокой сферой Откровения Христа.

4. Работа над кармой человечества

Наконец, четвертая, и в определенной степени высшая ступень заключается не только в принятии на себя кармы одного человека или небольшой группы людей, но в участии в несении кармы *всего человечества*. И в приведенном выше (глава III) описании великих страданий Христиана Розенкрейца мы имеем непосредственное свидетельство достижения им именно этой ступени рассматриваемого пути. Ибо постоянно *прощая* человечеству все те мучения, которые оно приносит ему в наше время, и в еще большей мере принесет в будущем, он, тем самым, получает возможность неизменно оставаться вместе с ним, не покидая его ни на мгновение, чтобы через это и далее соучаствовать в несении кармы развивающегося индивидуального Я, непрестанно следуя в этом своему Божественному Учителю Самому Христу.

С оккультной точки зрения эта четвертая ступень может быть достигнута Посвященным лишь в результате такого дальнейшего развития внутренних сил своего индивидуального Я, при котором оно оказывается в состоянии образовать себе органы высшего сверхчувственного восприятия уже непосредственно из своей собственной субстанции, не нуждаясь при этом в посреднической деятельности трех низших тел, или оболочек (физического, эфирного и астрального тел). А это возможно для Я Посвященного лишь тогда, когда это Я, хотя бы до некоторой степени, сможет пронизать себя не

только субстанцией Самодуха и Жизнедуха, как на предшествовавших ступенях, но также и субстанцией *Духочеловека*:

Охарактеризованная нами степень внутреннего развития Посвященного открывает ему доступ к следующему, третьему и для современного цикла развития наивысшему Откровению Христа как всеобъемлющего Я нашего космоса, а именно Его Откровению на высшем Девахане. Только теперь Христос выступает перед человеком непосредственно, в Своей самой внутренней сущности и без всяких покровов, которые Он, еще как бы «щадя» несовершенную способность духовного восприятия человека, должен был принимать на низших планах бытия, являясь ему на астральном плане в эфирном одеянии, а на нижнем Девахане — в астральном. Теперь все эти промежуточные оболочки падают, и Посвященный оказывается в состоянии воспринять Христа из своего собственного, ставшего ясно-видящим Я — как его истинный космический праобраз, как космическое, вселенское Я.

То, что на предыдущих ступенях являлось познанием Существа Христа в преображенном мышлении, в таком, которое Рудольф Штайнер называет «интеллектуальным ясновидением», то есть в мышлении, поднимающемся до имажинаций, ведущих к созерцанию Эфирного Христа⁶⁰; и то, что далее открывалось претворенному в способность к инспирациям чувству как переживание Астрального Христа, — это завершается теперь, благодаря полному преображению человеческой воли, переживанием Христа в *интуиции*, как Космического Я, непосредственно воспринимаемого человеческим Я и одновременно пронизывающего это человеческое Я, ибо такова сама природа интуитивного познания.

Обо всей приведенной здесь последовательности сверхчувственных Откровений Христа, завершающейся Его высшим Я-Откровением, Рудольф Штайнер говорит в следующих словах: «Итак, мы ви-

дим, как нисшедший на Землю Христос, исходя из физически-земного человеческого существа постепенно развивается как эфирный, как астральный, как Я-Христос, чтобы как Я-Христос быть Духом Земли, который затем, вместе со всеми людьми, восходит к более высоким ступеням»⁶¹.

Выше уже говорилось о том, что ведущая индивидуальность эзотерического христианства — Христиан Розенкрейц, а также некоторые из его наиболее продвинутых сотрудников и учеников уже находятся на ступени внутреннего развития, позволяющей им участвовать в несении кармы становления Я всего человечества. Последнее же неизбежно связано с добровольным принятием на себя огромных страданий, вызываемых внутренней пассивностью и многочисленными злоупотреблениями свободой, дарованной ныне всем людям. Чтобы выдержать это страдание, Посвященному необходимы поистине величайшие внутренние силы. Теперь мы знаем, откуда они приходят. Эти силы Посвященные черпают из постоянного созерцания описанного третьего сверхчувственного Откровения Христа, в котором Он является им как новый Дух-Руководитель или «Я» Земли, несущий на себе карму всего человечества.

5. Искупление противоборствующих сил

Достигнутая таким образом ступень внутреннего развития не исчерпывается сказанным, ибо она открывает перед Посвященным еще одно исключительно важное поле деятельности. Теперь, поднявшись на эту четвертую ступень, он может в совершенно новой форме принять участие не только в освобождении и совершенствовании всего человеческого рода, но и в постепенном искуплении тех участвующих в земной эволюции противоборствующих существ, которые в современной Духовной науке обозначаются как люциферические и приманические.

Некогда, в отдаленнейшем прошлом эволюции Земли эти существа принесли своего рода жертву, приняв решение отстать в общем развитии подобных им существ, чтобы человек через постоянную необходимость противодействия им и в процессе преодоления созданных ими препятствий, постепенно смог бы развить в себе совершенно новые силы и гораздо более высокие способности, чем это имело бы место без такого преодоления, и в первую очередь, способность к переживанию внутренней свободы⁶². Но такое участие противоборствующих духов в земной эволюции имеет еще и иную сторону. Она заключается в том, что, отделившись, они были вынуждены тем

самым перенести поле своей деятельности в иную космическую область, исходя из которой всякое дальнейшее развитие *для них самих* оказалось невозможным. В более известной форме на этот оккультный факт указывает образ битвы Архангела Михаэля с драконом, которого Михаэль постоянно держит поверженным под своей пятой.

Дальнейшее же развитие для этих существ возможно лишь через их соединение с центральным Импульсом всего нашего космоса, с Импульсом Христа. Но сами по себе они его достигнуть не могут. Единственная возможность для них вернуться обратно на путь правильного развития — это обрести доступ к Импульсу Христа там, где это теперь единственно возможно для них, а именно, — *в человеке*. Это означает, что сама возможность искупления противоположающихся существ и связанное с ней их грядущее возвращение в лоно общей мировой эволюции в определенной степени передана Высшими Силами в руки человека.

Сам же процесс их освобождения будет заключаться в том, что в результате сознательно осуществляемого внутреннего развития человек сможет противопоставить каждому люциферическому или ариманическому влиянию в своей душе иное влияние, проистекающее непосредственно от Существа Христа. На примере люциферических существ Рудольф Штайнер описывает этот процесс следующим образом: «Благодаря тому, что мы с помощью и только с помощью Христа преодолеваем все те качества человека, которые происходят от Люцифера, благодаря этому мы как люди постепенно освобождаем люциферические силы. Эти силы ради человеческой свободы должны были погрузиться в область низшего развития во время Древнелунного эона, а потому не имели на Земле возможности сами пережить Христа. Но придет время, когда они через людей переживут Силу Христа и будут искуплены. Человек же искупит Люцифера, если он примет в себя Силу Христа соответствующим образом»⁶³.

Этот процесс постепенного «освобождения» люциферических сил ведется великими Посвященными человечества, которых Рудольф Штайнер называет «учителями Мудрости и созвучия ощущений», уже почти две тысячи лет, с момента совершения на Земле Мистерии Голгофы. Начиная же с Нового времени, к этой первой задаче постепенно присоединяется еще вторая, а именно, «искупление» также и ариманических существ. Но если в наше время участвовать в «освобождении» Люцифера через принятие в свою душу Импульса Христа может, хотя пока еще в самой начальной форме, *каждый* человек, то работать в направлении «освобождения» Аримана, даже в начальной форме, возможно только для социальной общности

людей. Осуществление же этого индивидуальным образом возможно в наше время лишь для самых высоких Посвященных.

При этом необходимо подчеркнуть, что речь здесь идет именно об искуплении или освобождении, а не просто об изгнании противоборствующих существ с того или иного поля деятельности человека. Последнее было возможно для отдельных людей и в особенности для строго замкнутых эзотерических общин во все времена, также и до Мистерии Голгофы. В лекциях о «Пятом Евангелии» Рудольф Штайнер с исключительной силой и наглядностью показывает это на примере Ессейской общины, у врат которой Иисус из Назарета имел решающее для него духовное переживание: он узрел в духе изгнанных из пределов общины Люцифера и Аримана, которые тогда устремились к *другим людям*, ввергая их в еще большие бедствия и подвергая их еще большим искушениям.

Напротив, их *искупление* предполагает, прежде всего, как можно более глубокое и всестороннее *познание* их существа, места в нашем космосе и всего характера их деятельности в мире и человеке. Ибо это познание, проистекающее из источников истинной христианской эзотерики, как оно ныне сообщается всему человечеству в Антропософии, будучи принятым в человеческое сознание, уже само по себе является *началом* процесса искупления этих существ.

Согласно Духовной науке, каждая из упомянутых категорий противоборствующих существ имеет в нашем космосе также и место своей правомерной деятельности. Люцифер, например, — в области «прекрасной видимости», фантазии и искусства; Ариман — в границах действия сил мертвой материи, а также в сфере науки и, особенно, техники. Однако их положение таково, что как раз в областях их правомерного действия Высшие Боги обрекли их на постоянное и непереносимое страдание, заключающееся в полной невозможности для них какого бы то ни было дальнейшего развития. В духовном отношении их положение можно было бы сравнить со средневековой пыткой, когда человека еще в детстве заковывали в узкий железный панцирь, в котором его дальнейший физический рост приносил ему невыносимые страдания. На это безвыходное положение противоборствующих сил в их собственной области указывают слова Штрадера из третьей драмы мистерии «Страж Порога», которые он проносит, созерцая Аримана в его собственном царстве:

В твоих словах суровых слышится страданье;
Страдание во мне они рождают также.
И лишь могу, взирая на тебя, скорбеть, рыдая⁶⁴.

Постоянно испытывая непереносимые страдания в своем собственном царстве, противоборствующие силы ищут любой возможности хотя бы на время избежать его, чтобы обрести хоть какое-то облегчение. Иначе говоря, всеми доступными им средствами они непрестанно пытаются перейти границы «дозволенного», перейти границы их собственного, изначально данного им Высшими Богами царства, повсеместно вторгаясь в человеческую эволюцию и действуя в ней в качестве искусителей и духов всевозможных препятствий. Здесь, избавленные на время от своих страданий, они выступают или как неправомерно гордые или как сверхинтеллектуальные существа, повсюду предлагающие человеку свои соблазняющие «дары», которые в действительности влекут за собой лишь разрушение и гибель⁶⁵.

На это последнее Штрадер в той же сцене указывает в таких словах:

Здесь нечто возникает из моей души;
Я говорю слова, что уничтожат
Меня, коль истиною на Земле сочту их.

А это означает, что *вне* царства Аримана, то есть в поле эволюции самого человечества, человек *обязан* всеми силами оказывать Ариману (как и Люциферу) самое интенсивное противодействие. Только не в смысле противления злу насилием, а через противопоставление ему истинного *добра*. Последнее же на оккультном уровне возможно лишь через сознательное противопоставление противоборствующим духам не слабых человеческих сил, а воспринятого человеком в свое существо Импульса Христа, чтобы каждый раз, когда Люцифер или Ариман пытаются переступить границы своей правомерной деятельности в человеке и совратить его, они встречали бы в нем силы Христа. Тогда не сам человек, а Христос в нем сможет обратить Люцифера и Аримана к добру, что составляет самое средоточие всех действительных манихейских Мистерий.

Весь описанный процесс в целом представлен в первом Гетеануме на северном витраже, который выполнен в цвете лепестков цветка персикового дерева. В центральном мотиве этого витража изображена встреча человека с Христом в ближайшем к Земле эфирном мире и непосредственное принятие им в себя Его Существа. В левой и правой (боковых) створках показаны последствия такого принятия: искупление Христом Люцифера, отставшего на древней Луне, и искупление Им Аримана, отставшего еще ранее, на древнем Солнце. Знаки Луны и Солнца указывают на это их происхождение, а также на астральное (Луна) и эфирное (Солнце) тела человека, в первое из которых люциферические силы проникли еще в древней

Лемурии, а во второе — ариманические силы в Атлантиде⁶⁶.

Только достигнув четвертой, пока наивысшей ступени описываемого пути, и пребывая теперь в сфере третьего сверхчувственного откровения Христа, то есть в полном сознании переживая Его постоянное присутствие в собственном Я как субстанциональное осуществление формулы «Не я, но Христос во мне», современный Посвященный может действительно сделаться освободителем не только человеческого рода, но и самих противоборствующих существ. Ибо теперь, проникая в такого Посвященного, противоборствующие существа будут находить в нем Христа уже не в Его эфирной или в астральной оболочках, а непосредственно в самом Его изначальном существе как всеобъемлющее Я нашего космоса и одновременно как нового Духа-Руководителя всей Земли⁶⁷.

Поэтому то, что на предыдущих ступенях было лишь самой предварительной, еще совсем начальной работой по освобождению противоборствующих существ, в результате которой они могли встретить во внутреннем человеке Христа не непосредственно в Его изначальной сущности, а лишь посредством Его эфирного или астрального проявления, — теперь, начиная с данной ступени, эта работа становится сознательно осуществляемым процессом их полного и окончательного искупления. Теперь пронизанное Христом Я Посвященного начинает, подобно Солнцу, сиять во тьму его внешних оболочек, порождая в его астральном теле «Свет», в эфирном теле «Жизнь», а в физическом теле силы «Воскресения», то есть микрокосмически повторяя то, на что указано в начальных стихах Евангелия от Иоанна, повествующих о макрокосмическом нисхождении Логоса в человечество. Можно также сказать, что с этого времени Импульс Христа, исходя из Я человека, так пронизывает его оболочки, что сначала формула «Не я, но Христос во мне» осуществляется в его астральном теле, затем в эфирном и, наконец, — уже в перспективе будущего развития — в физическом теле.

В этом направлении и происходит ныне эзотерическая работа всех ведущих христианских Посвященных, несущих Солнце Христа в своем Я, которых Рудольф Штайнер характеризует как «Мастеров Мудрости и созвучия ощущений». Конкретно же она заключается в том, что они, пронизывая Его *Светом* свое астральное тело, дают этим возможность через соприкосновение с ним обрести искупление Люциферу. Далее, через пронизание своего эфирного тела *Жизнью*, исходящей от Солнца Христа в их Я, они постепенно дают возможность через прямое соприкосновение с этой жизнью обрести искупление Ариману и лишь в очень отдаленном будущем, полностью пронизав силами *Любви*, исходящими от Христова Солнца в их Я, свои

физические тела, они откроют путь искупления также и третьей категории противоборствующих существ — азурическим властям. Сказанное является, однако, лишь началом дела искупления. Его окончательное завершение сможет наступить в земной эволюции, лишь когда *все* человечество поднимется на те ступени, на которых ныне пребывают и работают высшие Посвященные Земли. Так в перспективе всего мирового развития не сами люди, но Христос в них (в смысле формулы «Не я, но Христос во мне») будет великим освободителем всех трех категорий противоборствующих духов.

В духовнонаучной терминологии можно сказать, что процесс искупления Люцифера будет заключаться в излиянии в астральное тело человека пронизанных Импульсом Христа сил Самодуха, искупление Аримана — через излияние в эфирное тело человека пронизанных Христом сил Жизнедуха, а искупление в будущем азурических сил — через пронизание физического тела человека силами пронизанного Христом Духочеловека, то есть силами «тела Воскресения»⁶⁸.

И все сказанное самым непосредственным образом связано с воплощением, земной жизнью, смертью и воскресением Солнечного Существа Христа. Ибо сама возможность работы над искуплением противоборствующих существ была заложена в земное развитие, благодаря трехлетней жизни Христа на Земле и Мистерии Голгофы, в результате которой плоды этой трехлетней жизни перешли во всю земную эволюцию. Так в течение первого года Христос полностью преобразил из Своего космического Я астральное тело Иисуса из Назарета в Самодух, во время второго года Он полностью преобразил его эфирное тело в Жизнедух, а во время третьего года, завершившегося Мистерией Голгофы, полностью претворил свое физическое тело в Духочеловека, который затем восстал из гроба Голгофы как новое тело воскресения. Этим в развитии Земли было заложено основание для последующего освобождения самими людьми — стремящимися реализовать в себе плоды этой трехлетней жизни Христа — соответственно, люциферических, ариманических и азурических сил.

6. Особое значение искупления Люцифера в наше время

Во всем рассмотренном нами развитии первостепенное значение для нашего времени имеет искупление Люцифера. В результате работы, проведенной в этом направлении Учителями мудрости и созвучия ощущений в течение предшествовавших почти полных двух

тысячелетий, его искупление продвинулось настолько далеко, что Рудольф Штайнер смог в начале нашего столетия открыто поведать об этой важной оккультной тайне в своих лекциях. Особенно это имело место в одной из них, прочитанной в Берлине 22 марта 1909 года⁶⁹.

Ибо, давая изливаться в свое астральное тело Свету Христова Солнца, воссиявшему в их Я, такие Посвященные тем самым создают в своем внутреннем существе условия, необходимые для непосредственного соприкосновения с этим светом Люцифера. А это последнее обстоятельство с неотвратимостью ведет к тому, что отныне соприкоснувшийся со Светом Христа Люцифер добровольно становится Его служителем, а значит, новым носителем в космосе Его Света, что первоначально и означает имя «Люцифер» или «Фосфор» — «Носитель света». Тогда всем своим существом обращаясь к Христу, он все более и более преобразуется в совершенно новое существо, в существо, исполненное Святого Духа. Отныне как космический носитель Света Христова Солнца он в своем служении Ему становится водителем каждого устремленного к высшему познанию человека, каждого стремящегося проникнуть в самые сокровенные тайны космоса в связи с его центральной Мистерией, Мистерией Христа.

В прощальных беседах Христа, как они переданы в самом эзотерическом из всех четырех Евангелий, в Евангелии от Иоанна, мы имеем указание на эту тайну будущего искупления Люцифера. В них Сам Христос говорит о грядущем приходе к людям Параклета или Духа Утешителя (гл.14,16). С эзотерической точки зрения это не что иное, как указание на искупленного и отныне служащего Христу Люцифера, новой миссией которого теперь является: нести людям, по поручению Самого Христа, обновленный Импульс Святого Духа, который должен открыть им истинное познание космического Существа Христа⁷⁰.

Отсюда становится более понятным, почему первым циклом лекций, — из предназначавшихся первоначально лишь для членов общества, — который Рудольф Штайнер в 1921 г. решил опубликовать совершенно открыто в журнале «Ди драй», был цикл «Восток в свете Запада. Дети Люцифера и братья Христа», прочитанный им двенадцать лет назад, в августе 1909 г. в Мюнхене, в связи с постановкой драмы «Дети Люцифера» Эдуарда Шюре. Ибо именно в нем тема искупления Люцифера занимала поистине центральное место. И одновременно в этом же цикле содержалось описание источников христианско-розенкрейцеровского эзотеризма, восходящих к одному из важнейших духовных консилиумов послехристианского раз-

вития, имевшего место в IV столетии. В этом консилиуме принимали участие четыре ведущих Мастера мудрости и созвучия ощущений: Манес, Скитианос, Заратустра и Будда, которые, как позднее и присоединившийся к ним Христиан Розенкрейц, играли и играют важнейшую роль в процессе искупления Люцифера. Из этой перспективы его искупления на указанном консилиуме ими и был разработан подробный план того, как исходящая из космической сферы Святого Духа мудрость бодхисатв должна в будущем проникать во все развитие на Земле эзотерического розенкрейцеровского христианства для все более и более глубокого понимания Существа Христа и Мистерии Голгофы⁷¹.

Также и название журнала, издаваемого Рудольфом Штайнером в начале столетия еще в рамках Теософского общества, «Люцифер-Гнозис», получает благодаря сказанному более глубокий, оккультный смысл. Ибо в нем человечеству должно было быть сообщено новое космическое познание Христа, проистекающее от обратившегося к Христу и отныне служащего Ему Люцифера как нового «Носителя Света»: «Перед Христом несет отныне факел преобразенный Люцифер, Люцифер, обратившийся теперь к добру. Он несет Самого Христа (познание Христа). Он — носитель света, Христос же — Свет»⁷².

Однако сам факт раскрытия Рудольфом Штайнером антропософам этой мистерии искупления Люцифера, осуществлявшейся до того лишь Мастерами мудрости и созвучия ощущений и их ближайшими учениками, имел также еще и иное значение. А именно, в начавшуюся после окончания в 1899 году темного времени Кали-Юги новую светлую эпоху, сознательную работу по его дальнейшему искуплению должны были теперь вести как сокрытые от мира Посвященные и их эзотерические ученики, так и все последователи современной Духовной науки, стремящиеся к истинному познанию Христа не только как земного, но прежде всего как всеобъемлющего космического Существа: «Но теперь человек, если он хочет, может познать Христа. Теперь человек может собрать всю мудрость, чтобы познать Христа. И что он делает этим? Нечто грандиозное! Когда человек познает Христа, если он действительно отдается мудрости, чтобы прозреть в то, Кем является Христос, тогда он искупает себя и люциферические существа через это познание Христа»⁷³.

Напротив, говоря о грядущем искуплении Аримана, Рудольф Штайнер по большей части ограничивается самыми общими указаниями, почти намеками⁷⁴. Ибо в настоящую эпоху развития человечества работать над искуплением Аримана могут в полной мере лишь Посвященные, стоящие на ступени Мастеров мудрости и созвучия

ощущений или уже близкой к ней, в то время как человечеству, напротив, необходимо всеми силами стремиться противодействовать любым формам его неправомерного влияния на земную эволюцию. А это возможно только через последовательное усвоение как можно более широкими кругами современного человечества конкретного знания об Аримане, о его существе, о месте и характере его действия в мире и человеке, как об этом ныне сообщается в антропософски ориентированной Духовной науке. Последнее же особенно необходимо в виду предстоящего в начале третьего тысячелетия его воплощения на Земле и связанных с этим тяжелых испытаниях, предстоящих всему человечеству⁷⁵.

Что же касается третьей категории противоборствующих существ, то к задаче по их искуплению в полном объеме не приступали даже сами Мастера мудрости и созвучия ощущений. Ибо само действие этих наиболее опасных существ и связанные с ними искушения только еще предстоит пережить земному человечеству. Поэтому, говоря о них, Рудольф Штайнер, собственно, имеет в виду гораздо более отдаленное будущее человечества⁷⁶. И хотя самые первые симптомы их постепенного проникновения в земное развитие уже начинают проступать то тут, то там в современной цивилизации, тем не менее основной задачей в наше время остается прежде всего познание и противодействие ариманическим силам, на что Рудольф Штайнер указывал все снова и снова вплоть до конца своей земной жизни⁷⁷.

Итак, охватывая в целом весь изложенный в этой главе путь внутреннего развития, мы можем обнаружить его удивительную связь с основным путем современного христианско-розенкрейцеровского посвящения, как он был представлен Рудольфом Штайнером в его книге «Очерк Тайноведения» и во многих лекциях и циклах⁷⁸. Можно даже сказать, что все описанное здесь является как бы одной из метаморфоз этого центрального пути современного посвящения.

Представим в заключение главы эту взаимосвязь в единой картине. Тогда первой ступени христианско-розенкрейцеровского посвящения — «изучение Духовной науки при помощи обычной, завовавшей в физическом мире способности суждения» — будет соответствовать стремление человека достигнуть в результате такого изучения полного внутреннего преображения своего мышления, вплоть до приобретения им способности рассматривать каждый встречающийся ему в жизни феномен или существо со всех двенадцати точек зрения. Ибо только такая непрестанно охватываемая мышлением многосторонность и основанное на ней воспитание всех чувств может

послужить основанием действительной *терпимости* в отношении жизненных проявлений других людей.

Второй ступени, «достижению имажинативного познания», будет соответствовать практика *пути прощения*, ведущая к имажинативному переживанию Эфирного Христа в ближайшем к земному сверхчувственному мире (на астральном плане).

Третьей ступени, «инспиративному познанию», будет соответствовать принятие на себя кармы других людей, одного человека или небольшой группы, как это в особенности имеет место в случае индивидуальных взаимоотношений духовного учителя и его учеников. Рудольф Штайнер указывает на эту ступень развития в следующих словах Бенедикта из третьей драмы мистерии «Страж Порога»:

Сопроводять я должен всех, кто от меня
В земном развитии духовный Свет воспринял,
Кто бессознательно или в сознании
Моим духовным стал учеником,
И дальше должен я его сопровождать
На том пути, который в область духа
Через меня его привел⁷⁹.

Четвертой ступени, «интуитивному познанию», отвечает возможность принятия на себя не просто кармы отдельного человека или небольшой группы людей, но целого сообщества, охватывающего в своих ответвлениях представителей всего человечества, что само по себе уже является началом соучастия Посвященного в несении кармы последнего. Открывающееся ему на этой ступени высшее познание Христа как нового Духа Земли и, вместе с тем, как Макрокосмического Я, непосредственно присутствующего и действующего в его собственном Я, позволяет ему, начиная с достигнутого им теперь уровня духовного развития, приступить к последовательной и сознательной работе по освобождению всех трех категорий противоборствующих духов с помощью воссиявшего в нем Христова Солнца. Однако, хотя сама *возможность* этого и открывается перед Посвященным уже на четвертой ступени, тем не менее, действительное участие в этом процессе становится в полном объеме доступным ему лишь на последующих, еще более высоких ступенях духовного развития.

Так, приобретая на пятой ступени христианско-розенкрейцеровского пути истинное «познание соотношений микрокосмоса и макрокосмоса», каковыми они стали в результате соединения макрокосмического Существа Христа с микрокосмическим существом человека, Иисуса из Назарета, достигшего своей кульминации в Мис-

терии Голгофы, Посвященный обретает силу, вызывающую обращение к добру Люцифера.

На шестой ступени, достигая — *еще в физическом теле* — способности «соединения с Макрокосмосом» и сознательной жизни в нем, не теряя при этом ни на мгновение своего индивидуального сознания, — что само по себе возможно лишь в результате понижения Я человека Импульсом Христа⁸⁰, — Посвященный обретает силу, способную со временем обратиться к добру также и Аримана.

Наконец, в еще более отдаленном будущем, достигнув сознательно того состояния, которое Рудольф Штайнер обозначает как последнюю, завершающую ступень христианско-розенкрейцеровского пути, описание которой, по его словам, лежит уже за пределами того, что может вообще выразить современный земной язык и понять обычный человеческий рассудок⁸¹, Посвященный будет в состоянии оказать воздействие на третью категорию противоборствующих существ. Для него это будет возможным лишь тогда, когда — как было показано — воспринятый им в свое Я Импульс Христа пронизывает также и само его физическое тело, все более преображая его в «новое тело Воскресения», и одновременно вводя его ясновидческое сознание непосредственно в Царство Отца, простирающееся вплоть до самого материального мира. Иначе говоря, когда слова Христа — «Никто не приходит к Отцу, как только через Меня» (Иоанн 14,6), — станут для него непосредственно пережитой оккультной реальностью.

Охарактеризовав в этой главе место, занимаемое прощением в перспективе того духовного пути, неотъемлемой частью которого оно является, мы можем перейти теперь к его дальнейшему рассмотрению.

ОБ ОККУЛЬТНОМ ЗНАЧЕНИИ ПРОЩЕНИЯ

1. Основные условия прощения

Стремясь приблизиться к проблеме прощения с оккультной точки зрения, необходимо прежде всего указать на те основные признаки, по которым можно безошибочно отличить истинное прощение, о котором единственно идет речь в этой книге, от его многочисленных подобию и личин, под которыми оно часто выступает в жизни, по своей более глубокой сути таковым не являясь. В этом смысле прощение часто понимается слишком просто. Ибо сколь часто в жизни то, что при более поверхностном рассмотрении выглядит как прощение, в действительности является лишь особой формой осознанного или неосознанного эгоизма, скрытым желанием выставить себя в как можно более выгодном свете, надеть маску псевдобродетели, когда само так называемое «прощение» внутренне не требует никаких усилий, но зато легко может использоваться для достижения той или иной своекорыстной цели.

В противоположность такому псевдопрощению истинное прощение характеризуется прежде всего двумя качествами или признаками. Они выступают особенно наглядно во втором и в четвертом примерах, приведенных в главе III. Рассмотрим четвертый пример — содержание «Призыва к примирению», написанного в 1942 году Марией Штайнер. В нем неоднократно упоминается первое основное свойство всякого истинного прощения. Осознать его особенно важно потому, что именно оно делает подлинное прощение столь трудным. Мария Штайнер пишет в связи с этим: «Тогда также и общиной должно быть сознательно принято решение: *преодолеть себя*. Определенно и добровольно... Спасем его (Рудольфа Штайнера) дело и культуру человечества через самопреодоление и примирение...»⁸².

Чтобы лучше понять всю необходимость самопреодоления в каждом акте истинного прощения, мы должны принять во внимание уже сказанное нами о том, что в акте прощения имеет место пронизание низшего Я силами и субстанцией Высшего. А это всегда связано с необходимостью одновременного преодоления человеком всех тянущих вниз тенденций его низшего Я. Ибо только там, где силы последнего в достаточной мере преодолены моральной волей человека, может развернуть свою деятельность Высшее Я. А это означает, что истинное прощение всегда носит *жертвенный характер*.

Также и степень его оккультной эффективности — о которой подробнее будет сказано далее — определяется в первую очередь именно степенью его *жертвенности*, заключающейся в хотя бы частичном преодолении Высшим Я низшего. Ибо это последнее в силу постоянно присущего ему эгоизма всячески противится прощению, цепляясь за любую возможность или отговорку, позволяющую не совершать этого внутреннего шага. Ведь по своему существу низшее Я человека всегда склонно к злопамятству и по своей собственной природе ничего не хочет забыть «добровольно», видя в любом забвении непосредственный ущерб, наносимый ее чисто эгоистической целостности (ср. гл.IV).

Второй основной особенностью истинного прощения является его внутренняя активность. Истинное прощение — в отличие от ложного или только кажущегося — никогда не может обладать пассивным характером. Ибо в нем мы не просто принимаем решение «забыть» о причиненном нам зле или несправедливости, но в действительности, кроме того, еще и внутренне берем на себя обязательство *исправить* тот объективный ущерб, который злым поступком был нанесен не только нам, но и миру. Иначе говоря, в истинном прощении мы добровольно, исходя из нашей полной свободы, берем на себя внутреннее обязательство, по мере наших сил, дать миру столько же сострадания, любви и добра, сколько у него объективно было отнято злым поступком.

Это второе условие истинного прощения выступает с особой силой во втором примере, в истории Билла Коди.

«Ненависть только что убила шестерых людей, которые были для меня дороже всего на свете, — говорит он Георгу Ричи. — И я решил тогда, что остаток моей жизни — будет ли это лишь несколько дней или много лет — посвятить тому, чтобы любить каждого человека, который мне встретится». Здесь мы встречаемся с совершенно поразительным фактом. А именно, это второе условие оказывается одновременно и значительно труднее и неизмеримо легче первого: труднее с точки зрения низшего Я, но неизмеримо легче с точки зрения Высшего. Ибо для осуществления первого условия, для подлинного самопреодоления, человеку необходимо одержать трудную победу в реальной борьбе

Высшего и низшего Я; что же касается второго условия, то оно может быть достигнуто — если оно, конечно, вообще осуществимо для данного человека в данной жизненной ситуации — лишь после достижения этой победы, то есть уже из *Высшего Я*.

Если мы теперь примем во внимание, что последнему изначально свойственно постоянное прощение низшего Я — фактически на протяжении всей земной жизни человека, — а также жертвенное излияние в окружающий мир, когда Высшее Я, понижая собой низшее, получает через него возможность соприкоснуться с миром, — то нам тогда смогут стать более понятными самые поразительные слова, сказанные Биллом Коди и кажущиеся нашему обычному сознанию почти невероятными: «Это было легкое решение, действительно легкое». И действительно, то, что кажется неисполнимым и даже просто непостижимым для низшего Я, оказывается для Высшего Я чем-то само собой разумеющимся, чем-то совершенно легким. Поэтому именно эти слова Билла Коди о «легкости прощения» являются чистейшим свидетельством присутствия и действия в его душе Высшего Я.

Кроме того, из этого второго примера следует, что именно «трудность» или «легкость» в достижении истинного, то есть внутренне активного прощения определяется прежде всего мерой непосредственного присутствия и действия в человеке его Высшего Я, а значит степенью его победы над низшим Я. Исходя из этого каждый человек постоянно имеет в жизни возможность совершенно точно через свою способность к прощению — проконтролировать в указанном смысле степень присутствия и развитости в нем Высшего Я.

Удивительно точным образом это естественное стремление Высшего Я жертвенно излиться в мир, с которым оно соприкасается в акте прощения, нашло свое отражение в соответствующем слове немецкого языка. Это слово «ver-geben», в котором содержится внутренний жест: давать, дарить, отдавать себя, — то есть полная самоотдача миру в жертвенной любви. Что же касается описанного выше первого условия прощения, то и оно нашло свое отражение в другом слове немецкого языка, также обозначающем «прощение», но только подчеркивающим при этом иной его аспект. Это слово «verzeihen», которое происходит от глагола «verzichten», выражающего добровольный отказ от эгоистических сил и устремлений низшего Я, возможный лишь в результате действительного самопреодоления.

Таким образом, в этих двух словах немецкого языка, обозначающих прощение, мы имеем обе основные особенности истинного прощения: «verzeihen» — преодоление низшего Я Высшим (самопреодоление) и «vergeben» — полное излияние, самоотдача Высшего Я миру!

Если теперь от Средней Европы обратиться к Восточной и Западной, то в двух наиболее распространенных языках, русском и английском, мы обнаружим следующее. В русском языке слово «прощение» происходит от слова «простой» и по словарю В.И. Даля означает «делать простым от греха, вины», что в оккультизме связано с «освобождением от негативной кармы» и одновременно является путем приближения к Богу, который в некоторых мистических учениях характеризуется как «абсолютная простота». В этом смысле понятие «прощения» в русском языке ближе к немецкому «*verzeihen*» — отказываться, что также может быть понято как «отказ» от греха или негативной кармы. Напротив, в английском языке слово «*to forgive*» в точности соответствует другому немецкому слову «*vergeben*», так как оба они происходят от глагола «давать» («*to give*» — по английски и «*geben*» — по немецки). От того же глагола происходит и французское слово «*pardon*» — прощение (франц. «*donner*» — давать).

И еще одна сторона обоих приведенных нами аспектов или условий истинного прощения должна быть здесь упомянута. Так, при более внимательном рассмотрении можно заметить, что оба основных условия в определенной мере находятся в диаметрально противоположном отношении друг к другу. Первое из них заключается в необходимости *забвения* причиненного человеку зла, что в полной мере невозможно без действительного самопреодоления. А второе — как в случае с Биллом Коди — наоборот, в непрерывном *памятовании* того внутреннего обета, который также неотделим от любого истинного акта прощения и заключается в добровольно принятом на себя обязательстве вернуть миру столько же добра и любви, сколько у него объективно было отнято злым или безнравственным поступком.

Забыть причиненное тебе зло и непрерывно помнить о необходимости нести в мир любовь и добро как единственное средство преодоления последствий зла в мире — два основных условия прощения. Они в точности соответствуют *в жизни* тому, что на определенной ступени современного Посвящения духовный ученик, достигнув на пути своего внутреннего развития «Храма высших познаний», получает в нем «напиток забвения» и «напиток памяти». «А именно, он посвящается в тайну, как можно действовать, не позволяя низшей памяти служить постоянной помехой... Он должен быть в состоянии разрушать покровы воспоминаний, расстилающиеся вокруг человека в каждое мгновение жизни»⁸³. Благодаря же второму напитку, «он достигает способности постоянно иметь перед собой в сознании высшие тайны... Они должны сделаться постоянной практикой, привычкой, склонностью». Приведенные слова, естественно, характеризуют конкретные переживания на определенной ступени современного Посвящения. В процессе же проще-

ния они выступают как бы в своей метаморфозе, являющейся началом того, что Рудольф Штайнер обозначает как «известную, достигнутую уже в (обычной) жизни, степень Посвящения»⁸⁴. Тогда действие первого напитка проявляется в человеке в форме сознательно вызываемого им забвения (погашения) всех негативных склонностей своего низшего Я, в особенности же всех форм злопамятности и зависти, а действие второго — в форме столь же сознательно вызываемого непрерывного памятования о присутствии в душе сил Высшего Я, с его стремлением к самоизлиянию в мир в жертвенной любви.

Наконец, еще один элемент, который безусловно принадлежит ко всякому истинному прощению, — это элемент познания. Особенно конкретно он выступает в истории Билла Коди. В своем рассказе Георгу Ричи он говорит: «Я был адвокатом. В моей работе я слишком часто сталкивался с тем, что может делать ненависть с человеческим разумом и телом».

Чтобы действительно понять эти слова, как и вообще всю краеугольную роль познания в процессе прощения, необходимо снова обратиться к его центральному Праобразу, являющемуся высшим выражением *познающей любви* на Земле, к словам Христа на кресте: «Отче! прости им, ибо не знают, что делают». — «Они не знают...», потому что, находясь всецело в области действия лишь одного только низшего Я, они начисто лишены познания Того, *Кто* стоит перед ними. Они даже не подозревают, что распинаемый ими человек в действительности является Носителем мирового Я, то есть Носителем высшего космического Праобраза их собственного Я. То, что в ином случае могло бы стать для них смыслом и содержанием всей их жизни, для них непостижимо, ибо в своем внутреннем помрачении они в этот момент предельно удалены от всякого воздействия на них их собственного Высшего Я, глазами которого они единственно могли бы узреть *Кто* в действительности стоит перед ними.

Поэтому в историческом событии на Голгофском Холме, когда люди, не постигая Того, Кто стоит перед ними, распинают Христа Иисуса, Который прощает их с креста, ибо Он знает, что если бы они только познали Того, Кто стоит перед ними как Праобраз их собственного Я, то они никогда не распяли бы Его, а поклонились бы Ему, став Его учениками, — в этом событии мы имеем одновременно мистический и исторический Праобраз отношения низшего и Высшего Я в каждом человеке, еще не достигшем познания последнего. Ибо лишенный этого познания человек, приверженный лишь низшему Я и его эгоистическим побуждениям, слепо следуя им, виноват именно перед своим собственным Высшим Я больше, чем перед кем-либо. Более того, можно даже сказать, что, отдаваясь лишь силам своего низшего Я, он, по сути,

постоянно распинаят свое Высшее Я в духовном смысле, которое тем не менее все равно «прощает» его, поскольку сам человек в своем обычном сознании ничего не знает об этом положении вещей.

Напротив, когда человек прощает, то в более глубоком оккультном смысле происходит обратное. Действующее в акте прощения его Высшее Я, пронизывая своей субстанцией низшее Я, начинает вести его к духовному пробуждению, а значит и к *воспоминанию* о тех целях и задачах, которые сам человек поставил себе в своем Высшем Я еще до своего рождения на Земле, но о которых он затем полностью забыл, воплотившись в физическое тело*.

Некогда Платон назвал в «Меноне» всякое истинное познание воспоминанием (анамнезис). Если рассмотреть с оккультной точки зрения процесс прощения, эта старая истина может приобрести для нас совершенно новое значение.

Естественно, что в доземном бытии человек ставит себе самые различные цели и задачи относительно предстоящего ему воплощения. (О каких же из них в первую очередь вспоминает он в процессе прощения? В первую очередь он вспоминает о тех, которые проявляются затем в самом прощении, а именно, — о необходимости в земной жизни постоянного преодоления себя (преодоления своего низшего Я), а также жертвенного самоизлияния в мир в любви. Только в самом сверхчувственном бытии, в котором человек пребывает до своего рождения на Земле, в отличие от земного бытия, обе эти поставленные им себе из Высшего Я цели существуют не в форме каких-либо абстрактных идеалов, моральных заповедей или нравственных императивов, но в форме конкретных *Существ* духовного мира, всей своей сутью воплощающих соответствующие импульсы.

Таким образом, побуждения к этим двум основным условиям истинного прощения воспринимаются человеком в духовном мире не абстрактно, а из непосредственного созерцания упомянутых существ. А этими существами, которых в наше время каждый человек встречает в высшем мире *перед* своим воплощением на Земле, являются Христос и Его «Ангельский лик» — Михаэль⁸⁵.

Сначала, перед самым рождением в земном мире, человеку предстает Михаэль как высокий иерархический Дух, всегда и везде попирающий дракона. И из этого созерцания человеку открывается та сила, которая будет необходима ему для достижения затем на Земле в своей собственной душе победы Высшего Я над низшим, если он только захочет остаться верным этому Пробразу. Это сила *самопреодоления*, ведущая к постоянной победе высшего над низшим, представителем

* О причине, по которой человек, рождаясь, забывает о своих целях и задачах, будет еще сказано далее в главе VI, 4.

которой в нашем космосе является Михаэль. Как «духовный витязь свободы»⁸⁶ представляет Он в духовном мире эту силу, которую в словах человеческого языка быть может лучше всего передают следующие строки Гете из его незавершенной поэмы «Тайны»:

В душевной буре, в битве внешней
Воспримет дух таинственное слово:
От власти, что связует всех людей,
Освободится человек, себя преодолевший.*

Этим же словами указывается на путь истинного следования уже в земном бытии призыву Михаэля, обращенному в нашу эпоху к каждому человеку перед его рождением.

Вслед за Михаэлем человеку в его предземном бытии является Христос. И из Его созерцания человеку непосредственно открывается вторая, еще более высокая сила, которая будет необходима его душе на Земле, если только она захочет последовать этому еще более высокому Космическому Пробразу. Это та сила, носителем которой в нашем космосе и является Христос: сила мировой жертвенной Любви. Поэтому Рудольф Штайнер, исходя из розенкрейцеровского течения христианской эзотерики, называет Его также «Великой Жертвой», «жертвенным Мистическим Агнцем»⁸⁷.

Как мы видели, истинное прощение возможно в земном мире только на основе этих двух сил, в их микрокосмическом действии во внутреннем человека. Поэтому, когда мы прощаем по-настоящему, мы одновременно приближаемся к космическим первоисточникам этих сил, память о которых сохраняет для нас наше Высшее Я, уже бывшее до нашего рождения служителем Михаэля-Христа⁸⁸ и желающее через прощение продолжить путь этого служения также и на Земле.

2. Прощение и кармическая деятельность Христа.

Через акт прощения мы можем стать на Земле служителями и помощниками Михаэля-Христа еще и в совершенно ином отношении. Чтобы лучше понять это, представим себе, что происходит с оккультной точки зрения в противоположном случае, в случае непрощения.

Если какому-либо человеку нанесена обида или причинено зло другим человеком, то в действие тотчас вступают всеобъемлющие законы кармы. Их задачей является вызвать иногда еще в этой жизни, а чаще в одной из последующих такую ситуацию, при которой оба

* Перевод С.О. Прокофьева.

человека встретится снова, но на этот раз так, что второй человек, как провинившийся перед первым, должен будет теперь каким-либо образом загладить свой проступок, то есть в новой ситуации принести первому человеку ровно столько же добра, сколько в прошлой жизни он принес ему зла.

Учитывая всю многообразную и необычайно сложную переплетенность отдельных человеческих судеб на Земле также и в аспекте «вины» друг перед другом, требующей неременного кармического выравнивания, а также все бесчисленные кармические связи, соединяющие отдельного человека с его народом и со всем человечеством (со своей эпохой), нетрудно представить себе, какую поистине колоссальную, объемлющую весь наш космос работу должны проводить существа кармы, чтобы *каждое* человеческое деяние, чувство или мысль рано или поздно, но с железной необходимостью получили бы свое воздаяние.

Поэтому для осуществления этого всеобъемлющего закона кармической необходимости, который одновременно является также и законом высшей справедливости нашего космоса, в духовных мирах должны участвовать *все девять* божественно-духовных иерархий. Рудольф Штайнер говорит об этом в таких словах: «Эта человеческая карма является сначала лишь фоном, занавесом, подобным покрывалу. Если же мы посмотрим за это покрывало, то там ткут и работают, действуют и вершат Архаи, Архангелы, Ангелы; Господства, Силы, Власти; Серафимы, Херувимы, Престолы»⁸⁹. Для всех перечисленных Иерархий оказывается, однако, далеко не безразличным, прощает ли человек другого, провинившегося перед ним или причинившего ему зло человека. Если он *не* прощает, то тем самым он как бы «вынуждает» иерархии в будущем формировать мировую карму и все зависящее от нее грядущее развитие мира и человечества в точном соответствии с законом кармической необходимости, вызывающем рано или поздно справедливое и безостаточное выравнивание каждого злого поступка. Бесконечные духовные силы всех девяти иерархий должны быть затрачены в этом случае на создание в земном развитии ситуаций, позволяющих осуществиться этому выравниванию. Поэтому можно сказать, что каждый отказ от прощения способствует усилению сети «железной» необходимости кармы, охватывающей наш космос.

Напротив, если человек прощает, но так, как это было охарактеризовано выше, то этим он в действительности сам добровольно отказывается от того доброго воздаяния, на которое он имеет объективное право в космосе как претерпевший от другого человека незаслуженное зло. А отказываясь от такого воздаяния, которое должно обязательно наступить для него в одной из его следующих земных жизней, такой человек освобождает этим шагом поистине бесчисленные силы Высших

Иерархий от необходимости создавать в будущем на Земле все новые и новые ситуации для выравнивания прошлой кармы.

Итак, в случае прощения эти силы Высших Иерархий оказываются *свободными*, а значит могут быть использованы не в смысле законов кармической необходимости, а как свободно жертвуемые миру высшие духовные силы, действующие далее в совершенно новой форме, которая с точки зрения земного развития может быть обозначена словом «благодать». Иначе говоря, существенная часть духовных сил, которые ранее использовались Иерархиями для исполнения всеобъемлющего закона кармы, освобождается от этой задачи и может быть теперь использована иначе, а именно в духе намерений и целей Христа, как строительные камни для нового постепенно воздвигаемого Им морального Космоса, о котором Рудольф Штайнер говорит в самом конце своей книги «Очерк Тайноведения»⁹⁰. Благодаря этому в недрах пронизывающего весь наш космос царства железной кармической необходимости, начинает постепенно созидаться новое царство, царство, в котором карма становится благодатью, а необходимость претворяется в полную духовную свободу, в котором Сам Христос действует как *Владыка кармы*. Ибо в результате каждого акта истинного прощения человек созидает в ткани кармы как бы незаполненное кармической субстанцией пространство, в которое тогда может вступить и в котором может действовать Христос, и к которому не имеют доступа ни люциферические, ни ариманические силы.

Так каждым прощением человек превращает часть мирового поля кармы, охватывающего наш космос плотной сетью железной необходимости, в новое поле деятельности Христа, как Владыки кармы. А так как Христос становится Владыкой кармы именно начиная с нашего времени⁹¹, то отсюда следует и все то неизмеримое значение, какое для человеческого развития уже в наше время и все более и более в будущем будет иметь прощение.

Что же касается самого прощающего, то для него в акте прощения возникает совершенно новая связь со Христом, открывающая ему возможность постепенно сделаться все более сознательным сотрудником Христа в сфере кармы, а значит, в процессе преобразования всего нашего космоса. И одновременно Сам Христос вступает тогда в область конкретного формирования индивидуальной кармы такого человека гораздо более интенсивным образом, чем *без* этого.

Поэтому можно также сказать, что в момент прощения в человеке начинает реально осуществляться принцип «Не Я, но Христос во мне», в то время как в отказе от прощения проявляется противоположный принцип «Не Я, но Ягве во мне». А отсюда следует, что именно по своей способности к прощению каждый человек может реально-жизненно, а

не абстрактно-мыслительно установить, в какой мере он сам еще является ветхозаветным человеком, живущим лишь законами кармической необходимости, ничего и никому не прощающим («У меня отмщение и воздаяние» Втор., 32, 35), или он уже вступил на путь становления новозаветного человека в себе, расцветающего, подобно цветку, навстречу Солнцу Христовой свободы, любви и благодати.

Сказанное самым непосредственным образом связано с тем мощным изменением, которое происходит в наше время в ближайшем к земному сверхчувственному миру по мере становления Эфирного Христа Владыкой кармы всего земного развития. Рудольф Штайнер характеризует это изменение следующим образом.

С древнейших времен каждый человек, принадлежащий к западной цивилизации, после смерти, перед вступлением в Камалоку переживал встречу с двумя сверхчувственными образами: Херувимом с пылающим мечом, подобно тому, как когда-то при изгнании из рая Адама и Евы, — представителем высшей космической Справедливости, которая должна быть соблюдена, и Моисеем со скрижалями закона, наглядно демонстрирующими силы железной кармической необходимости.

По свидетельству современной Духовной науки к этим двум образам, начиная с нашей эпохи, постепенно присоединяется третий, который со временем должен будет полностью заменить образ Моисея, и этот Третий — Христос⁹². Появление же Его образа вместо образа Моисея означает, «что наша карма приходит в связь с Христом, что Христос срастается с нашей кармой»⁹³. А это и есть — только не в абстрактном, а в духовно-конкретном смысле — переход от ветхозаветного человека к новозаветному, о котором говорилось выше. И существенным элементом этого процесса является именно сознательное и свободное развитие человеком в себе способности к прощению, которая может в значительной степени ускорить этот переход. В особенности из одного факта эта взаимосвязь может стать для нас более наглядной.

Одним из важнейших последствий для конкретной человеческой души постепенного преображения в сверхчувственных мирах образа Моисея в образ Христа будет переживание ею в земной жизни того, что Рудольф Штайнер описывает как *новое кармическое ясновидение*. Это последнее будет не чем иным, как непосредственной метаморфозой и дальнейшим развитием того, что в обычной жизни называется совестью. Ибо то, что ныне у большинства людей восходит в душе как более или менее смутный голос совести, постепенно преобразится в исполненные жизни имажинативные образы, которые откроют человеку, что с высшей точки зрения, то есть с точки зрения его Высшего Я, он должен совершить в будущем, чтобы выровнять последствия тех или иных своих злых поступков, чувств и мыслей.

В результате такого сверхчувственного созерцания человек, если только он сможет его правильно понять, — а это будет возможно благодаря распространению в человечестве Духовной науки, — скажет себе: «Вот, я совершил это (какой-либо нехороший поступок). А теперь мне показано то, что я должен сделать для (его) выравнивания, и то, чего мне будет не хватать для достижения совершенства, если я не осуществлю это выравнивание»⁹⁴.

Подобное переживание имеет самое прямое отношение к тому, что в предыдущей главе было обозначено как второе условие истинного прощения: внесение в мир столько же добра, сколько у него было отнято злым поступком, что означает — стремление к действительному выравниванию последнего. А это, в сущности, не что иное, как последовательное расширение и углубление импульса совести в направлении возвещаемого ныне Духовной наукой нового кармического ясновидения. Что же касается первого условия, состоящего в самопреодолении, в сознательной жертве всеми желаниями и склонностями низшего Я Высшему, то его исполнение будет затем необходимо человеку для обретения в себе внутренних сил, чтобы действительно осуществить на Земле то, что было показано ему в имажинативном созерцании. В этом смысле оба условия прощения самым непосредственным образом связаны с современной мистерией человеческой совести, ее постепенным преображением в новое кармическое ясновидение и способностью жить в соответствии с ним.

Подытоживая все изложенное в этой главе, можно сказать: прощая, человек постепенно выходит за границы своей личной кармы, все более освобождаясь от ее принуждения. И одновременно с этим он становится на Земле тем органом, через который — как в случае с Биллом Коди — Христос Сам как Владыка кармы может непосредственно действовать в человечестве в эфирной форме. Ибо сама, еще не изжитая и лишь ищущая своего изживания карма прощающего в процессе прощения насыщается новой моральной субстанцией, получает как бы новое содержание. Конечно, человек через это не освобождается от кармических последствий когда-то совершенных им самим ошибок или злых поступков, но благодаря активному проявлению в нем Импульса Христа как «формирующей судьбу силы», все с необходимостью выпадающие на долю такого человека испытания, страдания и удары судьбы включаются тогда в общую карму мира и человечества в смысле намерений и целей Христа и одновременно направляются Им так, что для самого человека они лишь способствуют пробуждению и росту в нем сил Высшего Я.

3. Космический праобраз прощения

Проблемы прощения в связи с трехлетней жизнью Христа Иисуса на Земле Рудольф Штайнер неоднократно касается в своих лекциях, особенно в посвященных антропософским рассмотрением четырех Евангелий. В них Рудольф Штайнер комментирует целый ряд новозаветных сцен, связанных с этой темой. Например, историю о «женщине, взятой в прелюбодеянии» (Иоанн 8, 1-11), сцену исцеления расслабленного (Матф. 9, 2-8) и, наконец, разговор Христа Иисуса с распятым по Его правую руку добрым разбойником (Лука 23, 39-43)⁹⁵

Во всех этих евангельских сценах, в которых Христос Иисус как космический Праобраз принципа Я совершает «прощение грехов», с духовнонаучной точки зрения имеет место пронизание обычного Я людей на более короткое или на более продолжительное время их Высшим Я, наступающее в результате их встречи со Христом. Так, в первой из упомянутых сцен сила Христа, содержащаяся в его словах: «Кто без греха, первый брось в нее камень», приводит всех приведших женщину людей к пробуждению в них Высшего Я, а значит, смутного осознания глубокой виновности перед Ним их собственного низшего Я. После чего, говорится далее в Евангелии, они, «будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим» (Иоанн 8, 9). Голосом совести в данном случае является не что иное, как голос Высшего Я в их душах, силы которого отныне, пробужденные Христом, начинают преобладать, пронизывая и преображая собой их низшее Я, еще живущее в сфере закона: «А Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями» (5). В результате этого никто из пришедших более «не осуждает» (10) женщину, но все, в явном противоречии с законом, *прощают* ее.

Подобным же образом пробуждает Христос силы Высшего Я и в расслабленном. В Его словах, обращенных к нему: «Дерзай, чадо!» (Матф. 9, 2), само слово «чадо» — сын — указывает на начало действия в больном его Высшего Я. Ибо, *как Сын Божий, Христос представляет собой Я всего макрокосмоса, а как Сын Человеческий — Высшее Я каждого человека*. И тогда уже не Сам Христос, а пронизанное изшедшей от Него силой Высшее Я расслабленного совершает в нем еще раз то, что оно делает в каждом человеке в самом раннем детстве, еще до пробуждения индивидуального Я-сознания, а именно, осуществляет то самое «встань и ходи» (Матф. 9, 5), благодаря которому ребенку на всю последующую его жизнь даруется способность прямохождения и прямохождения.

Особенно же отчетливым образом весь контраст между поведением человека, действующего из импульсов Высшего и низшего Я, выступает в сцене самого Распятия в отношении к Христу Иисусу двух

разбойников: одного, обращающегося к Нему, и другого, злословящего Его. В этой сцене мы имеем грандиозную пророческую импанацую грядущего разделения всего человечества на две расы: добрую и злую, которое готовится уже в наше время, но вполне проявится лишь в шестую культурную эпоху, а окончательно завершится на грядущем Юпитере⁸⁶. В основании такого разделения будет тогда лежать непосредственное отношение каждого индивидуального человека к Христу. Уже в наше время, но особенно, как сказано, начиная с шестой эпохи, все большее и большее число людей удостоится непосредственного сверхчувственного лицезрения Христа в эфирном теле, и тогда в полной свободе люди будут поставлены перед выбором принять или отвергнуть Христа. Именно это совершенно свободное решение определит дальнейший путь души, ее принадлежность доброй или злой расе.

Рудольф Штайнер подробно рассматривает этот случай «прощения грехов» в предпоследней лекции цикла «Христос и человеческая душа», в которой он, исходя из сцены распятия, раскрывает своим слушателям один из самых центральных фактов антропософской Христологии. Речь идет о следующем. Оба распятые по правую и по левую руку от Христа разбойники совершили одинаковые преступления, и оба они, согласно неумолимому закону кармы, должны будут в будущих земных жизнях изгладить до последнего все их последствия. Что же в этом случае прощает одному из них Христос? Чтобы ответить на этот вопрос, Рудольф Штайнер указывает на наличие двойного рода кармических последствий, возникающих в результате совершаемых человеком поступков. Во-первых, поступки, касающиеся самого человека, которые постепенно будут полностью исправлены через действие законов кармы, а во-вторых, — *объективное зло*, которое каждым плохим поступком, наносится миру. Поясним это простым примером. Если один человек в жизни мучил и причинял боль другому, то по закону кармы в одной из следующих инкарнаций он должен будет принести обиженному столько же добра, сколько в этой жизни он принес ему зла и страданий. И тем не менее, как объективное свершение, сам факт причинения мучений другому человеку уже сделался частью всего мирового процесса. Будучи на вечные времена вписан в Акаша-Хронику, в неистребимую духовную память нашего космоса, он продолжает и далее действовать в мире как пусть небольшой, но все же центр разрушительных сил. И если бы ничего кроме этого не произошло, то тогда к концу всего теперешнего земного развития наступило бы следующее. Даже если все люди и сумели бы полностью искупить свою личную субъективную карму, то сама Земля, отягощенная грузом сохранившихся в Акаша-Хронике разрушительных сил, как объективных последствий злых деяний, чувств и мыслей людей, оказалась бы не

в состоянии метаморфизироваться в Юпитер: «Тогда люди пришли бы к концу земных времен с их собственной исправленной кармой, а Земля в своем развитии не была бы готова превратиться в Юпитер, и все земное человечество лишилось бы места обитания, лишилось бы возможности в своем развитии перейти на Юпитер»⁹⁷. Более того, сам человек должен был бы тогда постоянно созерцать в Акаша-Хронике все свои плохие деяния с их разрушительными последствиями для Земли и всего космоса и испытывать от их вида и особенно от полной невозможности их исправить величайшие мучения. Это означает, что с помощью кармы человек *может* искупить себя, но своими собственными силами он один не может искупить Землю, что, однако, является абсолютной необходимостью для всего его дальнейшего развития.

И именно в этом человеку и оказывает помощь Христос. Ибо соединившись в результате Своего прохождения через Мистерию Голгофы с Землей и со всем человечеством на ней, Христос как новый Дух Земли, благодаря Своей космической Жертве, оказывается в состоянии в буквальном смысле слова взять на Себя все *объективные* последствия для мира наших грехов и заблуждений и таким образом стереть все их следы, саму память о них из Акаша-Хроники. «Ибо благодаря тому, что Христос умер на Голгофе, человек не будет видеть запись своей вины, а будет видеть Того, Кто взял ее на себя; он будет видеть соединенным в Существо Христа все то, что иначе было бы распространено в Акаша-Хронике. Христос будет стоять перед ним вместо Акаша-Хроники, Он взял все это на Себя»⁹⁸.

Итак, силой Своей Жертвы Христос созидает в Акаша-Хронике, на месте вписанных туда ранее злых поступков людей и их последствий, как бы «пустые места», которые Он затем заполняет Своим искупающим всю нашу Землю *Духом*. Поэтому в сцене передачи этого дара объективного искупления Земли апостолам перед тем, как послать их в мир, Христос сам «вдувает» в них Святого Духа, обновляя этим всю мистерию изначального сотворения человека, описанную в начале Ветхого Завета (Быт.2,7). В Евангелии от Иоанна об этом событии повествуется так: «Сказав это, дунул, и говорит им: примите Духа Святого: кому простите грехи, тому простятся; на ком оставите, на том останутся» (20, 22-23). Приведенное в этих словах новое действие Святого Духа Рудольф Штайнер комментирует далее следующим образом: «Какое значение имеет для человеческой души, когда по поручению Христа говорит тот, кто имеет право сказать: «Твои грехи прощены тебе»? Это означает, что такой человек может подтвердить: хотя ты и должен ожидать кармического выравнивания, но твою вину и твой грех Христос преобразовал так, что ты позднее (на Юпитере) не должен будешь переживать непереносимые страдания, взирая на твою

вину и видя, что ты ею уничтожил часть бытия Земли»⁹⁹. А затем Рудольф Штайнер указывает на то, что эти евангельские слова о прощении грехов силой Христа означают уже не «кармический», а «космический» факт.

Однако в этом постепенном переходе от «кармических» связей или закономерностей к «космическим», или, что в данном случае то же самое, — от Земли к Юпитеру, должен, начиная с нашего времени, все более сознательно участвовать сам человек. Он должен учиться заботиться не только о своем собственном искуплении, интересоваться не только своей личной (субъективной) кармой, но и искуплением всей Земли, неразрывно связанным с выравниванием всей ее *объективной* кармы силой принятого им в себя Импульса Христа. Для этого человеку необходимо перерастить границы своей собственной индивидуальной кармы, а значит прежде всего научиться *прощать*. Одновременно с этим он уже теперь всеми силами своей души должен стремиться к тому, что во всей полноте выступит лишь на Юпитере, когда «чувство общности с миром ... станет (для него) основным»¹⁰⁰, а в совместном бытии людей сможет действительно осуществиться то, что Рудольф Штайнер описывает, как высшую «общину Духа», в которой будет невозможно счастье и благополучие ни одного человеческого существа без счастья и благополучия всего целого¹⁰¹.

Сказанным мы теперь подготовили себя к ответу на основной вопрос этой главы: где мы находим *космический Праобраз* самого внутреннего процесса, имеющего место в том нравственном деянии, которое на Земле называется *прощением*?

Выше (см. гл. IV) уже говорилось о том, что в процессе прощения человек сознательно, усилием своей воли как бы стирает в непрерывном потоке памяти, постоянно текущем через его обычное Я и поддерживающем его правильную жизнедеятельность, те воспоминания, которые относятся к причиненному ему злу. Однако совершить это, не нанося при этом вреда своему обычному Я, он может лишь исходя из своего Высшего Я, или Самодуха, которого Рудольф Штайнер в «Теософии» называет «живущим как «Я» Духом»¹⁰². Субстанция Самодуха наполняет тогда внутренние пространства памяти, освобожденные указанным образом от негативных воспоминаний, и одновременно приносит с собой возможность из исходящей от него моральной интуиции претворить любое зло в добро.

Но в точности то же самое, только уже в Макрокосмосе, постоянно совершает и Христос, действуя в ауре Земли после Мистерии Голгофы. Также и Он как представитель Высшего Я нашего космоса все снова и снова стирает в потоке космической памяти — в Акаша-Хронике — последствия всего объективного зла, причиненного людьми миру, а

значит, прежде всего, самому Христу как новому Духу Земли, несущему на себе после Мистерии Голгофы карму всего человечества. Ставшее таким образом свободным в Акаша-Хронике «пространство» Христос заполняет тогда Своим Духом, исходящим от Него новым Святым Духом*, превращающим все «кармические» факты — в космические, а Землю — в Юпитер.

Поэтому мы можем сказать: прощая, мы совершаем в малом то, что Христос постоянно совершает в большом. Ибо как Христос постоянно стирает в Акаша-Хронике последствия наших злых поступков, чувств и мыслей *для мира*, так, прощая, мы сами уподобляемся Ему в этом, стирая нашим Высшим Я причиненное нам зло из потока памяти нашего обычного Я.

И если Христос, заполняя своим Духом освобожденные им места в Акаша-Хронике, подготавливает этим будущее моральное пространство Юпитера, то человек, подражая Ему, в каждом акте истинного прощения уже сейчас реально учится *жить в условиях будущего Юпитера*, в условиях его морального пространства.

Так призван ныне каждый человек, понимающий цели и смысл развития мира и человечества в духе намерений живого Христа, заботиться не только о целях своего собственного ограниченного бытия, но также «способствовать божественной цели всей Земли»¹⁰³, развивая в себе силы прощения, делающие его соучастником в космическом процессе формирования Христом еще в недрах земного развития зародыша будущего Юпитера.

4. О влиянии прощения на посмертную жизнь человека

Во всяком человеческом конфликте, в котором, с одной стороны, имеет место совершение злого или несправедливого поступка, а с другой — его прощение, немедленно возникает внутренняя поляризация, заключающаяся в усилении сил низшего Я у одного из участников и сил Высшего Я — у другого. И одновременно, по уже упомянутому основному педагогическому закону открывается возможность непосредственного воздействия Высшего Я (Самодуха) одного человека на низшее Я другого, вплоть до кармических подоснов последнего. Даже если в земной жизни это не сможет проявиться внешним образом, через личную встречу двух людей, то в любом случае, и при том совершенно независимо от того, будет ли прощенный в своем обыденном сознании

* О внутреннем родстве Святого Духа человеческому принципу Самодуха см., например, в лекции от 25.03.1907 г. (Библ.96). Последний относится к первому как микрокосмос к Макрокосмосу.

знать об этом или нет, сам акт прощения будет, тем не менее, иметь огромное значение для его посмертной жизни.

Чтобы лучше понять сам характер влияния прощения на посмертную жизнь человека, необходимо вспомнить о том, что Рудольф Штайнер говорит о действии в наше время в ближайшем к Земле духовном мире двух родов эфирных тел умерших. К первому из них принадлежат эфирные тела людей, находившихся в своей последней земной жизни под преобладающим влиянием современной материалистической цивилизации, в особенности же эфирные тела людей, интенсивно отдававшихся различным националистическим представлениям и страстям. Ибо ничто так не способствует сильнейшему затемнению и отвердению эфирного тела человека, как любая форма живущего в его душе национализма. Однако подобное же действие на эфирное тело человека производит и сознательный отказ от прощения, выступающий в любой форме злопамятства или зависти, также оказывающих значительное влияние на эфирное тело, способствуя его уплотнению и затемнению. Ибо, подобно националисту, злопамятный человек живет в сильно действующих на его эфирное тело совершенно застывших, но пронизанных концентрированной волей негативных представлениях, становящихся со временем в эфирном теле центрами, вокруг которых постоянно происходит «уплотнение» эфирной субстанции. В дальнейшем же — уже после смерти такого рода людей — их эфирные тела не растворяются сразу в окружающем мировом эфире, но — подобно эфирным телам националистов — могут быть использованы ариманическими духами в их борьбе против явления Эфирного Христа в ближайшем к земному духовном мире¹⁰⁴. Напротив, люди, склонные к прощению, так влияют этим на свое эфирное тело, что оно особенно быстро растворяется в общем мировом эфире после их смерти. Благодаря этому такие люди могут в своем посмертном существовании легко найти путь в воинство Михаэля, сражающееся под Его руководством в ближайшем к земному духовном мире против упомянутых выше плохо растворяющихся эфирных тел людей и действующих через них ариманических демонов, за правильное — неискаженное — явление Христа человечеству и за утверждение Его власти в нем.

В целом ряде своих лекций, прочитанных во время первой мировой войны, Рудольф Штайнер указывает в особенности на восточных европейцев как на тех, чьи эфирные тела необычайно быстро растворяются после смерти в эфирном окружении Земли, вследствие чего их носители становятся важнейшими помощниками Михаэля в его борьбе за явление Эфирного Христа¹⁰⁵. Это сообщение Рудольфа Штайнера находит свое полное подтверждение в совершенно ненационалистическом характере восточноевропейских народов (Рудольф

Штайнер говорит в связи с этим о «необычайно космополитичном» элементе именно русских¹⁰⁶), а также в их исключительной способности к прощению, являющейся поистине одной из центральных черт характера, многократно проявлявшейся на протяжении всей истории, включая наше столетие.

Если теперь еще раз вспомнить о том, что в процессе прощения имеет место гораздо более непосредственное воздействие на обычное человеческое Я его Высшего Я (Самодуха), или, что тоже самое, — его Ангела Хранителя, то нам станет более понятным, почему именно люди, прошедшие в своем последнем воплощении через восточноевропейскую телесность, в своем посмертном бытии обретают возможность «полностью соединиться в своем сознании с их Ангелом, как бы созерцать духовный мир... глазами Ангела»¹⁰⁷. И далее Рудольф Штайнер продолжает: «Для принадлежащих к русскому народу это является вполне естественным всегда быть вместе со своим Ангелом... срастаться в нечто единое с Ангелом.» .

Однако охарактеризованное отношение после смерти к своему Ангелу касается не только русского человека, но, в свете всего сказанного, может быть с правом отнесено к посмертному бытию *каждого* человека, который, независимо от своей принадлежности к тому или иному народу, развил в своей душе способность истинного прощения, или, говоря более простым языком, много прощал в своей последней земной жизни.

В жизни существует еще одна исключительно важная форма прощения, направленная теперь уже не на другого человека или группу людей, но на саму выпавшую на долю человека трудную судьбу, выражающуюся, например, в тяжелой неизлечимой болезни или несчастном случае, последствия которого необходимо нести затем до конца жизни. К такой тяжелой судьбе можно отнести и многолетнее безвинное пребывание в тюрьме или в концентрационном лагере.

Подобные переживания могут, конечно, вызвать в душе человека внутренний протест, негодование, отчаяние, внутреннее разочарование, или же, напротив, повести его к полному и безостаточному *примирению* со своей судьбой, к приятию ее как ниспосланного свыше испытания. Это безоговорочное принятие своей судьбы может даже претвориться в душе человека в чувство благодарности по отношению к высшим Властям бытия.

В сказанном мы имеем дело не с чем иным, как с совершенно особой формой прощения, которую можно обозначить, учитывая, конечно, всю неприспособленность для таких представлений нашего земного языка, — как «прощение» собственной судьбы. Тогда в случае

такого полного принятия своей судьбы, как и в случае истинного прощения, происходит самое интенсивное пронизание низшего Я Высшим. Ибо всякая обусловленная всей кармой человека неизлечимая болезнь или несчастный случай, последствия которого резко меняют ход его жизни, является прямым результатом тех высших решений, которые человек *сам* принял в духовном мире, пребывая в своем Высшем Я (Самодухе) еще до своего окончательного нисхождения в земное воплощение. В то время он принял их из созерцания, с одной стороны, всей красоты и величия божественно-духовного космоса, а с другой, — глядя на все недостатки и несовершенства своего собственного принесенного из прошлых жизней существа, чтобы исправить его через добровольное (с точки зрения Высшего Я) принятие на себя в грядущей земной жизни соответствующих очищающих и возвышающих дух испытаний. И вот теперь — но уже на Земле — добровольно принимая их и примиряясь с ними, человек тем самым, преодолевая страх, отчаяние и протест своего обычного Я, переносится как бы на точку зрения вызвавшего эти испытания Высшего Я. Отныне лишь *его* импульс действует в нем, или, можно также сказать, импульс Ангела Хранителя, с которым такой преодолевший себя и принявший свою судьбу человек вступит после своей смерти в столь же непосредственное отношение, как это было описано выше на примере посмертного бытия русского (восточноевропейского) человека. В этом кроется также одна из метаисторических причин того необычайного количества страданий, мучений и трагических испытаний, выпавших на долю именно восточнославянских народов на протяжении всей его истории и особенно в XX столетии. Ибо наличие более ста миллионов мучеников в одном народе всего лишь за 72 года правления на востоке Европы большевиков — это трагедия, поистине не имеющая равных за всю предшествующую историю земного человечества.

Отсюда становится более понятным, почему истинное прощение, а также полное и безостаточное принятие своей судьбы столь часто связано для человека с большими трудностями. Ибо во всяком истинном прощении человек с необходимостью должен пройти через одно чрезвычайно мучительное для него переживание (оно может быть менее или более продолжительным, но избежать его не может никто), а именно, через переживание внутреннего *бессилия*. Это чувство имеет свой источник в том, что всякое истинное прощение связано с действительным отказом от всякого «желания отмщения», а значит и от всякой «помощи» со стороны мировой кармы. Можно также сказать, что в прощении наиболее сильным образом проявляется полный отказ от любой формы «властолюбия» в сфере судьбы (кармы), то есть стремления воздействовать на ход своей судьбы, исходя лишь из чисто эгоистических

побуждений, так что человек на время оказывается как бы совершенно беззащитным перед ее ударами и всем окружающим его миром.

С духовнонаучной точки зрения это состояние возникает благодаря тому, что в процессе прощения, как правило, наступает момент, когда все силы низшего Я отступают, а опыта Высшего Я пока нет — оно еще не проявилось в полной мере. Возникает ситуация, в которой человек в процессе прощения хочет подняться от земного к Божественному (от низшего Я к Высшему) и не может. И это состояние чрезвычайно мучительно. Но если человек продолжает делать усилия и напрягать свою моральную волю, то обязательно наступает внутреннее преодоление этого бессилия, и в его душе, подобно лучам солнца, внезапно пробившегося сквозь плотные облака, проявляется побеждающее действие Высшего Я.

То, что тогда происходит в человеке, становится как бы микрокосмическим душевно-духовным переживанием Мистерии Голгофы, результатом которого является начало ощущения непосредственного присутствия живого Христа в собственной душе. Это прохождение человеком через внутреннее состояние бессилия и воскресение из него Рудольф Штайнер описывает в следующих словах: «Но если мы можем ощутить бессилие и возрождение из него, тогда для нас наступает тот счастливый миг, когда мы имеем действительно реальное отношение к Христу Иисусу... И тот, кто может говорить о двух событиях: о переживании бессилия и о воскресении души из бессилия, тот говорит о действительном переживании Христа»¹⁰⁸. Так может сам акт прощения повести человека к реальному переживанию Христа в собственной душе.

Возвращаясь к рассмотрению особого случая прощения, проявляющегося в форме полного принятия своей судьбы, необходимо еще отметить, что подобное отношение к ней возможно не только со стороны отдельного человека, но и со стороны целого народа. Ибо не только отдельный человек, но и целый народ или даже группа народов может принять ниспосланное ей свыше испытание, в конце концов всегда протекающее из кармы всего человечества; в результате этого трагическая судьба такого народа становится для него самого реальным путем служения Высшему Я всего земного человечества — Самому Христу. Таким путем подражания Христу идет тогда каждый народ, принимающий на себя и несущий свою историческую судьбу, как бы тяжела она не была¹⁰⁹.

Что же касается единичного человека, то для него способность к прощению и к принятию до конца собственной судьбы имеет еще одно исключительно важное последствие. А именно, человек, развивший в себе эту способность, после своей смерти проходит через исключительно

легкий период очищения, через особенно просветленную Камалоку. Ибо смысл последней заключается в отвыкании его от неправомерных склонностей к чисто физическому миру, в своего рода «забвении» их, а человек, много прощавший на Земле, благодаря этому развивает в себе способность к «душевному забвению», к забвению того, что с точки зрения Высшего Я, — в котором человек живет после смерти, — не должно далее пребывать в его душе.

Для такого человека — после того, как с отделением эфирного тела исчезают и его субъективные воспоминания об истекшей земной жизни, а затем в Камалоке ему открываются ее объективные последствия, до мельчайших деталей сохраненные в Акаша-Хронике¹¹⁰ — наступает следующее переживание: созерцая в Акаша-Хронике свою истекшую земную жизнь, он на месте каждого акта прощения, совершенного им на Земле, воспринимает как бы возникновение некоего свободного «пространства», которое по мере того, как он духовно вглядывается в него, постепенно заполняется субстанцией Христа. Можно сказать, что на месте всех актов прощения, совершенных им в его истекшей земной жизни, ему является Сам Христос. И эта непосредственная встреча с Христом может привести к тому, что такой человек после своей смерти становится *уже в Камалоке* Его непосредственным служителем и посланником, вестником Его воли и милосердия по отношению к другим человеческим душам, для которых их Камалока является особенно тяжелой, и, прежде всего, по отношению к тем, которых он от всего сердца простил на Земле, независимо от того, узнали об этом сами прощенные им люди в физической жизни или нет.

Ибо в каждом истинном прощении уже имеет место начало принятия на себя одним человеком, простившим, кармы другого человека — прощенного. А это позволяет первому после смерти обоих стать для второго во время его пребывания в Камалоке сияющей путеводной звездой на его омраченном духовном горизонте. Тогда уже по поручению Самого Христа одна душа является другой, чтобы повести ее к пробуждению в духовном Свете самопознания. Потому что на самые тяжелые страдания обрекает себя в Камалоке сама душа, не желающая признать за собой вину и принять на себя все последствия совершенных на Земле ошибок, заблуждений, злых поступков, негативных чувств и мыслей. Но именно в действительном самопознании, то есть в истинной с точки зрения Высшего Я и духовного космоса оценке всего совершенного в физической жизни, такой душе может помочь другая душа, некогда простившая ее на Земле. Теперь, являясь ей по поручению Христа, а значит неся в себе Праобраз Высшего Я каждого человека, она как Его посланник может пробудить в другой душе ясное сознание всех

ее ошибок, заблуждений и злых поступков и проистекающую из этого нового сознания способность восприятия в духовном Свете.

Более того, самым своим явлением в Камалоке душе прощенного душа протившего, именно в силу совершенного ею на Земле акта прощения, может тогда указать другой душе путь к космической сфере Христа. Ибо такова духовная власть истинного прощения — она дает душе протившего силу после смерти нести в себе Христов Свет, пробуждающий силы Высшего Я, всем душам, причем не только пребывающим в Камалоке, но также и еще живущим на Земле.

Так, прощая, человек уже на Земле принимает в свою душу Импульс Христа таким образом, что он затем, — подобно тому как это имело место в случае Билла Коди, — может излучать благословение на все свое непосредственное окружение, а после смерти может нести силу Христова Солнца во все духовное бытие, охваченное сетью законов кармы, соучаствуя и помогая в их постепенном преобразении в благодать и любовь.

И еще один аспект посмертного действия сил прощения должен быть рассмотрен в этой главе. Он состоит в том, что совершенные на Земле злые поступки, ошибки и заблуждения вызывают в человеке все больший перевес низшего Я над Высшим, подобный своего рода душевно-духовному затмению. А это означает, что действующий в человеке через его Высшее Я Ангел Хранитель постепенно теряет возможность и далее вести вверенных ему людей. С особой силой это выступает тотчас после смерти совершившего злой поступок человека, который тогда — во всяком случае на некоторое время — почти полностью лишается высшего водительства.

Согласно существующим в духовном мире законам Ангел Хранитель после смерти человека имеет своей основной задачей привести его посмертную жизнь в гармонию или хотя бы в некоторое созвучие со всем духовным космосом, что составляет главное условие *правильной* жизни человеческой души после смерти. Однако, если человеческая душа в ее посмертном бытии оказывается отягченной слишком большим грузом негативной кармы и, кроме того, как это часто бывает в подобных случаях, всеми силами противится действительному самопознанию, то есть узрению собственной вины, то тогда такой душе угрожают мучительные, непереносимые внутренние страдания, вызываемые ее постоянной дисгармонией с космосом.

Субъективно это новое состояние ощущается ею так, как если бы окружающий ее теперь духовный мир непрестанно отталкивал ее от себя обратно в те мрачные области Камалоки, которые Святое Писание называет «внешней тьмой» (Матф. 8,12). В результате посмертные

мучения души, и, прежде всего, полное «космическое одиночество», вызванное отдалением от нее Ангела Хранителя, продолжают усиливаться и могут достигнуть в конце концов такой интенсивности, что душа лишается тогда вообще всякого чувства времени, то есть чувства постепенного восхождения к высшим областям духовного мира, а ее состояние субъективно переживается ею как «вечное» заточение во «внешней тьме». В определенной мере его можно сравнить с переживанием бесконечного, совершенно пустого мертвого пространства, где не происходит никакого движения, никакого развития, пространства, полностью лишенного времени. Отсюда возникает средневековое представление о «вечном» аде или «вечных» муках после смерти, к сожалению, и поныне не пересмотренное и духовно не осмысленное ни в восточной, ни в западной церквях.

Ощущение времени в посмертном бытии, связанное с переживанием последовательного гармоничного вращающегося во все более широкие и возвышенные круги (сферы) духовного космоса, и должен даровать душе ее Ангел, ибо в этом как раз заключается существеннейшая часть его водительства душой после смерти. К человеку же, совершившему в течение земной жизни особенно много злых поступков, а тем более преступлений, его Ангел не может приблизиться, и таким образом он лишается возможности исполнить по отношению к нему свою задачу. Тогда, не в состоянии далее вести такого человека по ступеням восходящих сфер духовного мира, его Ангел — выражаясь более земным языком — как бы на время *забывает* вверенного его покровительству человека. В этом случае, лишаясь какой бы то ни было ориентации в духовных мирах, такие души в своем стремлении любыми средствами избежать того невыносимого страдания, о котором говорилось выше, часто обращаются за помощью к демоническим существам. В обмен на частичное ослабление своих страданий эти души скоро оказываются в полной власти этих существ и тогда должны служить им в ближайшей к Земле духовной сфере, распространяя оттуда в физический мир болезни, эпидемии, несчастные случаи и в особенности способствуя разрастанию в душах земных людей всевозможных склонностей ко злу¹¹¹.

Таким образом, в самом процессе забвения на некоторое время Ангелом вверенного ему человека после смерти с ним еще раз *в малом* повторяется то, что некогда — в эпоху Лемурии — произошло со всем человечеством на Земле в результате так называемого «грехопадения». То, что в приведенном случае происходит с человеческой душой после смерти, в далеком прошлом земного развития произошло как реальный факт со всем человечеством на физическом плане. Поэтому,

описывая в лекции от 14 августа 1917 года последствия этого «грехопадения» в Лемурийскую эпоху для всего человечества, Рудольф Штайнер указывает на то, что «для людей, живших от прадревних времен до Мистерии Голгофы, звучали трагические слова: «И Боги забыли человека»¹¹².

И если бы в мире не произошла Мистерия Голгофы, то человечество постепенно могло бы полностью изгладиться из памяти Божественно-Духовных Иерархий и в конце концов навсегда подпасть под власть люциферических и ариманических духов, как это в наше время происходит, хотя в подавляющем большинстве случаев лишь временно, с особенно злыми душами после их смерти. Однако, отмечает в той же лекции Рудольф Штайнер, «для времени, наступившего с момента Мистерии Голгофы, необходимо сказать: «И Боги постепенно *хотят* снова вспомнить о человечестве».

Сказанное здесь можно пояснить еще так. В результате описанного забвения Богами людей последние со временем совершенно утратили связь с духовным потоком времени*. Они превратились на Земле в чисто пространственные существа, что в конце концов должно было бы привести их ко все большей внутренней деградации и последующему физическому вымиранию. Христос же, снизойдя на Землю из высших миров, «снова принес людям время», говоря словами Рудольфа Штайнера¹¹³. На основании своих духовных исследований Рудольф Штайнер сообщил о том, что Сам Христос некогда поведал «своим интимным ученикам» следующее: «Я... имею возвестить вам, что Я пришел с Солнца... (что Я пришел) из Времени, которое принимает в себя человека, только когда он умирает», то есть из «потока Времени», который течет «из Вечности в Вечность»¹¹⁴.

Именно это внесение Христом через Мистирию Голгофы во все земное развитие принципа времени и пробудило в Богах *волю* снова вспомнить о земном человечестве, а вместе с ней и желание соединиться с теми людьми, которые с тех пор через принятие в себя импульса Христа ищут непосредственной связи с потоком духовного времени, пронизывающего весь мир высших иерархий.

И еще одним важным следствием забвения человечества со стороны Богов явилась утрата людьми на Земле всякой памяти о своем бытии в духовных мирах до рождения в физическом мире. Ибо это два в глубочайшем смысле взаимосвязанных процесса: Боги забыли чело-

* Имеется в виду живое духовное время, которое возникло вместе с существами, состоящими из времени (Духи Времени), которые принадлежат к Иерархии Начал или Архаев. На это сотворение времени Словом указывается в прологе Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово», то есть Слово сотворило или породило время (его начало), призвав к бытию существ Времени (см. Библ. 132).

века, а человек, как следствие этого, забыл свою жизнь в духовном мире до рождения. Однако это положение вещей имеет и свою положительную сторону. И не только в том, что человек лишь благодаря этому «забвению» получил на Земле внутреннее основание для переживания своей свободы, но еще и в том, что он через это вообще получил склонность к забвению в своей обыденной жизни. Так, уже со времен Лемурии, а особенно с конца атлантического времени земная память человека стала приходить во все больший упадок. Последнее же играет поистине огромную роль для здоровья всей нашей физической организации, которая постоянно черпает силы регенерации и обновления именно из тех внутренних сил, которые освобождаются в нашем эфирном теле благодаря тому, что мы постоянно забываем о многом из произошедшего с нами в прошлом. Таким образом, та «забывчивость», которая часто столь раздражает и мешает нам с точки зрения обычного Я, является поистине благодетельной для нашего физического тела¹¹⁵. Ведь если бы Боги не забыли нас, то мы уже во время земной жизни помнили бы абсолютно все наше прошлое, а значит постоянно имели бы перед собой всю ту панораму нашей истекшей жизни, которую каждый человек созерцает в ином случае лишь в первые дни после смерти, в период, длящийся вплоть до окончательного растворения его жизненного тела в мировом эфире. А такое состояние, переживаемое *уже в земной жизни*, было бы крайне разрушительно для физического тела, которое в наше время под воздействием современной материалистической цивилизации стало совсем твердым и хрупким, а потому требует совершенно особой внутренней подготовки для подобных переживаний, достижимой лишь в современном Посвящении. Оно исключало бы саму возможность обретения человеком на Земле индивидуальной свободы, что принадлежит к важнейшим достижениям всего земного развития.

Более того, если бы Боги однажды не забыли человечество, то есть не ослабили бы для его сознания свою связь с ним, то тогда память земного человека продолжала бы распространяться не только на душевные состояния, подобные созерцанию жизненной панорамы в первые дни после смерти, но и на дальнейшие состояния, подобные Камалоке. Иначе говоря, все то, что человек бессознательно для себя переживает во время сна, как род подготовительной Камалоки¹¹⁶, все это непосредственно вступало бы в его сознание также и в течение дня.

Последние остатки такой переживаемой в дневном сознании Камалоки сохранялись в общей эволюции человечества еще вплоть до раннего периода развития греческой культуры. Для древних греков это переживание проявлялось в ясновидческом созерцании таких духовных существ, как Иринии, Фурии и Эвмениды, преследовавших всякого совершившего преступление человека не после смерти, а в течение

земной жизни, как это имело место, например, в истории Ореста. Подобные описания в древнегреческой мифологии указывают нам на последние, воспринимаемые часто лишь в искаженном виде остатки «памяти» Богов о человечестве¹¹⁷. Подобные примеры можно в большом количестве найти также и в Ветхом Завете¹¹⁸.

В дальнейшем эта «память» Богов продолжала действовать в человечестве лишь в форме становившегося все более слабым и абстрактным «голоса совести», который был необходим, чтобы нить, связывающая Богов и людей, не оборвалась окончательно¹¹⁹. Однако в будущем, которое начинается уже в наше время, в результате вступления в земное развитие Эфирного Христа процесс воспоминания Богами человечества, начало которому было положено Мистерией Голгофы, должен будет распространиться и на человеческую совесть, постепенно преобразуя ее в новое кармическое ясновидение¹²⁰. Только благодаря этому ясновидению человек сможет со временем стать сознательным сотрудником Христа в сфере кармы (см. гл. VI, 2).

Итак, в результате совершения Христом Мистерии Голгофы и Его последующего соединения с Землей и человечеством Боги снова обрели к нему интерес. Иначе говоря, в них, видевших Мистерию Голгофы и ее последствия, снова возникла воля вспомнить о земных людях. Однако, если эта воля была пробуждена в них созерцанием жертвенного деяния Христа, то создание условий для ее реализации, то есть для возникновения в мире нового сознательного сотрудничества Богов и людей, всецело зависит только от последних. И от того, захотят ли люди пойти навстречу этой пробуждающейся воле Богов к сотрудничеству с ними, будет зависеть все грядущее развитие и вся дальнейшая судьба человечества. А так как сознательное сближение Богов и людей возможно лишь на основе постепенного развития людьми в себе сил Высшего Я, то из этого следует то поистине центральное место, которое в этом процессе занимает современная Духовная наука, или Антропософия. Недаром сам Рудольф Штайнер охарактеризовал ее в следующих словах: «Антропософия — это познание, которое проистекает из Высшего Я человека»¹²¹.

Отсюда нам может стать более понятным и все то значение, которое в постепенном сближении Богов и людей призвано сыграть истинное прощение, поскольку оно, как мы видели, самым непосредственным образом связано с пробуждением и действием в человеке его Высшего Я. Можно сказать, что, прощая, человечество тем самым создает в мире реальную возможность и наиболее благоприятные условия для Богов вспомнить о нем. Мы должны понимать слова, которые стоят в Евангелии от Матфея, как комментарий самого Христа

к данной Им своим ученикам молитве «Отче Наш»: «Ибо если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (6,14-15). Иначе говоря, если вы будете прощать людям их ошибки, то тогда Небесный Отец, то есть в данном случае представляющая Его Волю вся совокупность Божественно-Духовных Иерархий сможет вспомнить о вас и таким образом принять вас в свою среду, а если не будете прощать, то акт воспоминания не состоится, и тогда вы останетесь вне божественно-духовного бытия.

Если принять здесь во внимание, что сам процесс забвения Богами людей был вызван в первую очередь общим «грехопадением» человечества, то тогда будет ясно, что в истинном прощении мы имеем дело, напротив, с началом постепенного преодоления душой в самой себе последствий первородного греха. Ибо, прощая, мы снова восстанавливаем в своей душе и в окружающем нас мире высший Христов порядок, утерянный душой в результате грехопадения. Продолжением этого восстановления, хотя и в иной форме, становится затем то, что может совершить душа простившего человека после своей смерти по отношению к прощенному ей на Земле человеку, теперь пребывающему в Камалоке. Как вестник Христа и, одновременно, как представитель Высшего Я, может она тогда по Его поручению явиться такой страдающей в Камалоке душе и принести ей весть об утерянной ею связи с божественным царством времени, с царством восходящих Божественно-Духовных Иерархий, в результате чего к ней может снова приблизиться (можно также сказать: о ней «вспомнить») ее Ангел. А это значит, что душа, достигшая сама, благодаря прощению, особенно глубокой связи с царством Ангелов, может теперь помочь другой душе, временно утерявшей эту связь, вновь найти ее.

Так в посмертном бытии силы прощения могут послужить мостом между человеческой душой, лишившейся из-за своих злых поступков высшего водительства в духовных мирах, и ее Ангелом, снова возвращая ему возможность вести вверенную ему душу от одного воплощения к другому по пути восходящего развития. Тем самым, прощение получает значение не только для бытия людей, но и для бытия Ангелов.

5. Прощение как социально формирующая сила

Важнейшим влиянием, которое акт прощения может оказать на земную жизнь человечества, является его воздействие на социальную сферу. Это вкратце уже было упомянуто в главе II, при рассмотрении четвертой просьбы «Отче Наш» — «и прости нам долги наши, как и мы

прощаем должникам нашим», — на которую Рудольф Штайнер в своем духовнонаучном комментарии к этой главной христианской молитве указал как на действующую решающим образом прежде всего в социальных отношениях людей. Кроме того, именно в социальной сфере все три описанные выше (см. гл. VI, 1) основные качества истинного прощения могут проявиться с особой интенсивностью, оздоравливая и пронизывая новыми силами всю жизнь социального организма.

В первую очередь здесь должен выступить заложенный в прощении элемент познания. Он заключается в том, что человеку со всей ясностью необходимо осознать, почему другой человек, совершающий злой поступок, в известной степени всегда совершает его несвободно, подчиняясь низшим силам своей природы, поскольку даже в самом незначительном злом движении души его воля тотчас теряет свою свободу, становясь слепым инструментом эгоистических побуждений его низшего Я. Ибо свободен человек лишь тогда, когда его воля всецело исходит от его высшего Я и им руководствуется¹²². Поэтому действительно простить можно только пережив сознательно или бессознательно Высшее Я другого человека в его связи с Христом, в его родственности субстанции Христа, который, по словам Рудольфа Штайнера, на повороте времен вступает в человечество «как особый *Космический Самодух*»¹²³ и с тех пор действует в земном развитии как Праобраз Высшего Я каждого человека. А это означает, что в каждом человеке, достигшем преодоления в себе всех негативных влияний низшего Я силами Высшего, может быть найден и увиден этот Праобраз. Именно на это и указывается из духовного мира Георгу Ричи, который вначале ищет только повторения однажды дарованного ему ясновидческого переживания Христа, — ищи Его дальнейшего откровения в других людях. К этому, с антропософской точки зрения, можно было бы добавить: через восприятие Его в их Высшем Я.

В этом смысле прощение означает переживание того факта, что наибольшую вину человек, совершающий злой поступок, берет на себя по отношению к своему собственному Высшему Я и действующему через него Самодуху Христа. Это, как эзотерическая истина, стоит за следующими словами Христа в Евангелии от Иоанна: «Верующий в Него (Сына Божия) не судится, а неверующий уже осужден, потому что не уверовал во *имя* (то есть в Самодух)* Единородного Сына Божия» (3, 18). Иначе говоря, неверующий, то есть отворачивающийся от Христа, — а это происходит в каждом совершаемом человеком злом поступке, когда низшее Я отворачивается от Высшего, — прежде всего

* См. духовнонаучные комментарии Рудольфа Штайнера к молитве «Отче Наш» в лекциях от 28.01.1907 (Библ.96) и 04.02 и 06.03.1907 (Библ.97)

осуждает сам себя, лишая себя связи со своим Высшим Я и действующим в нем и через него Христом.

Именно такое осознание *необходимости* в нашем мире истинного прощения, имеющего одной из своих главных предпосылок действительное *понимание*, а через это — хотя бы частичное сопереживание судьбе другого человека (виновного перед нами самими или перед другими, быть может даже незнакомыми нам людьми), как части *своей собственной судьбы*, подобно тому, как это имело место в случае с Биллом Кодя, принявшим вместе с прощением на себя обязательство «любить каждого человека, который ему встретится», — это и делает нас поистине *братьями Христа*. Ибо только «того желает Христос признать свои братом, кто признает за своих братьев других людей»¹²⁴. Эти слова Рудольфа Штайнера стоят в прямой связи со следующим изречением самого Христа: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Иоанн 13, 35).

Здесь мы имеем подлинные истоки новой социальной общности людей, грядущей общности Святого Духа, того Духа, который как субстанция Космической Любви некогда излился на общину первоапостолов в день Пятидесятницы, пробуждая их от тяжелого духовного сна, в котором они все пребывали со времени Вознесения Христа¹²⁵.

Таким образом, уже в самом пути апостолов, являющем собой в определенном смысле Праобраз всего дальнейшего развития человечества, мы имеем пророческое осуществление того, что определено в словах: «Сначала мудрость, потом любовь, потом любовью прокаленная мудрость»¹²⁶. В случае апостолов это означает: сначала мудрость Посвящения, которую эти ближайшие ученики Христа принесли с собой из своих прошлых воплощений и еще углубили через изучение пророческих писаний древних евреев о скором приходе Мессии. Эта мудрость позднее позволила им стать Его учениками. Затем в течение трехлетней совместной жизни с Христом они все более и более пронизывались Его Любовью как космической силой, пока, наконец, на Пятидесятницу они не были осенены тем, что может быть обозначено как высший синтез Любви и Мудрости, как «любовью прокаленная мудрость» или Святой Дух, открывающийся в человеке как его Самодух¹²⁷.

Осененный таким Духом *Познающей Любви*, человек может основать новую социальную общность на Земле, покоящуюся на истинном братстве, общность, в которой он будет переживать себя как сущностная часть живого организма человечества, постоянно чувствуя всю свою *ответственность* за его судьбы и за все происходящее в нем¹²⁸. Такую связь со всем бытием и ответственность за все в нем происходящее человек чувствует тогда в результате пробудившегося в нем Высшего Я, или Самодуха. Напротив, именно в нашу пятую

послеатлантическую эпоху в связи с общим развитием в человечестве души сознательной в него одновременно проникают и самые сильные антисоциальные, деградирующие импульсы. Рудольф Штайнер характеризует эту противоположность следующим образом: «Столь же сильно, как душа сознательная по мере своего развития действует антисоциально, Самодух будет действовать социально. Так что можно сказать: человек развивает из наивнутреннейших импульсов своей души в пятую эпоху антисоциальное, но за этим действует духовно-социальное. И это духовно-социальное, оно, в существенном, проявится тогда, когда в шестом послеатлантическом периоде взойдет Свет Самодуха»¹²⁹.

В приведенных словах мы имеем прямое указание на исключительно важный *порог*, на который все человечество вступает, начиная с нашего времени, порог, пролегающий между душой самосознающей и Самодухом, между высшим душевным и низшим духовным членами человеческого существа¹³⁰. И лишь по мере того, как этот порог будет постепенно преодолеваться человечеством, в его среде будет все более и более распространяться истинное духовное братство, как основной признак грядущей шестой эпохи¹³¹. Поэтому в Апокалипсисе она называется «Филадельфийской общиной», то есть «общиной братской любви».

Однако в шестую эпоху человечество будет не просто сообществом братски объединенных людей, а будет в самом глубоком смысле этого слова *кармической общиной*. Рудольф Штайнер характеризует подобную общину следующим образом в предпоследней лекции цикла «Евангелие от Матфея»¹³²: «отдельная карма человека должна соединиться с кармой общины (общности)» и «его карма может быть соединена с ней так, что община соучаствует в несении кармы отдельного человека». Конкретно это будет происходить так, что если кто-то, принадлежащий к такому сообществу (а в шестую эпоху оно будет охватывать значительную часть человечества — всех тех, кто тогда будет принадлежать к расе «добрых»¹³³) совершил злой поступок, то тогда «найдется другой человек, который скажет: «Я помогу тебе изживать карму! Карма должна быть исполнена (то есть все последствия совершенного проступка должны быть приняты на себя и исправлены совершившим его), но другой человек может помочь ему». И сделать это сможет как один или несколько членов такого сообщества, так и все оно в целом. В последнем случае уже все сообщество как бы скажет ему: «Ты, человек, совершил неправый поступок, но мы вступимся за тебя! Мы предпримем то, что поведет к улучшению твоей кармы».

Результатом такой деятельности сообщества по отношению к тому или иному его члену будет постепенное создание в человечестве совершенно новой кармы. В общих чертах Рудольф Штайнер описывает

далее этот процесс в следующих словах: «Так, посредством того, что нити одного человека впядаются в карму всего общества, возникает кармическая сеть. И эта сеть, благодаря тому, что Христос принес вниз из духовных высот, должна по своему характеру стать отображением порядка на небе, а это значит, что карма отдельного человека должна быть связана с общей кармой согласно порядку духовного мира: не произвольным образом, а так, что организм всей общины становится отображением небесного порядка»*. Иными словами, здесь речь идет о непосредственном проникновении в кармические отношения людей той «солнечной и космической силы», которую «Христос принес вниз из духовных миров», и которая, действуя далее на Земле в отдельных людях и в их сообществах, единственно способна привести карму всего человечества в порядок, то есть сделать ее отражением «порядка духовного мира», того духовного мира, из которого на Землю «на повороте времен» снизошел сам Христос.

По словам Рудольфа Штайнера это будет тогда «учреждением человечества будущего, построенного на природе Я», когда все человечество, — если только оно окажется на высоте своего развития, — сможет объединиться в новую общность, основывающуюся на полном и высшем развитии истинной природы человеческого Я, всецело пронизанного силами высшего Я, или Самодуха.

Тогда Сам Христос сможет все более непосредственно действовать в таком сообществе как его новое высшее групповое Я. Ибо «Импульс Христа может быть единым для всего человечества и тем не менее является для каждого отдельного человека его личным делом»¹³⁴. Так что в подобной общности социальная сопричастность Христу сможет сочетаться с абсолютной индивидуальной свободой и самым полным развитием всех внутренних качеств и творческих возможностей каждой отдельной личности. Путь же, ведущий к осуществлению этого высокого идеала, будет неотделим от того духовного развития, которое уже было описано нами в V главе и началом которого является терпимость и, в особенности, способность к прощению. Указывая на это, Рудольф Штайнер предваряет приведенное выше описание постепенного возникновения в человечестве новой сети кармы, пронизанной Импульсом Христа, следующими словами: «Если понимают в этом смысле «связывание» и «развязывание», то тогда при каждом *прощении* грехов, — если его понимают правильно, — думают о тех обязательствах, которые вырастают из этого для общины». О том же конкретном «обязатель-

* Сказанное является другой стороной процесса, описанного в главе VI, 2. Ибо там, где через прощение возникают разрывы сети кармической необходимости, именно там и возникает основание новой Христовой (солнечной) кармы, как отражение небесного порядка.

стве», которое в первую очередь берет на себя сообщество людей по отношению к его отдельному члену, совершившему злодеяние, уже говорилось выше при рассмотрении истории Билла Коди, а именно: жертвенно даровать миру столько же сил добра и любви, сколько у него было перед тем отнято злым поступком.

Сказанное будет тогда началом исполнения того, о чем апостол Павел говорит, как о единственном «законе Христа»: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните Закон Христов» (Гал. 6, 2) Это слова, в которых, естественно, имеется в виду не только внешняя помощь, не только несение внешнего «бремени», а помощь в области кармы, идущая вплоть до принятия на себя кармы другого человека или даже группы людей.

То, что здесь было охарактеризовано как идеал будущего, первая ступень в осуществлении которого в рамках всего человечества сможет быть достигнута лишь в шестую эпоху, *уже в наше время* должно быть подготовлено людьми, стремящимися объединиться во Всеобщее антропософское общество. Ибо именно в наступивший в 1879 году период своего водительства земным развитием Михаэль в качестве Духа Времени и по поручению Христа, как Его Лик, хочет даровать людям новую духовную силу, позволяющую им сознательно стремиться к приведению в порядок кармы: «Но как же происходит, что также существуют силы, которые приводят к тому, что люди сегодня действительно объединяются на основе чисто духовных принципов, которые столь чужды современному миру? Где лежат силы для этого объединения? Они лежат в том, что через наступление господства Михаэля, через Михаэлическую эпоху, в которой мы живем, с началом земного владычества Михаэля... самим Михаэлем приносится сила, которая у тех, кто шли вместе с ним, снова должна привести в порядок карму. Так что мы можем сказать, что объединяет членов Антропософского общества. Их объединяет то, что они должны привести в порядок их карму»¹³⁵.

Отсюда становится понятным все значение способности прощения именно в среде антропософов, без развития которой само Антропософское общество никогда не сможет в полной мере стать тем, чем оно должно стать после Рождественского собрания: полем сознательной работы духовно-стремящихся людей по приведению в порядок кармы. В оккультном отношении это последнее означает, что после Рождественского собрания в рамках основанного Всеобщего антропософского общества должна начаться в полном объеме работа по преодолению старой лунной кармы и созданию новой — солнечной.

Лунная карма — это та, которую каждый человек после своей смерти оставляет в ближайшей к Земле лунной сфере (отсюда и ее

название), чтобы снова соединиться с ней непосредственно перед своим новым воплощением на Земле¹³⁶. С этой кармой связаны также последствия его злых поступков, мыслей и чувств во всех предшествовавших воплощениях. Поэтому человек в посмертном бытии, переходя в солнечную сферу, в которой не может существовать зла, должен на время оставить эту карму позади — в лунной сфере. Напротив, солнечную карму человек после смерти вырабатывает совместно с существами Высших Иерархий в солнечной сфере (на Девахане). Однако в противоположность лунной карме, которая при новом рождении человека вступает вместе с ним в земную жизнь как железная необходимость, солнечная карма может быть реализована человеком на Земле лишь в полной свободе, на основе его собственных духовных усилий.

По этой причине перед всеми членами Антропософского общества и была раскрыта после Рождественского собрания их общая *солнечная карма*, заключающаяся в их совместном участии в сверхчувственной Школе Михаэля в солнечной сфере в XV—XVII веках. Потому что только через все более сознательное отношение к этому совместному космическому прошлому всех истинных антропософов может возникнуть сила, ведущая к постепенному преодолению разделяющей и тормозящей все развитие лунной кармы, или кармы низшего Я и к реализации на Земле, и прежде всего в самом Антропософском обществе, объединяющей их солнечной кармы, или кармы их Высшего Я. А эта реализация на Земле, как непосредственное осуществление в наше время Импульса Михаэля—Христа, сможет послужить основанием для той общины Духа, о которой говорилось выше и которая в шестую эпоху должна будет охватить все доброе человечество.

Для осуществления же на Земле, в рамках Всеобщего антропософского общества этой солнечной кармы необходимо в первую очередь сохранение и повсеместное усиление дарованной Обществу Рудольфом Штайнером на Рождественском собрании в форме «додекаэдрического Камня Основы Любви»¹³⁷ новой духовно-моральной субстанции, о которой Мария Штайнер пишет в своем уже упоминавшемся «Призыве к примирению» 1942 года. Потому что именно в этой *моральной субстанции* нуждается оно, чтобы действительно работать над приведением в порядок своей кармы. Мария Штайнер пишет в связи с этим: «Однако еще происходят чудеса. Они происходят, когда моральная субстанция настолько сильна, что она оправдывает чудо. Что же мы можем сделать, чтобы спасти нашу моральную субстанцию? Мы можем простить! Каждый может простить то, что ему надлежит простить».

Эти слова поистине не потеряли своей актуальности и по сей день. Ибо со всяким истинным прощением связана жертва, жертвенное излияние высшей моральной субстанции души в мир, ведущее к победе над лунной кармой и к основанию солнечной, которая должна быть истинным эзотерическим содержанием Антропософского общества после Рождественского собрания, и о которой, ~~хотя~~ и в других словах, говорит Мария Штайнер в своем «Призыве»*.

И в заключении этой главы должно быть приведено еще одно высказывание Рудольфа Штайнера, свидетельствующее о всем значении истинного *братства* как социальной основы всякой антропософской работы, достижимого, как было показано, лишь через развитие действительной способности к прощению: «Антропософия требует настоящего человеческого братства вплоть до сокровеннейших глубин души. В ином случае можно было бы сказать: братство — это заповедь. Но в случае Антропософии надо сказать: она вырастает *только* на почве братства, она вообще не может расти иначе, чем в братстве, которое рождается из самого дела, когда один человек *дает* другому то, что он имеет и что он может¹³⁸. Под необходимостью «давать» другим то, что «имеешь и что можешь», о которой говорится в этих словах, надо понимать не только знания или духовный опыт, но также и ту реальную духовно-моральную субстанцию, на которую указано в немецком слове «vergeben» (см. VI-1).

Только когда через такую постоянную «отдачу» Антропософское общество и все составляющие его ветви и рабочие группы в достаточной мере осуществляют принцип братства в своей среде; тогда смогут стать полной реальностью следующие слова современного духовного исследователя: «И благодаря тому, что мы соединяемся вместе, объединяемся в *братские* союзы, чтобы заниматься нашей Духовной наукой, мы подготавливаем то, что как культура, как цивилизация должно пронизать шестой послеатлантический период. ... В наших *братских* рабочих группах мы совершаем работу, которая струится вверх к силам, подготавливаемым для становления Самодуха»¹³⁹.

Так уже в наше время Антропософское общество призвано подготовить в человечестве спиритуальную культуру шестой послеатлантической эпохи, призвано проложить пути к грядущему нисхождению в него импульса Самодуха и к основанной на нем новой социальной форме совместного бытия людей.

* См. текст «Призыва» в приложении к настоящей работе.

СУЩНОСТЬ ПРОЩЕНИЯ И СЕМИЧЛЕННЫЙ ПУТЬ МАНИХЕЙСКОГО ПОСВЯЩЕНИЯ

Три проблемы являются наиболее характерными для современной эпохи: проблема Я, социальная проблема и проблема зла. Две первых из них в их отношении к прощению уже были подробно рассмотрены на страницах настоящей работы. Теперь необходимо обратиться к последней и, быть может, наиболее трудной из них.

О всем значении проблемы зла и необходимости ее действительного познания именно для нашей пятой послееатлантической эпохи Рудольф Штайнер говорит с особой силой в конце четвертой лекции цикла «Симптоматология истории»¹⁴⁰. В ней он сначала указывает на то, что основной характерной чертой четвертой, греко-латинской, культурной эпохи было переживание каждым человеком в своей душе проблемы рождения и смерти. Но то, что тогда переживалось людьми внутренне, в нашу пятую эпоху перешло вовне. Так что в наше время мы повсюду в окружающем нас мире, особенно же в социальной области, в сфере совместного бытия людей, включая само историческое становление человечества, постоянно сталкиваемся с беспрерывно сменяющимися друг друга, проявляющимися в большом и в малом, процессами рождения и смерти, возникновения и прехождения. Чтобы действительно *понять* их, человеку необходимо полностью освоиться с идеей повторных земных жизней, без осознания которых проблема рождения и смерти все более будет становиться для него родом повсюду окружающего его бессмысленного кошмара. «Но подобным же образом, как рождение и смерть для человеческого созерцания перешли изнутри вовне, так должен человек снова нечто пережить в своем внутреннем в пятую послееатлантическую эпоху, что в шестую эпоху, которая начнется в четвертом тысячелетии, снова перейдет вовне. И это есть зло»¹⁴¹.

Итак, подобно тому, как в четвертой культурной эпохе все человечество должно было пройти через внутреннюю встречу с рождением и смертью, так в нашу пятую эпоху оно должно внутренне пережить сознательную встречу со злом. И для обоих этих поистине краеугольных переживаний земного человечества в его развитие поставлены два центральных события, они должны указать ему правильное отношение к смерти, с одной стороны, и к злу — с другой. Одно из них — это Мистерия Голгофы, которая исторически, то есть на физическом плане, произошла в то время, когда для человечества самой важной проблемой была проблема рождения и особенно смерти. Второе событие — это сверхчувственное явление Христа в Офирном теле, начавшееся с XX столетия и связанное с некоторого рода обновлением Мистерии Голгофы, но уже не на Земле, а в ближайшем к ней сверхчувственном мире. Рудольф Штайнер говорит об этом так: «Теперь, когда Христос снова должен появиться в Офирном, когда снова должна быть пережита своего рода Мистерия Голгофы, теперь зло будет иметь такое же значение, какое рождение и смерть имели для четвертого послеатлантического периода времени... Так удивительно, парадоксальным образом, исходя из зла, человечество пятого послеатлантического периода ведется к обновлению Мистерии Голгофы. Через переживание зла совершается то, что Христос сможет появиться снова, подобно тому как Он прошел через смерть в четвертом послеатлантическом периоде».

Как можем мы понять эти поначалу столь необычно звучащие слова: «Так..., исходя из зла, человечество... ведется к обновлению Мистерии Голгофы»; и затем слова о том, что «через переживание зла совершится то, что Христос сможет появиться снова.»? — Ответ на этот вопрос мы можем найти в другой лекции Рудольфа Штайнера, прочитанной им пятью с половиной годами раньше. В ней он описывает, как, начиная в особенности с XVI столетия, в духовный мир через врата смерти все больше и больше вступали человеческие души, несущие в себе усвоенные ими на Земле чисто материалистические импульсы, действие которых в ближайшем к земному духовном мире было подобно все нарастающему солнечному затмению, кульминацией которого явилась вторая половина XIX века, — время, неоднократно характеризовавшееся Рудольфом Штайнером как высшая точка в развитии материализма во всем историческом развитии человечества. Так что ко времени последней трети XIX века в ближайшем к Земле духовном мире образовалась опоясывающая Землю плотная кольцеобразная область духовной тьмы, в результате которой возникла реальная опасность того, что темное время Кали-Юги, которое должно было окончиться в 1899 году, могло бы

искусственным образом продлиться на время светлой эпохи. Иными словами, должный излиться в человечество с начала XX столетия мощный поток новых духовных импульсов мог быть задержан описанным кольцом духовной тьмы вокруг Земли. В результате этого в человечестве не смогло бы в необходимый срок развиваться новое «Христово сознание» и связанные с ним новые ясновидческие способности.

Чтобы воспрепятствовать этому, в ближайшем к Земле духовном мире в последней трети XIX века произошло то мощное духовное событие, которое Рудольф Штайнер называет сверхчувственным «повторением Мистерии Голгофы» и которое спасло человечество от указанной опасности: «Семена земного материализма, которые, начиная с XVI столетия, во все большей степени вносились в духовный мир проходящими через врата смерти человеческими душами и вызывали в нем все увеличивающуюся тьму, образовали «черную сферу материализма». Эту черную сферу Христос принял в Свое Существо *в смысле манихейского принципа*, чтобы преобразить ее... эта жертва Христа в XIX столетии сравнима с жертвой, принесенной Им на физическом плане в Мистерии Голгофы и может быть обозначена как второе распятие Христа на эфирном плане... Уже два раза был распят Христос: первый раз физически, в физическом мире в начале нашего летоисчисления и второй раз — в XIX столетии духовно, описанным образом (в эфирном теле на астральном плане). Можно сказать, что в то время (на Повороте Времени) человечество пережило воскресение Его тела; начиная же с XX столетия, оно переживет воскресение Его сознания». «Так, начиная с XX столетия Христово сознание может соединиться с земным сознанием человечества.» И «жизнь Христа будет, начиная с XX столетия, все больше и больше ощущаться в душах людей как непосредственное, личное переживание»¹⁴².

Так, исходя из содеянного людьми зла и внесения его последствий в духовный мир, в результате описанного Христова деяния с начала XX столетия всему человечеству открывается путь к совершенно новому переживанию Его существа как единственного и незыблемого основания всей будущей земной эволюции.

Основная особенность нашей эпохи состоит в том, что силы зла должны вступить во внутренний мир людей, но не для того, чтобы принудить или соблазнить людей к совершению злых поступков, а для того, чтобы человек был бы в состоянии развить в себе истинную духовную жизнь: «Во Вселенной правят эти силы зла. Человек должен принять их в себя. В то время как он их принимает, он возвращает в себе зачатки того, чтобы вообще переживать спиритуальную жизнь душой сознательной»¹⁴³.

Однако вопрос о том, послужит ли такое с высшей точки зрения необходимое переживание принципа зла во внутреннем людей¹⁴⁴ к продвижению человечества или к его гибели, будет зависеть от их стремления развить в себе новое «Христово сознание», чтобы найти через него путь к ясновидческому переживанию Эфирного Христа. Возможность же такого развития дана в современной Духовной науке, являющейся тем спиритуальным языком, на котором в наше время человечество может сознательно обратиться к Эфирному Христу¹⁴⁵.

Таким образом, в повторной Мистерии Голгофы как в сверхчувственном источнике явления Христа в эфирном теле людям на ближайшие три тысячи лет, если только они будут искать это через современную Духовную науку, дан не только духовный ориентир, но конкретная духовная *сила*, с помощью которой принятое в себя зло может быть претворено в процесс пробуждения во внутреннем души совершенно новой способности восприятия «Духа, приходящего из космоса», чтобы в результате пронизания им всей современной культуры спиритуализировать ее. «Если бы человек не принял в себя эту склонность ко злу..., то он не пришел бы к тому, чтобы в своей собственной душе сознательной породить силы, ведущие ее к принятию в себя Духа, который отныне должен оплодотворять все остальное культурное развитие, если оно не хочет быть мертвым, — Духа, приходящего из космоса»¹⁴⁶.

Этот «Дух, приходящий из космоса» и есть Дух-носитель того нового откровения, которое ныне, по окончании Кали-Юги должно излиться в человечество, и сама возможность этого излияния была создана Христом благодаря полному преображению им «черной сферы материализма» вокруг Земли.

В приведенных выше словах Рудольфа Штайнера о повторной Мистерии Голгофы особое значение имеет указание на то, что она совершилась «в смысле манихейского принципа». Поэтому в ней мы имеем *высший праобраз* основной миссии манихейства в человечестве: не отвержение, не бегство от зла, а напротив, безостаточное «принятие его в себя», а затем его полное «преображение» в добро силами, проистекающими от нового ясновидческого переживания Христа.

Выше (глава V) нами уже была подробно раскрыта взаимосвязь, существующая между процессом прощения и новой способностью лицезрения Христа в эфирном теле. Теперь эта взаимосвязь должна быть нами рассмотрена с несколько иной точки зрения, а именно с точки зрения проблемы зла и его претворения в добро в истинных манихейских мистериях. Согласно Рудольфу Штайнеру сами эти мистерии в наше время еще не могут быть в полной мере

раскрыты человечеству. Поэтому о них на страницах настоящей работы может быть сказано лишь немного. Для нашей темы необходимо в особенности указать на один процесс, который можно назвать «моральным дыханием».

Чтобы лучше понять его сущность, рассмотрим обычное дыхание человека. Что происходит когда мы дышим? Сперва, во вдохе, мы принимаем в наш организм из окружающего мира насыщенный силами жизни кислород, затем, в выдохе, мы отдаем обратно углекислый газ, носитель убивающих все живое сил смерти. Так что во вполне реальном смысле можно сказать: человек ныне устроен так, что он постоянно вдыхает в себя жизнь, а выдыхает смерть. Противоположный процесс мы имеем в растениях. Поэтому в основной розенкрейцеровской медитации столь существенную роль играет именно противопоставление растения и человека¹⁴⁷.

Однако в будущем, которое начинается уже в нашу эпоху, человек в результате своего продвижения на пути внутреннего развития, который дается ему в современной науке Посвящения, сможет постепенно выработать в себе способность в полном сознании вдыхать в себя углекислый газ и выдыхать кислород. В самой начальной, пока еще едва заметной степени это происходит при интенсивной медитации. В шестую же культурную эпоху этот процесс одухотворения дыхания усилится настолько, что в определенной мере можно будет говорить о самом первом начале преодоления сил смерти в человеческом развитии¹⁴⁸.

Подобно этому человек сможет в будущем развить в себе еще и иную более внутреннюю способность, а именно способность «морального дыхания». Оно будет состоять в том, что человек сможет «вдыхать» в себя зло, а затем «выдыхать» добро, подобно тому как он в медитации ныне учится перерабатывать в себе углекислый газ обратно в кислород. Этот процесс внутреннего преобразования зла в добро через «моральное дыхание», пробраз которого мы имеем в «Повторной Мистерии Голгофы», будет развиваться в человечестве на протяжении всей шестой культурной эпохи, а в седьмую, в разгар «войны всех против всех», он положит начало постепенному преодолению зла, что в полном объеме явится затем задачей уже следующего шестого *большого* периода земного развития во время которого произойдет высший расцвет и наибольшее распространение на Земле манихейских мистерий.

Поэтому Рудольф Штайнер в лекции от 11 ноября 1904 года, посвященной манихейству, говорит о том, что это эзотерическое течение, основанное Мани в III христианском столетии, «было еще более важным духовным течением, чем течение розенкрейцеров». И

далее он продолжает: «Течением, выходящим за пределы розенкрейцерства, является течение Духа, которое хочет создать Мани; течение, которое идет дальше, чем течение розенкрейцеров. Это течение Мани простирается вплоть до шестой коренной расы, которая подготавливается со времени основания христианства»¹⁴⁹. Основную задачу этого течения Рудольф Штайнер в той же лекции формулирует так: «Шестая коренная раса (большой период) будет иметь своей задачей посредством кротости преобразить зло и в метаморфизированной форме включить его снова, насколько это возможно, в продолжающийся поток развития. Тогда возникнет духовное течение, которое не будет противодействовать злу, несмотря на то, что зло будет выступать в мире в своем демоническом образе», и это течение будет обладать сознанием того, «...что зло должно быть снова вовлечено в развитие, но что оно должно быть преодолено не борьбой, а кротостью. Интенсивное приготовление этого и является задачей манихейского духовного течения».

Конечно, когда в человечестве, начиная с седьмой культурной эпохи, мистерии манихейства постепенно начнут раскрываться в полной мере, описанный процесс «морального дыхания» будет носить *магический характер*. Рудольф Штайнер указывает на это, замечая, что для обращения к добру людей, которые тогда подпадут под действие сил зла и через это образуют так называемую «злую расу», представители «доброй расы» «научатся» для этого «использовать оккультные силы»¹⁵⁰.

Однако уже в наше время возможно подготовиться к этим будущим задачам «доброго человечества». Путем же к этому является терпимость и *прощение*. Особенно в последнем мы имеем реальные зачатки того процесса «морального дыхания», о котором говорилось выше. Ибо в каждом случае причиненного нам зла мы принимаем или, можно так сказать, духовно «вдыхаем» его в себя так, что его последствия продолжают действовать в нашей душе. В акте же истинного прощения мы сначала через преодоление себя преображаем эти последствия в добро, а затем посылаем это добро обратно в мир, как бы духовно «выдыхаем» его, чтобы даровать миру столько же добра и любви, сколько у него было отнято в результате злого поступка.

В своей лекции «О манихействе» Рудольф Штайнер особенно подчеркивает, что наиболее действенным моральным орудием, при помощи которого последователи Мани в будущем будут вести борьбу со злом в земной эволюции, станет кротость — то душевное качество, которое в немецком языке обозначается словом «Milde»¹⁵¹. Это слово не только по своему непосредственному смыслу, но также и по своим

этимологическим корням родственно слову «прощение» (Verzeihen). Уже в обыденной жизни мы естественным образом предполагаем у человека, к характеру которого мы можем применить определение «кроткий» (milde), как наиболее присущую ему особенность, именно повышенную способность к прощению. (При этом в истинно манихейском духе кротость ни в коем случае не является признаком душевной слабости, а мощнейшей силой, способной полностью преобразить эфирное тело человека, как это имело место, например, в случае с Биллом Коди.)

Этимологически немецкое слово «mild» (кроткий) происходит от древне-верхне-немецкого «milt», что значит «gütig, gnädig» (добрый, милостивый или благодостный), а в своих истоках восходит к древнеиндийскому «mardhati», что значит «vergessen, lassen im Stich» (забывать, оставлять одного). Иначе говоря, мы имеем здесь обусловленное гением самого немецкого языка развитие от «забвения» (Vergessen) к «добру» (Gut) и «милости» (Gnade) или «благодати»; а такое «благодатное забвение» (gnadevolles Vergessen) и наступает в человеческой душе в процессе «прощения» (Verzeihen). Это последнее слово происходит от слова «отказаться» (verzichten), что в свою очередь связано с добровольным отказом, а в более глубоком смысле и с добровольным забвением.

С другой стороны, слово «Milde» (кротость) родственно той основной добродетели, которую на пути своего Посвящения должен развить в себе Парсифаль¹⁵². Вольфрам фон Эшенбах называет ее словом «sælde», которое родственно готтскому «selei», что значит «Güte, Milde» (доброта, кротость), а также англосаксонскому «sælig», что значит «glücklich» (счастливый), «gut» (добрый), «selig» и «glücklichselig» (блаженный).

Развить в себе «sælde» (кротость, доброту; благодость) означает, следовательно, создать в своей душе условия, позволяющие Вселенскому Духу снизойти в наше Я как Самодуху, то есть тому Духу, которым пророческим образом Христос одаряет своих апостолов, посылая их в мир *прощать* людей во Имя Его, отпуская им их грехи¹⁵³.

В этом же смысле определяет слово «sælde» и Рудольф Штайнер, как «жизнь..., которую разливает над душой сознательной спиритуальное знание», и «только» благодаря которой «человеческое душевное развитие может действительно плодотворным образом перейти от пятой культурной эпохи к шестой»¹⁵⁴.

Таким образом, в словах «Milde» и «sælde» в их связи с принципом прощения мы имеем то направление развития, которое в будущем приведет к основанию в человечестве истинных манихейских мистерий.

В V главе нами был описан путь, являющийся своего рода особой метаморфозой семичленного розенкрейцеровского пути. Как его основные ступени были названы: терпимость, прощение, принятие на себя кармы отдельных людей или целого сообщества, участие в несении кармы всего человечества, и, наконец, постепенное искупление противоборствующих существ. Теперь, после всего сказанного в настоящей главе, этот путь может быть по праву обозначен и как *манихейский*, хотя мы не должны непосредственно отождествлять его с грядущими лишь в отдаленном будущем манихейскими мистериями, которые будут носить уже магический характер. Тем не менее указанный путь ведет к ним и уже сегодня подготавливает их грядущее раскрытие в человечестве.

И если в V главе было показано, что путь, названный нами здесь манихейским, является одновременно «мыслительным путем к Христу», то подобным же образом современный христианско-розенкрейцеровский путь может быть обозначен, как «волевой путь к Христу». А его началом и основанием — по словам Рудольфа Штайнера — является сознательно развиваемый в себе человеком *новый идеализм*¹⁵⁵, без которого, в сущности, невозможно правильное прохождение первой ступени розенкрейцеровского пути, ступени *изучения* сообщений Духовной науки, проистекающих из непосредственных исследований сверхчувственного мира.

Оба пути — розенкрейцеровский и манихейский — по своей внутренней природе очень близки друг другу. Их можно сравнить с двумя восходящими змеями вокруг жезла Меркурия (Кадуцея). В сущности, все основные элементы одного могут быть найдены в другом и наоборот. Их различие заключается более в разных внутренних акцентах, а также в их исходной точке.

Христианско-розенкрейцеровский путь с самых первых шагов стремится *внести импульс воли в импульс познания*: изучение, имажинативная, инспиративная, интуитивная ступени познания и др. Манихейский же путь начинается с терпимости, а это значит с *внесения мышления* (понимания) в темную сначала для обычного сознания *область воли*, что позволяет через *осознание* волевых импульсов сразу начать с созидания «внешней формы общества», «исполненной жизни внешней формы»¹⁵⁶, в которой в будущем смогут быть восприняты все те новые и все более высокие откровения Христа, о которых уже говорилось в настоящей работе. В связи с этим Рудольф Штайнер отмечает: «Это — то, к чему стремится манихейство. Оно меньше заботится о внутренней жизни (в смысле познания) — эта жизнь будет также иным образом течь в нем далее — но больше об исполненных жизнью внешних формах». Те же силы души, на

основе которых должна быть однажды построена эта «жизненная форма» как социальное целое, суть уже подробно охарактеризованные нами терпимость, прощение, стремление взять на себя карму других и т.д.

В особенности на примере описанного выше «морального дыхания» можно проследить внутреннюю связь и одновременно все различие исходных точек обоих духовных путей. Как было показано, процесс преобразования зла в добро через «моральное дыхание» имеет свой праобраз в «повторной Мистерии Голгофы», во время которой Христос в ближайшем к Земле духовном мире «вдохнул» в Свое Существо всю тьму материалистических мыслей прошедших через врата смерти материалистически настроенных душ XIX столетия, а «выдохнул» духовный Свет, пробуждающий в людях новое Христово сознание, способное мыслить духовно, а при дальнейшем развитии ведущее человека к сознательному переживанию Эфирного Христа¹⁵⁷.

Нечто подобное, но пока еще лишь в самой начальной форме, происходит и благодаря занятиям антропософией. Ведь рождаясь и живя в современной материалистической цивилизации, человек, хочет он того или нет, постоянно обречен на «вдыхание» в свою душу непрестанно порождаемых ею материалистических мыслей, представлений, чувств и волевых побуждений. И если при этом не происходит ничего иного, то тогда материалистическое содержание современной цивилизации действует в душе как постепенно разъедающая ее ядовитая субстанция.

Напротив, через антропософию возможно противопоставить этому разрушительному процессу активное стремление души повсюду в материальном искать Дух. Причем сначала это происходит на уровне мыслей, через принятие в душу результатов антропософского духовного исследования. В результате этого, по-прежнему постоянно «вдыхая» материалистические представления современной цивилизации, человек все больше и больше учится «выдыхать» обратно в эту цивилизацию спиритуальные мысли современной Духовной науки, постепенно углубляя и расширяя этот процесс вплоть до сферы чувства и, наконец, до конкретных действий, проявляющихся тогда в обновлении из импульса Духа практически всех областей человеческой жизни и практики: искусства, науки (гетеанизм), педагогики, сельского хозяйства, медицины, банковского дела, социального устройства и т.д. Ибо, стремясь через антропософию сначала последовательно *мыслить* Дух во всех разветвлениях современной материалистической цивилизации, а затем осуществлять в ее среде его преобразующие импульсы, человек фактически уже действует в сверхчувственном потоке сил, исходящих от Эфирной Мистерии

Голгофы. Недаром Рудольф Штайнер в этой связи характеризовал антропософию как тот спиритуальный «язык», на котором современное человечество может непосредственно обратиться к Эфирному Христу¹⁵⁸.

Особенно значительный пример охарактеризованного процесса «дыхания» *в области познания* можно найти в жизни самого Рудольфа Штайнера, когда он, полностью приняв в себя крайне материалистическую «Антропологию» Эрнста Геккеля и преобразовав ее внутренне средствами современного христианско-розенкрейцеровского Посвящения, вынес ее в духовный мир навстречу Богам, навстречу самому Михаэлю, а затем получил ее от них обратно как глубоко спиритуальное содержание своей книги «Очерк Тайноведения». Он сам описывает этот процесс в следующих словах: «Изучите сегодня... геккелизм со всем его материализмом, изучите его, а затем попытайтесь пронизать себя тем, что как методы высшего познания изложены в (книге) «Как достигнуть познаний высших миров?»..., изучите все то ..., что можно узнать из внешней науки, а затем вынесете это навстречу Богам, и Вы получите то, что сказано в моей книге «Тайноведение» об эволюции»¹⁵⁹.

Читая эти слова, необходимо отдать себе полный отчет в том, что сам этот процесс — в его современной форме — был бы совершенно невозможен без повторной Мистерии Голгофы. И в этом смысле Рудольф Штайнер, осуществляя этот процесс *в полностью бодрственном сознании*, действовал всецело из ее сил*.

Здесь розенкрейцеровский путь непосредственно пересекается с манихейским путем. Основное различие состоит лишь в том, что последний, как мы видели, имеет *область своего применения* не в элементе познания, а в элементе воли, которая направляется тогда на конкретное преображение зла в добро прежде всего в *моральной области*, а это значит, что также и этот путь — в его современной форме — коренится в повторной Мистерии Голгофы.

Правда, *полностью сознательное* прохождение этого пути становится возможным лишь начиная с нашего времени, и тем не менее, качества кротости, терпимости, жертвенности и способности к прощению как исходные для истинного манихейского Посвящения были изначально свойственны всем духовным течениям, которые в той или иной степени находились под его влиянием, таким, как

* Правда, в духовных школах Розенкрейцеров подобные попытки уже неоднократно предпринимались в Новое время. Однако до повторной Мистерии Голгофы их осуществление было возможно — даже для такого высокого посвященного, как Христиан Розенкрейц — лишь при пониженном состоянии сознания (см. Библ. 233а, 13.01.1924).

например, течения альбигойцев, вальденцев, катаров, болгарских¹ богомилов и других. Их главным стремлением было не столько стремление к познанию, сколько создание общин и других социальных форм, в которых могли бы найти свое полное осуществление все изначальные евангельские заповеди и, прежде всего, те из них, которые, по их мнению, были более всего проникнуты истинно¹ манихейским духом. К последним они, в особенности, причисляли евангельские слова о «непротивлении злу (насилием)», о «воздаянии за зло добром», о «любви к врагам» и конечно же все слова Христа о «прощении»¹⁶⁰.

Тем более жестоким оказалось их преследование со стороны официальной римско-католической церкви. Его истоки можно обнаружить уже в противостоянии отца церкви Августина и манихейского епископа Фаустуса. Рудольф Штайнер говорит в связи с этим: «Здесь друг другу противостоят два полюса: Фаустус и Августинус. Августинус, который опирается на церковь, на присущую его эпохе форму, и Фаустус, который хочет, ориентируясь на человека, подготовить содержание для формы будущей эпохи. Это — противоположность, которая развивается в III и IV столетиях. Она сохраняется и находит свое выражение в борьбе католической церкви против тамплиеров, розенкрейцеров, альбигойцев, катаров и так далее»¹⁶¹.

Подвергая указанные течения жесточайшим преследованиям, которые в большинстве случаев оканчивались их полным физическим уничтожением, римско-католическая церковь проявила при этом с особой силой черты диаметрально противоположные не только вышеперечисленным, но и самому духу христианства. Здесь достаточно привести лишь один наиболее известный пример.

После объявления папой Иннокентием III в 1209 году «крестового похода» против «альбигойской ереси», уже в том же году католическое войско, сопровождаемое папским легатом, аббатом Арно Амальриком (Arnaud Amalric), подошло к городу Безье (Beziers), расположенному на юге Франции, чтобы уничтожить в нем всех «еретиков». Перед самым захватом города, в котором лишь часть населения принадлежала к альбигойцам, а другая придерживалась ортодоксального католицизма, папскому легату был задан вопрос, как отличить в нем католиков от «еретиков», на что он ответил: «Tuez-les tous, Dieu reconnaîtra les siens» («Убивайте всех, Бог распознает своих»), после чего последовала чудовищная бойня, в результате которой практически все жители города были уничтожены, а сам город разрушен и сожжен дотла. Только в одной церкви Св. Магдалины, в которой искали защиты многие его жители, было в тот

день убито около семи тысяч человек, среди них множество детей, женщин и стариков¹⁶².

И все же даже физическое уничтожение катаров и альбигойцев в XIII и тамплиеров в XIV столетиях так и не смогло полностью искоренить стоявший за ними манихейский духовный импульс: «они все были уничтожены на физическом плане, но их внутренняя жизнь действовала дальше»¹⁶³. Только теперь действие этой «внутренней жизни» стало более эзотерическим. А главным плодом созданного еще в IV столетии самим Мани высокого консилиума ведущих христианских Посвященных Запада явилось основание вскоре после 1250 года в полной тайне от внешнего мира розенкрейцеровского течения, вобравшего в себя многое из манихейской мудрости, а также из мудрости возникших в VIII-IX столетиях мистерий Грааля¹⁶⁴.

Конкретно духовная взаимосвязь и внутренняя преемственность этих трех основных течений эзотерического христианства была осуществлена благодаря тому, что сама высокая индивидуальность Мани не только лично участвовала в дальнейшем развитии мистерий Грааля в IX столетии, но затем в течение столетий являлась одним из ведущих мастеров в розенкрейцеровских мистериях¹⁶⁵.

Отсюда становится понятным, каким образом перешло многое из манихейского тайного знания также и в Духовную науку, или антропософию, представляющую собой современную форму христианского эзотеризма, как он изначально существовал в мистериях Грааля, продолжателем которых на пороге нового времени стало течение розенкрейцеров.

И тем не менее, непосредственно о самих манихейских *мистериях*, так же как и о ведущем к ним пути Посвящения Рудольф Штайнер в своих многочисленных лекциях говорит исключительно мало. В сущности, по той же причине, по которой он так мало говорит и о прощении, — потому что даже самые начальные ступени этого духовного пути исключительно трудны для современного человека. Он сам указывает на это в 8-й лекции цикла об «Апокалипсисе»: «Если даже в современности этот принцип Манеса и должен был сильно отступить на задний план, потому что (в мире) существует слишком мало понимания для спиритуализма, тем не менее, этот прекрасный принцип манихейства будет находить все большее число учеников, по мере того как мы будем приближаться к пониманию спиритуальной жизни»¹⁶⁶.

Эти слова основателя антропософии позволяют почувствовать, насколько к концу нашего столетия именно манихейский путь, по крайней мере в его самых начальных ступенях, становится все более жизненно необходимым для самого Антропософского общества,

поскольку оно имеет своей центральной задачей не только «идти навстречу пониманию спиритуальной жизни», но реально развивать ее в современной цивилизации. Поэтому при переходе всего человечества в третье христианское тысячелетие от членов Антропософского общества будет требоваться необходимое на этом пути развитие совершенно определенных внутренних качеств, если Антропософское общество действительно хочет исполнить поставленные перед ним его основателем высокие спиритуальные задачи.

В наше время — и эта тенденция будет лишь возрастать в ближайшем будущем — импульсы зла во всей земной эволюции стали настолько мощными, что человечеству, чтобы справиться с ними, необходимо обрести такие внутренние силы, которые далеко выходят за пределы того, что обычно называется добрым или нравственным. В этой связи человечество особенно нуждается в скорейшем овладении тем духовным процессом, который выше был обозначен как «моральное дыхание», началом которого является прощение.

Вся актуальность темы прощения именно для нашего времени следует прежде всего из уже описанной нами ее связи с новым явлением Христа в эфирном теле. Так что в определенной мере можно сказать: если до нашего времени лишь немногие удостоились действительного ясновидческого переживания Эфирного Христа, то это не в последнюю очередь связано именно с тем, что силы прощения, а значит и стоящий за ними манихейский импульс ныне еще слишком слабо развиты в человечестве. И наоборот, если как раз в прощении мы имеем столь важное условие для действительного лицезрения Эфирного Христа, который начиная с нашего времени (и далее в течение ближайших трех тысячелетий) постепенно становится также Владыкой кармы¹⁶⁷, то из этого следует, что именно антропософы, которым даны в руки ключи высшего знания, а вместе с ними и возможность *сознательной* работы на поле кармы, должны с особой силой стремиться развивать в своей среде прежде всего эти три качества: терпимость, прощение, принятие на себя и несение кармы другого человека. Ибо только через наличие этих трех истинно манихейских способностей и основанной на них «моральной субстанции» Антропософское общество сможет получить внутреннее право повести за собой все человечество к решению важнейших проблем современной эпохи: проблемы Я, социальной проблемы и проблемы зла.

VIII

МАНИХЕЙСКИЙ ИМПУЛЬС В ЖИЗНИ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА

Уже при беглом знакомстве с описанием юности Рудольфа Штайнера в его автобиографии «Мой жизненный путь» бросается в глаза обилие и разнообразие его знакомств и многочисленность его дружеских связей. В то время Рудольф Штайнер появляется в самых разных кругах, участники которых часто не имеют друг с другом ничего общего.

Посмотрим, например, на его жизнь в Вене конца 80-х годов. Там он общается и дружит с исследователем творчества Гете Карлом Юлиусом Шрёером, посещает дом талантливой поэтессы Марии Евгении делла Грации, вокруг которой регулярно собираются профессора католического богословия. Позднее, также в Вене, он знакомится с небольшим кружком людей, интересующихся теософией и группирующихся вокруг Марии Ланг, а через нее — с Розой Майредер, в окружении которой царит атмосфера свободомыслия и настойчивых поисков истинного места и значения женщины в жизни общества... И одновременно с этим — переписка, а затем личное знакомство с философом бессознательного — Эдуардом фон Гартманом.

Еще более расширяется круг знакомств Рудольфа Штайнера после его переезда в Веймар. Здесь особенное значение приобретают для него знакомства с естествоиспытателем Эрнстом Геккелем, философом Ницше, литературоведом Германом Гриммом и убежденным анархистом Генри Макаем. Такие яркие, но по своим внутренним убеждениям совершенно несовместимые люди! И наконец, внешний круг его знакомств достигает своего апогея в Берлине, куда он переезжает в 1897 году как редактор двух журналов и член двух обществ: «свободного литературного» и «драматического». Теперь круг его знакомств охватывает почти весь спектр тогдашней духовной жизни Германии — от представителя крайнего индивидуализма Макса Штирнера и до непосред-

редственных контактов с берлинским рабочим классом (с 1899 по 1904 год Рудольф Штайнер преподает ряд предметов в рабочей школе Либкнехта).

Какова же была внутренняя установка самого Рудольфа Штайнера, позволявшая ему чувствовать себя «как дома»¹⁶⁸ среди столь различных людей, среди часто совершенно несовместимых направлений мысли и духовных течений? Он сам дает ответ на этот вопрос: «Но я никогда не имел склонности лишать моего восхищения и моего интереса то, что мне казалось великим, даже тогда, когда по своему содержанию оно было мне совершенно чуждо. Да, я говорил себе: такие противоположности в мире должны где-то приходить в гармонию. И это позволяло мне воспринимать с полным пониманием также и совершенно чуждое мне, следовать ему таким образом, как если бы это было созвучно с моим собственным душевным строем».

Такое исполненное внутреннего понимания вживание в самые чуждые ему мировоззрения, от католического до марксистского, от геккелевского до анархистского, было с юности не только свойственно Рудольфу Штайнеру, но и последовательно и сознательно воспитывалось им в себе по мере его собственного продвижения во внутреннем развитии, которое было следствием его все более глубокого вживания в духовный мир: «Ибо по-настоящему моей родиной я ощущал один только созерцавшийся мною духовный мир и «как дома» мог чувствовать себя в *каждом** другом человеке». Именно благодаря этой своей изначальной укорененности в духовном мире, Рудольф Штайнер постоянно мог переживать мировоззрения других людей как своего рода изображения одного и того же предмета, сделанные лишь с разных сторон, с различных исходных точек зрения. Сама же *сущность* предмета при этом переживалась им непосредственно в сверхчувственном созерцании, открывавшем ему *относительную* правомерность даже самых чуждых ему воззрений: «Но тот, кто имеет перед собой мир *созерцания*, каким он *должен* быть, как духовный мир, тот *видит* правомерность самых различных точек зрения». Поэтому, пройдя сам лично через этот опыт, Рудольф Штайнер позднее, уже в своих антропософских лекциях мог с правом говорить о двенадцати различных точках зрения, с которых должен рассматриваться каждый объект мира¹⁶⁹, если о нем надо вынести действительно всестороннее объективное суждение.

Из этой основной установки следовало и все отношение Рудольфа Штайнера не только к отдельным встречавшимся ему мировоззрениям, но и к *самим людям*, которые их придерживались: «Моим даром

* Во всех цитатах из книги «Мой жизненный путь» — курсив Рудольфа Штайнера.

наблюдения я пользовался таким образом, чтобы принимать совершенно объективно, чисто созерцательно то, что изживалось в человеке. Я остерегался критиковать то, что делали люди, или проявлять симпатию и антипатию в моем отношении к ним: я хотел просто дать возможность действовать на себя человеку таким, каков он есть»¹⁷⁰. Содержащееся в этих словах отношение молодого Рудольфа Штайнера практически ко *всем* людям, которые ему встречались, можно с полным правом охарактеризовать как прямой результат развития им в себе в высшей степени качества *терпимости*, причем терпимости не только в общем моральном смысле, но также и в конкретном, оккультном. Ибо по словам Рудольфа Штайнера он сам «в скором времени обнаружил, что такое наблюдение мира поистине ведет в духовный мир». Позднее он сам обозначил этот путь, как «мыслительный путь» к Христу.

Однако как раз вследствие того, что Рудольф Штайнер уже с детства обладал даром ясновидения и благодаря этому жил в ближайшем к Земле духовном мире интенсивнее, чем в окружающем его физическом¹⁷¹, ему было необходимо усвоить себе еще одно, гораздо более трудное и высокое душевное качество, а именно то, рассмотрению которого и посвящена настоящая работа — способность к *прощению*. Начало сознательного формирования этого качества мы можем отнести приблизительно к периоду жизни Рудольфа Штайнера от 18 до 21 года (1879—1882), когда его способность ясновидчески проникать в духовный мир достигла той ступени, которую можно обозначить как первое сознательное переживание Высшего Я, или «духовной индивидуальности, жизнь которой простирается за границы рождения и смерти, как в себе самом, так и в других людях»¹⁷². Сам Рудольф Штайнер сообщает об этом в автобиографии в таких словах: «Но я ведь созерцал духовный мир *как действительность*. Со всей наглядностью открывалась мне в каждом человеке его духовная индивидуальность. В физической телесности и в деяниях в физическом мире она имела лишь свое откровение. Она соединялась с тем, что как физический зародыш происходило от родителей. Я прослеживал умершего человека дальше на его пути в духовный мир»¹⁷³.

Но когда однажды Рудольф Штайнер попробовал написать об этом одному из своих бывших учителей в Реальной школе, тот в своем ответе обошел эту тему полным молчанием. «И так, — продолжает Рудольф Штайнер, — обстояло тогда повсюду с моими воззрениями на духовный мир. О них не желали ничего слышать».

Подобным же образом дело обстояло и в последующие годы: «В то время (середина 80-х годов) я не находил никого, с кем бы я мог заговорить об этих созерцаниях». Отсюда проистекало то глубокое

внутреннее одиночество, на которое Рудольф Штайнер был обречен с самого раннего детства и которое по его собственному выражению «лежало грузом» на его душе: «Я должен был со всем тем, что было связано с моими созерцаниями духовного, справляться совершенно один. Я жил в духовном мире, но никто из круга моих знакомых не следовал за мною туда. Мое общение состояло из экскурсий в миры других».

К тому страданию, которое причиняло Рудольфу Штайнеру его духовное одиночество, необходимо присоединить следующее обстоятельство: все более вживаясь в сверхчувственных мирах в существо своего Высшего Я, он каждый раз, возвращаясь обратно в физический мир, должен был иметь дело почти исключительно с людьми, сознание которых действовало лишь в плоскости обыденного, каждодневного я и, естественно, ничего не желало ни знать, ни слышать о существовании и опытах Высшего Я. Иначе говоря, внутренне Рудольф Штайнер должен был при каждом «возвращении» из духовного мира и вхождении в земной мир реально переживать всю ту поляризацию и разрыв между Высшим и низшим Я, о котором подробно говорилось в IV главе. И тот мучительный диссонанс, то непереносимое противоречие, которое каждый раз возникало здесь для Рудольфа Штайнера и снова обрекало его не только на полное одиночество, но и на сильнейшее внутреннее страдание, подобное физическому «бичеванию», охватывавшее его при каждом соприкосновении со сферой низшего Я окружающих его людей, это противоречие могло быть преодолено им только через постоянное *прощение* всего того непонимания, которое несло ему навстречу его окружение.

«Таково было мое «одиночество» тогда в Веймаре, где я находился в столь широком светском общении с людьми. Но я не считал других виновными в том, что они таким образом осуждали меня на одиночество». В этих словах из автобиографии Рудольфа Штайнера именно последнее предложение и есть, в сущности, непосредственное указание на постоянный процесс прощения, который он должен был постоянно совершать, начиная уже с самой ранней юности. Ибо без этой высшей способности к прощению жизнь посвященного в среде современного, по большей части материалистически настроенного человечества была бы просто невозможна. В III главе, на примере Христиана Розенкрейца и его отношения к человечеству эта проблема уже была нами рассмотрена более подробно.

Наконец, можно найти в жизни Рудольфа Штайнера, еще до его выступления как духовного учителя, также целый ряд поступков, со-

ответствующих *третьей* ступени описываемого нами пути: соучастие в карме другого человека, в отдельных случаях доходящее до принятия на себя — хотя бы до некоторой степени — чужой кармы.

Здесь должно быть приведено несколько примеров. Первые два связаны с именами, уже упоминавшимися в этой главе: Ницше и Геккель. В их лице Рудольф Штайнер приблизился к двум важнейшим представителям современного мировоззрения. Первого он посетил в Наумбурге во время его последней болезни, со вторым познакомился в Йене, по случаю празднования его 60-летия. Самым главным было то, что он пережил обоих в их духовной сущности. И если, с одной стороны, крайний материализм Геккеля и воинствующее антихристианство позднего Ницше были глубочайшим образом чужды его собственному мировоззрению, всецело коренившемуся в духовном созерцании, то с другой — непосредственное переживание действующих *через* них, хотя и в крайне односторонней форме, важнейших импульсов эпохи позволило ему не только воспринять эти импульсы внешне, но в оккультном смысле соединиться с ними вплоть до их кармических подоснов, чтобы через это получить возможность преобразить их изнутри и тем самым воздвигнуть прочный, покоящийся на достоверном основании мост, ведущий от науки о природе к науке о Духе.

Так, в обоих примерах с Ницше и Геккелем Рудольф Штайнер принял решение сознательно соединиться с их кармой, чтобы получить через это возможность снова обратить оба эти направления к Духу¹⁷⁴. Ибо через реальное сопереживание их судьбы и мировоззрения он мог воочию познать как всю глубину бездны, перед которой на исходе темного времени Кали-Юги оказалось человечество, так и всю необходимость ее преодоления на пути к новой светлой эпохе.

Его книги «Фридрих Ницше — борец против своего времени» (1895) и «Геккель и его оппоненты» (1900) явились плодом этого переживания. В обеих работах Рудольф Штайнер указывает на основополагающее для будущего значение того, что потенциально живет в их мировоззрениях, а потому не должно было быть утрачено для дальнейшего развития человечества. Однако для самого Рудольфа Штайнера такое соучастие в их карме сделало его на долгие годы, особенно в глазах его многочисленных врагов и недоброжелателей, материалистом-геккельянцем для одних и нигилистом-ницшеанцем — для других. И несмотря на это, Рудольф Штайнер вплоть до конца своей жизни, а значит фактически на протяжении всей своей деятельности как оккультного учителя продолжал нести эту карму, стараясь просветить и одухотворить ее через развиваемую им *Духовную науку*¹⁷⁵.

Дальнейшим и, быть может, самым наглядным примером является совершенно особое, уходящее в далекое кармическое прошлое пере-

плетение судеб Рудольфа Штайнера и его учителя Карла Юлиуса Шрёера. В результате их встречи и возникших из нее дружеских отношений Рудольфу Штайнеру открылось со всей ясностью, что задача полного возрождения и представления широкой публике конца XIX века всех естествонаучных сочинений Гете была центральной и кармически обусловленной задачей именно Шрёера. Более того, решение этой задачи, которая потребовала бы от него соединения всей полноты несомного им в своей душе спиритуального платонизма с интеллектуальностью современного научного мышления в его наиболее одухотворенной форме, как это имело место у Гете, могло бы послужить основанием для всего будущего здания антропософии¹⁷⁶.

Этого, однако, не произошло. Шрёер так и не смог найти, несмотря на весь свой интерес и любовь к Гете, доступа к его естественно-научным трудам. И тогда Рудольф Штайнер принял решение выполнить эту задачу за Шрёера, взяв таким образом на себя часть его кармы и тем самым сознательно отодвинув исполнение своей собственной миссии на долгие годы. «Я решился тогда взять на себя судьбу Шрёера и нести ее как свою собственную, отказавшись от следования моему пути, связанному с моей собственной судьбой»¹⁷⁷, — поведал Рудольф Штайнер в связи с этим Вальтеру И. Штайну в апреле 1922 года в Гааге.

Также и в отношениях Рудольфа Штайнера к поэтам Роберту Гаммерлингу и Людвигу Якобовскому, а позднее к их литературному наследию можно ощутить элементы внутреннего соучастия в их карме. Этот же мотив выступает и в частной жизни Рудольфа Штайнера, особенно в его решении взять на себя воспитание детей в семье Шпехт в Вене и в семье Ойнике в Веймаре.

В еще большей степени развитие всех трех качеств потребовалось от Рудольфа Штайнера после его присоединения к Теософскому обществу, последовавшего в результате предложения со стороны последнего возглавить его немецкую секцию.

Достаточно лишь однажды со всей ясностью представить себе весь контраст между Рудольфом Штайнером — автором «Философии свободы» с ее горным воздухом, насыщенным свободной и чистой духовностью, пронизанным высшей спиритуальной активностью, — и пассивной, мечтательно-мистической атмосферой, царившей в тогдашнем Теософском обществе. Это тяжелое, временами просто отталкивающее настроение с первого раза остро ощутил Фридрих Риттельмайер, а затем описал его в своих воспоминаниях о Рудольфе Штайнере: «Когда я вошел в зал, меня поразило его настроение. Людей я переживал, по большей части, как мне чужих. Определенный тип пассивной, са-

моуслаждающейся духовности доставлял мне большие трудности. Особенно когда я увидел мужчин с длинными волосами, мне захотелось убежать. Позднее все это существенно изменилось к лучшему, когда была удалена «теософическая» скорлупа, а Рудольф Штайнер стал все больше и больше привлекать к себе научно мыслящих людей. Он сам безусловно страдал от многого в те ранние годы.»¹⁷⁸

Поистине, от Рудольфа Штайнера требовалась величайшая *терпимость*, чтобы жить и работать в таком окружении. На это он указал еще в начале своей деятельности в рамках Теософского общества: «Более всего я хочу быть совершенно *позитивным* в моей деятельности... быть позитивным *во всем*»¹⁷⁹. Истинная же позитивность предполагает полную терпимость ко всем человеческим проявлениям в своем окружении.

Еще большая трудность, однако, заключалась в том, что все Теософское общество, еще со времен его основательницы Е.П. Блаватской, было всецело сориентировано лишь на восточно-индийскую мудрость в соединении с высокомерно-пренебрежительным отношением к христианству как к позднейшей, а потому низшей ступени в духовной эволюции человечества. Все это было, естественно, в корне чуждо Рудольфу Штайнеру. И тем не менее, он с полной ответственностью принял решение соединить свое Движение с Теософским обществом. Причина этого заключалась в том, что его основание в 1875 году первоначально носило «западный» характер, а целый ряд истин в первом большом произведении Блаватской «Изида без покровов», несмотря на многие ошибки и хаотичность изложения, был «инспирирован... великими Посвященными Запада, являющимися также инициаторами розенкрейцеровской мудрости»¹⁸⁰.

Основная задача Рудольфа Штайнера в этой связи состояла в том, чтобы попытаться возвратить теософское движение, подпавшее в дальнейшем под одностороннее влияние и групповые интересы восточных оккультистов, а еще позднее сделавшееся местом разного рода спиритических экспериментов, к его духовным первоисточникам, а значит и к его общечеловеческой миссии. И большинство самых ранних циклов лекций Рудольфа Штайнера свидетельствует об этом.

Тем не менее можно лишь догадываться, сколько внутренних страданий причиняло Рудольфу Штайнеру его работа и связь с Теософским обществом. Позднее он сам обозначил этот «теософский» период своей деятельности как «мученический»¹⁸¹. Но однажды сказав «да», Рудольф Штайнер и в дальнейшем не собирался по своей воле выйти из Теософского общества, считая своим долгом и далее работать в нем, все снова и снова предпринимая усилия для направления его развития в правильное русло. И лишь все усиливающиеся нападки, а

затем развязанная Анни Безант откровенная кампания клеветы в ответ на его принципиальную позицию в афере с индийским мальчиком Алсионом (Кришнамурти)¹⁸², завершившаяся официальным исключением Рудольфа Штайнера и его сторонников из Теософского общества, сделала для него дальнейшее пребывание и работу в нем совершенно невозможной. Так, остается фактом, что не он сам, а руководство общества разорвало связь¹⁸³.

И все же последствия этого соучастия в несении кармы Теософского общества Антропософскому движению приходится нести и по сей день. Ибо, несмотря на то, что и в рамках Теософского общества Рудольф Штайнер неизменно и с самого начала работал лишь в антропософском направлении, тем не менее вплоть до нашего времени многие стоящие в стороне люди, причем не только враги, продолжают упорно смешивать представленное в антропософии центральное течение эзотерического христианства с восточно-ориентированной теософией Блаватской и Безант и, в результате этого, все снова причислять антропософию к «нехристианским» течениям нашего времени. Таково последствие соучастия Рудольфа Штайнера в тяжелой карме Теософского общества, так и не принявшего, более того — отвергнувшего единственный спасительный для него импульс.

Удивительной, однако, остается проявленная Рудольфом Штайнером именно в период его открытого обращения к теософии необыкновенная способность к прощению. Ибо, завоевав себе к началу столетия имя и известность как гетеанист, философ, писатель, журналист и литературный критик, он, перейдя в стан теософов, должен был фактически отказаться от всего своего прошлого, включая почти все свои человеческие связи и знакомства. Ибо подавляющее большинство его прежних друзей и знакомых не только не захотело последовать за ним, но не пожелало отныне даже поддерживать с ним старых дружеских отношений, боясь в большинстве случаев «скомпрометировать» себя связями с «теософом», «оккультистом», «ясновидящим» или просто вообще не понимая совершенного им шага.

Так, например, вернувшийся из длительной поездки и узнавший об этом Эрнст Геккель просто написал на корреспонденции с Рудольфом Штайнером: «тем временем стал теософом» — и прекратил с ним всякие отношения. И многие из его прежних друзей поступили подобным же образом. Тем не менее, несмотря на пережитую им внутреннюю боль, Рудольф Штайнер *простил* всем, кто таким образом отвернулся от него. Более того, позднее он простил даже всех тех, кто преследовал и клеветал на него уже внутри самого Теософского общества, распространяя в нем и за его пределами заведомо ложные слухи о том, что он якобы был «учеником иезуитов» или «немецким

шпионом». Напротив, чтобы убедиться в его способности к прощению достаточно прочесть в Автобиографии характеристику, которую он дает Анни Безант, подчеркивая ее определенные достоинства и явные духовные способности и совсем не упоминая о причиненных ему страданиях.

Проявления терпимости и прощения во все нарастающей степени можно найти повсюду и далее в жизни Рудольфа Штайнера. В главе III уже был приведен целый ряд таких примеров: прощение антропософам провала движения за трехчленность социального организма и неудачи с обоими курсами «высшей школы» (1920/21 гг.), прощение так называемой «Штутгартской системы» и в особенности постоянное прощение того пренебрежительного отношения к нему самому, когда у него все снова просили советов, а потом им не следовали, вызывая этим нарастающие трудности и в Антропософском обществе и в его отношении ко внешнему миру. И, несмотря на это, всюду, «где слабые люди совершали ошибки, он должен был все снова и снова исправлять их»¹⁸⁴.

Однако именно доходящее временами до внутренней «оппозиции» отношение к Рудольфу Штайнеру со стороны самих членов Антропософского общества приводило его иногда просто в отчаяние. Так, по свидетельству Фреда Пеппига, на одном собрании в Гласхаузе в 1923 году Рудольф Штайнер «с бесконечно грустным взглядом несколько раз повторил слова: «Тогда я лишь пустое место (*quantité négligeable*)...», — после чего он покинул помещение»¹⁸⁵. А в иных случаях, также засвидетельствованных его учениками, он высказывался об отношении к себе некоторых антропософов еще резче.

И тем не менее, несмотря на всю причиняемую ему боль и разочарования, он по-прежнему терпел все и прощал всех.

К сказанному надо добавить еще постоянное и с годами все усиливавшееся ощущение той внутренней пропасти, которая, несмотря на все старания Рудольфа Штайнера, неизменно продолжала существовать между тем, что он сам во время лекций приносил как новую мудрость и высшие познания непосредственно из духовных миров, — из областей, расположенных по ту сторону Порога, все снова и снова восходя в них своим Высшим Я, — и по большей части еще слишком обыденным и земным сознанием его слушателей. Особенно сильно это проявлялось по окончании лекций. «Чувствовался, — вспоминает об этом Ф. Риттельмайер, — трагизм одиночества великого человека, которому не могли помочь. Рудольф Штайнер, однако, никогда не давал заметить в себе ни малейшего разочарования и переносил это бремя с великодушным терпением»¹⁸⁶. Еще сильнее эта поляризация выступала в тех бесчисленных случаях, когда в своих неустанных усилиях

помочь тому или иному человеку Рудольф Штайнер снова оказывался в ситуации, когда «он обращался к лучшему в другом (человеке), а ему отвечало худшее». В этой формулировке Ф.Риттельмайера содержится указание на вызванную самой жизнью проблему противостояния и поляризации Высшего и низшего Я, о которой уже говорилось подробно, и разрешимую только через постоянно осуществляемый внутренний процесс прощения.

И, наконец, никак нельзя забывать о тех страданиях, которые на протяжении всей жизни, особенно в самый последний ее период, Рудольфу Штайнеру доставляли бесконечные нападки, клевета и издевательства многочисленных внешних врагов: религиозных фанатиков, догматиков от науки и многих, многих других. Ф.Риттельмайер пишет в связи с этим следующее: «Очевидно, он гораздо тяжелее, чем мы думали, страдал от того, что антропософы не защищали его должным образом. Враги погребали его под грудой насмешек и издевательства, а антропософы слишком спокойно давали этому совершаться и наслаждались его лекциями. Для него же дело заключалось не в его личности как таковой, но в тех последствиях, которые имели для его работы и дела его жизни эти унижительные нападки врагов. Он знал, что враги стремятся очернить именно его личность, чтобы тем самым уничтожить его дело. И он видел, что антропософы этого не замечали. Они удалялись в антропософскую крепость и не видели, что вокруг нее полыхал огонь»*.

Этот невидимый пожар, уже в течение лет бушевавший вокруг духовной цитадели Антропософии, в Сильвестрову, последнюю ночь 1922 года, вспыхнул и вовне. Объятый пламенем Первый Гетеанум навсегда покинул физический план. Это самое трагическое событие за всю истекшую историю Антропософского движения и Антропософского общества потребовало от Рудольфа Штайнера еще более высокого и самоотверженного проявления терпимости и всепрощения. Ибо также и в этом случае, несмотря на целый ряд предостережений и настойчивых призывов Рудольфа Штайнера, Антропософское общество не оказалось достаточно бодрственным, чтобы духовно защитить Гетеанум, внутренне оградить его от многочисленных и могущественных врагов, и, тем самым, от нависшей над ним катастрофы. На это положение вещей Рудольф Штайнер указал особенно отчетливо на расширенном заседании так называемого «Круга тридцати» 22 января 1923 года, через три недели после пожара. На нем, заявив сперва о необходимости скорейшей «консолидации Общества», он затем сказал о Первом

*При этом речь здесь идет об истинно манихейском противлении злу, то есть мужественных выступлениях за истину и ее противопоставление любому проявлению лжи и клеветы.

Гетеануме: «Ибо в известном смысле, Дорнахскому зданию, которое громко говорило всему миру, недоставало стоящего за ним и охраняющего его Антропософского общества. Антропософское общество, собственно, стало приходить в упадок с того момента, как началось строительство здания»¹⁸⁷.

«Десять лет... груды развалин», — эти слова Рудольфа Штайнера, найденные в его записной книжке 1923 года, в своей лапидарной трагичности быть может точнее всего передают его собственное душевное состояние после пожара. Только для него самого вся трагедия пожара этим еще не исчерпывалась. Ибо с Гетеанумом, этим необыкновенным зданием, которое должно было стать видимым для внешнего глаза откровением самого существа Антропософии, «Домом Слова», из эфирных сил которого он возник, сам Рудольф Штайнер как его создатель, был связан не только внешним образом, но и глубоко кармически. Ведь для его возникновения он пожертвовал частью своих собственных эфирных сил, которые были таинственным образом вплетены во все жизненное существо Гетеанума. Поэтому пожар явился одновременно тяжелым ударом по эфирному телу его строителя¹⁸⁸.

В связи с этим он писал в письме к Марии Штайнер: «Моя дорогая Мария, я ведь уже давно говорил тебе, как с января 1923 года связь высших членов моего существа с моим физическим телом больше не была полной; я утратил, некоторым образом, в жизни в духовном непосредственную связь с моей физической организацией. Но не с физическим миром»¹⁸⁹. Так, не сумев духовно защитить и сохранить Первый Гетеанум, Антропософское общество тем самым не сумело защитить и эфирное тело своего Учителя. И, несмотря на это, Рудольф Штайнер и в этом испытании простил членам все. Более того, вместе с Альбертом Штеффеном он лично присутствовал на похоронах единственного человека, погибшего при пожаре и бывшего, по всей видимости, его поджигателем.

«Как одна сплошная открытая рана жил он в то время», — эти слова одного антропософа приводит Ф.Риттельмайер, характеризуя собственное впечатление от Рудольфа Штайнера в последние годы его жизни. И далее в своих «Воспоминаниях» он продолжает: «Отсюда можно взглянуть на то просветленное спокойствие и доброту, с которыми он написал свой «Жизненный путь»¹⁹⁰. И действительно, ни тени разочарования, горечи или упреков в адрес кого бы то ни было мы не находим в этом удивительном жизнеописании, пронизанном атмосферой глубокой доброжелательности и просветленной благодарности ко всем встретившимся ему в жизни людям, ко всем пережитым событиями.

Также посетивший Рудольфа Штайнера летом 1922 года австрийский писатель Макс Хайек, симпатизировавший антропософии и неоднократно посещавший публичные лекции Рудольфа Штайнера в Вене, выразил свое впечатление от встречи с ним в словах: он был «страдалцем... на Земле, мучеником Духа, несшим Крест»¹⁹¹.

Последовавший за пожаром 1923 год был во многом самым критическим не только для Антропософского общества, но и для самого Рудольфа Штайнера. Как уже было сказано в III главе, в то время он не раз серьезно думал и прямо говорил о своем намерении совсем оставить Общество, покинуть его вместе с небольшой группой наиболее верных и продвинутых своих учеников. Однако этого не произошло. И, несмотря на все растущую «внутреннюю оппозицию» к нему самому и к его задачам, он, тем не менее, решился на полное и безостаточное соединение с обществом¹⁹². Окончательное решение об этом было принято им лишь за несколько недель до начала Рождественского собрания.

Так само проведение в мире Рождественского собрания, связанное с полным духовным обновлением Антропософского движения и основанием на Земле новых Мистерий, было возможно лишь в результате *высшего акта прощения* со стороны Рудольфа Штайнера, простившего всех членов Общества, включая оппозицию, простившего им *все* перед лицом Того, Кому принадлежат слова: «Се, творю все новое» (Откр. 21, 5). Только в результате этого шага Рудольф Штайнер получил возможность приступить к воплощению на Земле с дотоле небывалой силой и непосредственностью антропософского импульса как прямого излияния новых откровений из духовного мира.

Почти весь 1923 год, предшествовавший Рождественскому собранию, Рудольф Штайнер был занят основанием в различных странах Европы Антропософских обществ, чтобы затем, на Рождество, они все смогли бы объединиться во Всеобщее антропософское общество, которое должно было в своих отдельных ответвлениях представлять человечество, быть как бы его малым отображением.

Поэтому, соединив с *этим* Обществом на Рождество 1923 года свою собственную карму, Рудольф Штайнер тем самым принял на себя часть *кармы всего современного человечества*. Если до Рождественского собрания такая связь на кармическом уровне существовала лишь с его отдельными эзотерическими учениками или небольшими группами членов основанной им в 1904 году и проработавшей до 1914 года Эзотерической школы, то теперь это было большое, всемирное Общество, имевшее задачей открыто представлять антропософский импульс перед всем человечеством и одновременно представлять пос-

леднее перед духовным миром и новым Духом Времени. Именно эта связь с вновь основанным Обществом на кармическом уровне позволила Рудольфу Штайнеру уже во время Рождественского собрания — в его вечерних лекциях — раскрыть присутствовавшим на нем антропософам свою собственную карму, а затем, в ходе кармических лекций 1924 года, также и их карму в связи с кармой самого Антропософского общества и сверхчувственным течением Михаэля.

В этом же духе было сформировано Рудольфом Штайнером на Рождественском собрании и руководящее всем Обществом Правление (Форштанд), в котором должны были найти свое соединение, примирение и высший синтез основные духовные потоки, в своей совокупности образующие внутреннюю конфигурацию Антропософского общества. В этом состояла действительная эзотерика или «мысль о Форштанде», как об эзотерическом учреждении: Объединение на основе центрального импульса Рождественского собрания и в его Духе *всех* кармических течений, связанных с Антропософским движением*. Мария Штайнер выразила эту мысль так: «Глубочайшая эзотерика могла бы состоять в том, чтобы прежде разрозненные духовные течения в лице их отдельных представителей привести теперь к гармоническому взаимодействию»¹⁹³. Выраженная в этих словах духовная задача остается и поныне центральной задачей Правления при Гетеануме, и лишь ее осуществление может позволить ему действовать в мире также и эзотерически, то есть быть «эзотерическим Правлением».

Такое жертвенное принятие на себя кармы *Всегообщего* антропософского общества и через это непосредственное соучастие в несении кармы всего человечества еще раз, в самом глубоком смысле, явило Рудольфа Штайнера как ближайшего сотрудника Христиана Розенкрейца. И тот имажинативный образ, который Рудольф Штайнер уже после Рождественского собрания дал Ите Вегман в ответ на ее вопрос о его отношении к Христиану Розенкрейцу: алтарь в духовном мире, возле которого с одной стороны стоит Христиан Розенкрейц в голубой мантии, а с другой Рудольф Штайнер в красной, — свидетельствует об этом. В контексте основной темы настоящей работы этот имажинативный образ может быть понят так: жертвенный алтарь в центре — символ несущего карму всего человечества Христа как Владыки кармы, а справа и слева от него — два Его величайших человеческих помощника в этом деянии. Ибо подобно тому как Христиан Розен-

*Имеются в виду кармические направления, в своих истоках восходящие к различным духовным течениям древности и средневековья, в которых в прошлом были воплощены и действовали индивидуальности, объединившиеся в XX веке во Всемирном антропософском обществе. В своих лекциях Рудольф Штайнер подробно говорит об этих течениях. (См. Библ. 233, 237, 238, 240).

крейц в своем высшем служении и подражании Христу соучаствует в несении кармы человечества, принимая на себя все то, что кармически проистекает из его общей духовной пассивности по отношению к духовному миру (см. сказанное о Христиане Розенкрейце в III главе), так с Рождественским собранием Рудольф Штайнер принимает на себя другую сторону этого процесса, а именно — все кармические последствия неочищенного и непросветленного устремления к духовному миру, еще пронизанного личными амбициями и эгоистическими желаниями человека.

Конкретно это выразилось в том, что последствия такого эгоистического отношения к духовному миру со стороны многих членов Антропософского общества проявились как страшные оккультные удары, которые обрушились на Рудольфа Штайнера сразу после Рождественского собрания и даже уже во время него.

Только один единственный раз, и то лишь в безличной форме, указал он на всю трагичность своего положения. Это произошло в «памятных словах», произнесенных в Дорнахе 3 мая 1924 года, посвященных его только что умершей ученице и сотруднице Эдит Мэрион. Несмотря на длинну цитаты, эти слова из-за их важности должны быть здесь приведены полностью: «И видите ли, если Вы хотите в правильном смысле участвовать в том, чем стало Антропософское движение после Рождественского собрания, то Вы должны уяснить себе эти мысли, а именно, что это значит — нести ответственность за Антропософское движение перед духовным миром... Конечно, у людей, которые находятся в Антропософском движении, проявляются самые разнообразные личные особенности. То, что на Земле выступает как личное — если оно смешивается с чем-либо свершаемым как раз для антропософского дела — представляет собой элемент, который — если он остается личным — недопустим по отношению к духовному миру. Какие же трудности выступают для того, кто хочет какое-либо дело с полной ответственностью представлять перед духовным миром, если он иногда вынужден вносить туда вместе с тем, за что он должен нести ответственность, также и то, что происходит из личных желаний участвующих в этом людей. Вызываемое этим Вы должны все же хоть немного осознавать. Со стороны духовного мира это вызывает самые страшные обратные удары, если выступают навстречу духовному миру таким образом.

Какой-либо человек работает в Антропософском движении. Он сотрудничает в нем; но он вносит в это сотрудничество личные амбиции, личные намерения, личные качества. Приходится иметь дело с этими личными амбициями, этими личными тенденциями. И большинство не знает, что они являются личностными (эгоистическими), боль-

шинство считает то, что они делают, как раз не личностным, потому что они заблуждаются относительно личностного и не личностного. Но это затем должно быть также взято с собой (в духовный мир). И это реально действует в самых ужасных обратных ударах из духовного мира, направленных на того, кто должен вносить в духовный мир эти вещи, которые проистекают из личных намерений людей»¹⁹⁴.

Эти «самые страшные... самые ужасные обратные удары», действовавшие после Рождественского собрания вплоть до физической оболочки Рудольфа Штайнера, — ибо кармические силы всегда действуют вплоть до физического тела, — и послужили более глубокой, оккультной причиной его преждевременной смерти. Однако Рудольф Штайнер, как и Христиан Розенкрейц, в своем служении и подражании Существу Христа ни на мгновение не пожелал защититься от этих внутренних ударов, но с величайшим терпением сносил их до самого конца, по-прежнему *прощая* всех тех, кто, чаще всего сам не ведая того, лишал его возможности остаться на Земле и завершить то, что он начал после Рождественского собрания.

И когда две ближайших сотрудницы Рудольфа Штайнера, Мария Штайнер и Ита Вегман, с его собственных слов называют основной причиной его преждевременной смерти принятие им на себя тяжелой кармы Антропософского общества¹⁹⁵, то тогда и эта, быть может, самая глубокая Мистерия жизни Рудольфа Штайнера и одновременно всего становления на Земле Антропософского движения и Антропософского общества, самым непосредственным образом связана с тайной прощения. Эту мысль можно выразить и более религиозным языком, языком главной христианской молитвы, как это сделал Ф.Риттельмайер в словах: «От людских «грехов» умер Рудольф Штайнер... Его самоотверженная помощь другим привела его самого к смерти»¹⁹⁶. Здесь можно было бы также сказать — «его всепрощающая помощь», бывшая следствием все снова и снова совершаемого прощения. Это же имеет в виду и Мария Штайнер, когда в своем «Призыве к примирению» она пишет о «жертве» Рудольфа Штайнера и о его «смерти», «в которой мы без сомнения виноваты все вместе и как отдельные люди, и как Общество»¹⁹⁷.

Но ведь то же самое и в тех же словах, — перенеся это из земных в космические соотношения, — можно сказать и о Христе, «Который взял на Себя грехи мира» (Иоанн 1, 29) и для дальнейшей помощи человечеству остался с ним вплоть до своей мученической смерти на кресте, а затем в духе на все последующие времена (Матф. 28, 20).

Все сказанное в этой главе о Рудольфе Штайнере имеет прямое отношение и к его ученикам. Причем не только к его современникам,

но и ко всем пришедшим позднее. Ибо в том беспрестанном *прощении*, которое он совершал на протяжении своей жизни, мы имеем не только высший пример, но и своего рода духовное «завещание» нашего Учителя. И если мы действительно хотим обрести духовную близость с ним, то для этого недостаточно одного лишь знания его трудов или общего желания служить его делу, но необходимо всеми силами души стремиться идти его путем, как бы труден он ни был, реально следовать ему в малом, как он сам в большом следовал высшему Прaoбразу: пути самого Христа.

А это означает сознательное стремление к соединению своей собственной судьбы, вплоть до своей кармы (в более глубоком смысле это и не может быть иначе¹⁹⁸), со Всеобщим антропософским обществом, которому Рудольф Штайнер в буквальном смысле пожертвовал *всем*. При этом мы не должны отворачиваться или игнорировать все бывшие или существующие в нем ныне трудности, неразрешенные проблемы и явные недостатки, а также забывать или позволять себе не знать его во многом столь трагическую историю. Напротив, глядя на эту историю с точки зрения высших, общечеловеческих задач, поставленных перед Обществом Рудольфом Штайнером в современную эпоху Михаэля, мы должны, находясь в нем, осуществлять именно тот процесс «морального дыхания», о котором говорилось выше: принимать или «вдыхать» в себя его трагическое прошлое и трудное настоящее, как бы мучительно и тяжело это ни было, а «выдыхать» те новые духовные силы, ту моральную субстанцию, наличие которой в Обществе является главным знаком нашей внутренней верности Рудольфу Штайнеру и основным залогом нашей связи с ним.

Наиболее значительный пример такого «морального дыхания» в истории Антропософского движения мы имеем в процессе возникновения Изречения Камня Основы, удивительным образом связанного с той духовной метаморфозой, через которую прошло существо Гетеанума, вознесшись в результате пожара в выси эфирного космоса. Все зло этого демонического разрушительного деяния было принято в себя Рудольфом Штайнером вплоть до своего эфирного тела, а затем внутренне преображено его духом и снова, но уже как высшее добро возвращено миру. Оно было возвращено не только в факте непрерывной и еще более интенсивной духовной работы в течение всего последующего года, но прежде всего в формировании на Рождественском собрании Изречения Камня Основы как облеченного в человеческие слова нового космического откровения того Духа, который некогда являл себя на Земле в зримых формах Первого Гетеанума, а затем с пламенем огня перешел в духовный мир.

О живом «Духе Гетеанума» и о том, что многое из сказанного на Рождественском собрании было произнесено «во взирании» к этому Духу, Рудольф Штайнер сам сказал в ответе на слова благодарности, высказанные ему по окончании Собрания, 1 января 1924 года, от имени всех присутствующих Луи Вербеком¹⁹⁹. Этот «добрый Дух Гетеанума», должен все больше становиться своего рода «групповой душой» Всеобщего антропософского общества. В физически видимом Гетеануме — этом зримом выражении самого существа Антропософии — через постепенное познание своей общей кармы²⁰⁰, должны были найти гармоническое объединение люди, дотоле принадлежавшие к самым разным кармическим потокам. После своего преобразования приходящий из космоса «Дух Гетеанума» хочет быть Духом-инспиратором нового, уже гораздо более сознательного объединения этих потоков, совершающегося на основе полного знания о небесной карме Антропософского общества в ее связи с космическим течением Михаэля.

В этом смысле общение с «Духом Гетеанума» может стать доступным каждому антропософу, если он, — наряду со своим стремлением всеми силами сохранить верность основному импульсу Антропософии, явленному в Рождественском собрании и в его последствиях, — направит одновременно свои внутренние усилия на развитие тех начальных качеств манихейского пути, духовнонаучным рассмотрением которых посвящена настоящая работа.

Выше (гл. VI-4) уже говорилось о том, что всякое истинное прощение является столь трудным для современного человека потому, что с его осуществлением связано неизбежное прохождение через состояние полного бессилия перед судьбой, полной беззащитности перед тем злом, которое должно быть прощено. В этом обстоятельстве содержится, быть может, основная трудность в оказании сопротивления злу не насилием, а прощением и кротостью. Однако, с другой стороны, в этом как раз и состоит центральная тайна всей Мистерии Голгофы, когда из полного внешнего бессилия и беззащитности, идущих вплоть до распятия на кресте рядом с двумя разбойниками ставшего человеком Бога, рождается новый импульс, импульс преображающего все земное бытие *Воскресения*.

Отражение этой глубокой тайны мы находим и в Мистерии Рождественского собрания, для проведения которого Рудольф Штайнер должен был совершить нечто, последствия чего были неизвестны даже ему самому. Ибо, принимая на себя председательство в новооснованном Антропософском обществе, а тем самым и всю ответственность за его земные дела, он фактически рисковал *всей своей духовной миссией*, с ясностью осознавая реальную *возможность* того, что духовный

мир, а точнее управляющие в нем Антропософской мудростью Духовные Существа не примут его деяния и закроют перед ним источники откровений, доселе неизменно питавшие все Антропософское движение. Поистине этот момент являлся самым трудным и драматическим во всей судьбе Рудольфа Штайнера как учителя человечества, делая для него самого Рождественское собрание неким подобием Мистерии Голгофы²⁰¹, прохождением в глубочайшем смирении и покорности через полное внутреннее бессилие и беззащитность перед ожидаемым ответом мировой кармы, перед решением духовного мира. Ведь соединяясь с земной организацией Общества, Рудольф Штайнер непосредственно вступал в сферу действия самых концентрированных сил смерти, всегда связанных с любым земным учреждением. А из этой сферы ни один человек не может выйти сам, своими собственными силами, если он не будет выведен оттуда единственным Божественным Существом, победившим смерть.

Уже значительно ранее, в лекции от 16 октября 1918 года, Рудольф Штайнер указал на два решающих внутренних события, ведущих к духовному переживанию Мистерии Голгофы в собственной судьбе. Он обозначил их как «бессилие» и «воскресение из бессилия»: «Внутреннее переживание, которое состоит из этих двух частей, действительно направлено на Мистерию Голгофы»²⁰².

А когда, наконец, из бездны бессилия пришел ответ духовного мира, несущий в себе силы воскресения, ответ в форме новых, еще более мощных и всеобъемлющих откровений, о которых Рудольф Штайнер затем все снова и снова говорил в своих кармических лекциях, — то реально совершавшееся в то время в его душе может быть высказано лишь его собственными словами из той же лекции: «Но тогда, когда мы можем почувствовать бессилие и восстание из бессилия, тогда нам открывается счастливая возможность вступить в действительно реальное отношение к Христу Иисусу... И тот... кто может говорить о двух событиях, о бессилии и о воскресении из бессилия, тот говорит о действительном переживании Христа. Тогда он находится на сверхчувственном пути к Мистерии Голгофы, он сам находит силы, пробуждающие определенные сверхчувственные импульсы, которые ведут его к Мистерии Голгофы».

А это означает, что сам Христос был той Высшей Силой, следуя которой Рудольф Штайнер решился сознательно вступить в область самой земной организации, в царство бессилия и смерти, из которого, в ответ на принесенную им жертву, о глубине которой мы можем лишь догадываться, *Сам Христос* вывел его, как Своего ученика, пожертвовавшего *всем* на своем пути подражания Ему.

В настоящей работе должна быть отмечена также еще одна сторона общечеловеческой миссии Рудольфа Штайнера, относящаяся к трем высшим ступеням того семичленного манихейского пути, который был описан в V главе.

Как это уже было подробно изложено автором в книге «Рудольф Штайнер и Краеугольные Мистерии нашего времени», центральным переживанием во внутреннем развитии самого Рудольфа Штайнера явилось непосредственное переживание им Существа Христа в сфере интуиции как Космического Праобраза Высшего Я человека. Это краеугольное событие во внутренней жизни Рудольфа Штайнера произошло около 1899 года. Он сам указал на него в конце XXVI главы своей автобиографии «Мой жизненный путь», а также духовнонаучно охарактеризовал его в главе «Познание высших миров» в «Очерке Тайноведения»²⁰³.

С оккультной точки зрения это событие означало, что отныне Христос мог непосредственно присутствовать и действовать через Высшее Я Рудольфа Штайнера. И эта связь с Христом дала ему внутреннее право выступить с начала XX столетия в качестве духовного учителя и представителя центрального течения христианского эзотеризма. В смысле последнего, достигнутая им ступень сознательного переживания Христа отвечала высшему осуществлению формулы апостола Павла «Не я, но Христос во мне». Отныне, неся в средоточии своего существа, в своем Я, *Духовное Солнце*, Рудольф Штайнер мог постепенно наполнять Его светом, жизнью и любовью свои оболочки. Отражением этого процесса вовне и явилась возможность соучастия в искуплении противоборствующих существ.

Ближайшая задача, вставшая перед Рудольфом Штайнером в этом направлении, была обусловлена уже самим фактом его присоединения в 1902 г. к Теософскому обществу. Ибо основной оккультной особенностью последнего, начиная со времен написания Е.П. Блаватской ее главного труда «Тайной доктрины», была внутренняя убежденность его руководящих кругов в духовном превосходстве Люцифера над Ягве, а значит и над действовавшим в древности *через* Ягве Христом. Отсюда проистекала подчеркнуто антихристианская направленность всего Теософского общества, сориентированного исключительно лишь на восточный, тибетско-индийский оккультизм, бывший в действительности последним остатком древнейшей люциферической мудрости человечества²⁰⁴. Поэтому уже «Блаватскую соблазнило одно существо, которое было заинтересовано в том, чтобы она поставила на место Христа Люцифера...»²⁰⁵. «Отсюда утверждение «Тайной доктрины»: нельзя держаться Ягве ..., ибо истинный благодетель человечества — это Люцифер. Вся «Тайная доктрина» построена так, что *это* повсюду

просвечивает и даже в ней ясно высказано. Поэтому Е.П.Блаватская по оккультным причинам должна была стать противником Христа-Ягре²⁰⁶. Этой антихристианской тенденции, за которой скрывались специальные, национально-групповые интересы определенных кругов тибетско-индийских оккультистов²⁰⁷, Рудольф Штайнер с самого начала противопоставил мудрость розенкрейцеровского христианства, преследующую только общечеловеческие цели и имеющую своим источником не борющегося против Христа, а преображенного и служащего Ему Люцифера²⁰⁸.

В эзотерическом смысле это было возможно потому, что, противопоставив Люциферу в своем астральном теле *Свет* Христова Солнца, сияющего из Я, Рудольф Штайнер смог тем самым непосредственно соучаствовать в его искуплении. По этой причине в ранних лекциях, приблизительно до 1909 года, о Люцифере говорится гораздо больше и подробнее, чем об Аримане.

Следующей ступенью явились первые шаги на пути искупления Аримана. Однако начало его искупления может быть положено уже не отдельными духовно стремящимися людьми, а их *совместной*, социальной деятельностью. В этом состоит эзотерическая задача тех практических начинаний Антропософии, в основе которых лежит совместная деятельность людей: движение за трехчленность социального организма, возникновение Вальдорфских школ, движение за религиозное обновление (Община христиан) и, прежде всего, основание в начале 1913 года самостоятельного Антропософского общества, а осенью того же года закладка Камня Основы Первого Гетеанума в Дорнахе как его видимого центра.

Во всех этих многообразных начинаниях мы имеем ростки той преображающей и спиритуализирующей всю современную культуру совместной деятельности людей, которая по мере своего распространения в человечестве сможет помочь ему на основе антропософского миропонимания обратить на благо дальнейшей эволюции предстоящее в недалеком будущем физическое воплощение на Земле Аримана²⁰⁹ и таким образом способствовать его дальнейшему искуплению.

Сам Рудольф Штайнер был в состоянии основать все вышеперечисленные движения лишь благодаря тому, что он смог дать излиться силам взошедшего на рубеже столетий в его Я Христова Солнца в свое эфирное тело, где они стали жизнью. Эту Христову *жизнь* он противопоставил тогда Ариману во всех направлениях человеческого творчества, основанием которых могла стать пронизанная силами Христа деятельность эфирного тела. Указанная работа развернулась особенно с конца первой мировой войны и продолжалась вплоть до последних

месяцев земной жизни Рудольфа Штайнера. К ней можно отнести антропософскую медицину, биодинамическое сельское хозяйство, начало обновления естественных наук в духе гетеанизма и многое другое.

В этот период тема Люцифера и его искупления все более и более отступает на второй план, а на передний выступает необходимость как можно более всестороннего познания существа, целей и характера деятельности Аримана и служащих ему духов. Начиная с лекций, озаглавленных «Исторические рассмотрения. Карма неправдивости», эта тема развивается дальше и достигает своей полной силы в цикле «Спиритуальные подосновы внешнего мира. Падение духов тьмы», прочитанном в Дорнахе осенью 1917 года. В нем в центр внимания ставится описание Духа Времени Михаэля в его борьбе с ариманическими духами.

В определенном смысле можно сказать, что постепенный переход от одной темы к другой совершается так, что первая из них — тема «познания Люцифера» — достигает некоторого завершения в цикле лекций «Человек в свете оккультизма, теософии и философии», прочитанных летом 1912 года, а начало новой темы — темы «познания Аримана» — происходит в связи с *деянием* закладки Камня Основы Первого Гетеанума, в сентябре 1913 года. Причем наиболее активное развитие первой из них приходится в основном на более ранний период духовнонаучной деятельности Рудольфа Штайнера*, а развитие второй темы — на более поздний. Между этими двумя «полюсами»

- 1903. Первая статья в журнале «Люцифер» (позднее «Люцифер-Гнозис») под таким же названием.
- 1909. Цикл лекций «Восток в свете Запада. Дети Люцифера, братья Христа».
- 1912/13. Цикл лекций «Человек в свете оккультизма, теософии и философии». Основание Антропософского общества, закладка Камня Основы Первого Гетеанума.
- 1917. Цикл лекций «Спиритуальные подосновы внешнего мира. Падение духов тьмы».
- 1923. «Лекции, посвященные празднику Михаэля».

*Уже в самой первой статье издаваемого им в Берлине журнала «Люцифер» (позднее «Люцифер-Гнозис»), опубликованной в июне 1903 года под тем же заголовком и имевшей целью охарактеризовать все духовное направление журнала, Рудольф Штайнер попытался указать на то, что человек обязательно должен создать в своей душе противовес этому духу через свою связь с Импульсом Христа (см. Библ. 34 и лекцию от 18.10.1915 в Библ.254).

располагалась средняя эпоха — период наиболее интенсивного развития антропософского искусства, в котором обе темы удерживаются во внутреннем равновесии. Приблизительно на середину этого среднего периода приходятся лекции Рудольфа Штайнера о «Пятом Евангелии».

К главным достижениям в сфере искусства этого среднего периода можно прежде всего отнести Драмы-Мистерии, создание эвритмии и, конечно же, все те многообразные инициативы в самых разных областях изобразительных искусств, которые проявились в процессе постройки Первого Гетеанума.

В контексте нашей темы особенно важны следующие слова Рудольфа Штайнера, характеризующие Гетеанум: «Посмотрите на формы нашего здания: повсюду прямая (линия) переходит в закругленную, ищет равновесия; всюду присутствует стремление снова растворить затвердевшее в текучем элементе, повсюду создать покой в движении, но и покой снова обратить в подвижность. Это то, что совсем духовно в нашем здании. Мы как люди должны стремиться к будущему, к тому, чтобы сформировать нечто в искусстве и жизни, в то время как мы знаем: там внизу Ариман, который хочет дать всему затвердеть, там сверху Люцифер, который хочет все сделать улетающим... И так наше здание является состоянием равновесия во Вселенной, оно отвоевано, оно изъято из царства Аримана и из царства Люцифера»²¹⁰. Свое высшее проявление это равновесие обрело в Скульптурной группе, изображающей в *художественной форме* Представителя человечества, Христа, — как Праобраза нового группового Я всего человечества и одновременно Высшего Я каждого отдельного человека — между Люцифером и Ариманом: «Все достигает своей вершины в Центральной фигуре нашей Группы, в этом Представителе человечества, в котором должно быть погашено все люциферическое и все ариманическое».

Приведем здесь впечатляющий рассказ, сохраненный Хайнцем Мюллером, о том, каким образом Рудольф Штайнер создавал Скульптурную группу. По его собственным словам, «он заставил как Аримана, так и Люцифера служить ему моделью. С Ариманом это удалось лишь после использования довольно-таки сильного принуждения, в то время как Люцифер сравнительно легко свыкся с этой ситуацией»²¹¹. Затем оба духа должны были служить ему моделью до тех пор, пока он не закончил свою работу. Только после этого «он, Рудольф Штайнер, закончил сеанс». По его словам: «человечество современности должно было стремиться к выработке ясных представлений о противоборствующих существах, чтобы через это лишить их власти». Приблизительно в то же время Рудольф Штайнер сказал в одной из своих

лекций в Дорнахе: «Какова же самая глубокая особенность как раз нашего периода времени и эпохи развития души сознательной? Самая глубокая особенность этого периода состоит в том, что человек самым основательным и интенсивным образом должен познакомиться с силами, противодействующими гармонизации всего человечества. Поэтому в наше время постепенно должно распространиться сознательное познание противодействующих человеку ариманических и люциферических сил»²¹².

Чтобы понять с оккультной точки зрения этот кажущийся почти невероятным рассказ, надо отдать себе отчет в том, что лишь действующий в астральном теле Посвященного *Свет* Христова Солнца мог удержать в его власти Люцифера, а действующая в его эфирном теле *Жизнь* Христова Солнца могла удержать в его власти Аримана.

Иначе говоря, само возникновение Скульптурной группы было прямым следствием достижения Рудольфом Штайнером как современным христианским Посвященным высших ступеней описанного в настоящей работе манихейского пути, имеющего своим средоточием, — как и в современном розенкрейцеровском пути, — сознательное переживание Христа в своем Я и проистекающую отсюда возможность непосредственной встречи с Ним в духовном мире. Поэтому как в Скульптурной группе, так и в центральном мотиве живописи малого купола Гетеанума Рудольф Штайнер, по его собственным словам, смог изобразить Христа таким, каким Он именно *в наше время* открывается Посвященному в ближайшем к Земле духовном мире. Хайнц Мюллер вспоминает об этом в следующих словах: «Затем Рудольф Штайнер рассказал также о схожести, существующей между созданными им образами и ликом Христа. Когда встречают Его в духовном мире, то первое впечатление таково, что Он поразительно сильным образом меняется при каждой мысли, чувстве и волевом импульсе... Теперь, когда Его Существо, независимое от тела Иисуса из Назарета, свободно правит в эфирных высях, это постоянное изменение Его Лика, даже всего Его образа еще возросло. Однако, несмотря на это, — заверил Рудольф Штайнер, — равным образом и скульптурное изображение Представителя человечества и Его образ, выполненный в цвете, сформированы так, что если бы кто-нибудь встретил Его (в эфирном мире), то он должен был бы тотчас узнать Его. Таким образом, также и здесь можно было вполне говорить о некоторого рода портретном сходстве».

Также посетившему ателье в Дорнахе швейцарскому антропософу Вилли Аппли, отвечая на возникший у него внутри, но не высказанный им в словах вопрос, Рудольф Штайнер сказал, указывая на образ Христа из Скульптурной группы: «Да, я так Его вижу»²¹³. А в лекции

от 29 июня 1921 года, посвященной подробному описанию пластически-живописных форм Первого Гетеанума, он объяснил происхождение образа Христа, изображенного в центральном мотиве живописи малого купола, так: «можно видеть в нем (в Представителе человечества) Христа. Я всецело сформировал его из моего видения, как образ Христа... Конечно, ни один человек не обязан верить мне в этом, но тем не менее, — это Христос, изображенный таким, каким он представляется в духовном созерцании... Христос стоит здесь как воплощенная Любовь»²¹⁴.

О последней категории противоборствующих существ, о так называемых Азурах, Рудольф Штайнер говорит вообще исключительно мало, лишь совсем бегло упоминая о них в более ранних лекциях²¹⁵, наиболее подробные сведения содержатся только в уже цитировавшейся лекции от 22 марта 1909 года. Следующее, опять совсем краткое упоминание их находится в лекции от 15 декабря 1919 года в Дорнахе (цикл «Миссия Михаэля»), после чего, фактически до конца своей земной деятельности, Рудольф Штайнер нигде больше о них не говорит, сосредотачивая во все возрастающей мере свои усилия на познании и противодействии силам Аримана, в виду его предстоящего воплощения в человечестве.

Что же касается азурических духов, то в упомянутой последней лекции Рудольф Штайнер характеризует их как существ, несущих всей земной цивилизации «болезнь и смерть культуры»²¹⁶, противостоять которым человечество в будущем сможет лишь в той мере, в какой на Земле будут достигнуты основные цели новых Мистерий.

«Мир должен снова прийти к тому, чтобы смочь принять в число принципов цивилизации также и принцип Посвящения как таковой»²¹⁷. В этих словах Рудольфа Штайнера всему человечеству и прежде всего антропософам дано единственное противодействие азурическому искушению, противодействие, являющееся одновременно и путем, ведущим к грядущему искуплению азурических духов, которое начнется лишь тогда, когда новые Мистерии и связанный с ними «принцип Посвящения» распространятся по всей Земле и возьмут в свои руки все руководство земной цивилизацией. Это будут Мистерии, в которых Христово Солнце воссияет не только как дарующий высшее познание *Свет* в астральных телах людей, не только как новая *Жизнь в имажинациях*, которые тогда возникнут в эфирных телах людей и оттуда изольются во всю социальную жизнь, формируя и преображая ее, но это будут Мистерии, в которых Христово Солнце явит себя как проникающая вплоть до физического тела и пронизывающая его силами

Воскресения Христова *Любовь*, единственно способная преодолеть «болезнь и смерть» в человеке, а значит и во всей земной культуре.

Начало этих новых христианских Мистерий было положено Рудольфом Штайнером на Рождественском собрании 1923/24 года. С тех пор сердцам и душам всех истинных антропософов прошлого, настоящего и будущего дана возможность заложить в себя, как зачаток для его постепенного развития во всем человечестве, Камень Основы, сформированный Рудольфом Штайнером 25 декабря 1923 года в ближайшем к земному эфирному миру из действующих в нашем космосе сил Божественной Троицы, из сил Духа, Сына и Отца: «И из этих трех сил: из Духа высот, из Силы Христа в окружении, из деятельности Отца, из творческой деятельности Отца, что струится из глубин, мы хотим в это мгновение сформировать в наших душах додекаэдрический Камень Основы, который мы погружаем в почву наших душ, чтобы он был там незыблемой опорой в основах нашего душевного бытия, и чтобы в будущей деятельности Антропософского общества мы могли стоять на этом прочном Камне Основы»²¹⁸.

Этот Камень Основы, который с тех пор должен служить основанием всего душевного бытия каждого истинного антропософа, был сформирован из сил Духа, приходящих из высей и ведущих к преодолению власти Люцифера в человеке; из сил Христа, действующих в окружении Земли и ведущих к преодолению власти Аримана в человечестве; и из сил Отца, исходящих из глубин и ведущих к преодолению власти Азуров во всем земном развитии²¹⁹. Заложить же в свое сердце, в свою душу этот «додекаэдрический Камень Любви», этот «додекаэдрический имажинативный Образ Любви» и тем самым реально вступить на путь новых Мистерий человек может, лишь всем своим существом устремившись к Тому, Кто воссиял на Повороте Времен как

Божественный Свет,

Христос — Солнце,

из источников которого в человеческое существо может излиться как космическое выражение мировой Троичности²²⁰ мировой Свет, мировые дарующие Жизнь имажинации²²¹ и мировая Любовь.

И подобно тому как во Вселенной всегда родственное стремится к родственному, так и эта мировая Троичность может быть воспринята на Земле лишь подобной ей человеческой троичностью: человеческим светом, человеческой способностью к жизни в имажинациях и человеческой любовью. Ибо если мы понесем навстречу Христу духовный *свет* высшего познания, возникающий из безсамогостного переживания в себе духовнонаучных мыслей; если мы понесем Ему навстречу нашу способность жить в *имажинациях*, приобретенную в медитативной работе и оттуда воздействующую на все социальное окружение человека;

и, наконец, если мы понесем Ему навстречу нашу одухотворенную и очищенную от всего эгоистического, жертвенную *Любовь*, — то тогда наш человеческий свет будет усилен Его мировым Светом, наши человеческие имажинации будут усилены Его мировыми Имагинациями, а наша одухотворенная человеческая любовь будет усилена Его мировой Любовью. Тогда на Земле сможет возникнуть «истинное сообщество людей для Антропос-Софии», к которому не найдут доступа ни похищающий лишь для себя свет Люцифер, ни погашающий имажинации и замораживающий всякую жизнь Ариман, ни убивающие всякую любовь Азуры.

«Тогда он будет сиять, Камень Основы, перед нашим душевным взором, тот Камень Основы, который имеет из мировой человеческой Любви свою субстанцию, из мировой человеческой Имагинации свою образность, свою форму и из мировых человеческих Мыслей тот сияющий Свет, который в каждое мгновение, когда мы вспоминаем об этом мгновении, сможет светить нам навстречу теплым светом, одновременно побуждающим наше деяние, наше мышление, наше чувствование, наше воление». «Чтобы добром стало», что мы основываем в мире нашими деяниями, происходящими из мышления, исполненного *терпимости*, из чувства, способного к *прощению*, и из воли, стремящейся соучаствовать в созидании новой *кармической общности* людей на Земле. Тогда «Дух, который правит в сияющем Мыслительном Свете вокруг додекаэдрического Камня Любви» как Дух новых михаэлических Мистерий, единственно способный повести человечество в будущее в смысле намерений Михаэля-Христа, сможет излиться во все развитие Земли, «где он должен светить и согревать ради продвижения вперед человеческих душ, ради продвижения вперед мира».

Так можем мы обрести в Рождественском собрании праобраз и одновременно квинтэссенцию того пути, который мы попытались обрисовать в настоящей работе. А из этого следует, что приближение к его *духовной сущности* заключается не в абстрактных мыслях о нем, как о некогда произошедшем событии, а в *реальном внутреннем действии*, заключающемся в постепенном внутреннем преобразении всего человеческого существа, в процессе развития в себе внутренних качеств терпимости, прощения и способности к несению кармы других людей. Ибо свою духовную сущность Рождественское собрание открывает лишь тому, кто стремится приблизиться к нему при помощи тех же духовных импульсов, исходя из которых оно 70 лет тому назад было поставлено «в поток земного существа» его инициатором и творцом — Рудольфом Штайнером.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Необходимость в послесловии возникла в результате вопросов, заданных автору на его лекциях об оккультном значении прощения, прочитанных во время написания настоящей работы в различных городах Европы.

Прежде всего необходимо со всей определенностью подчеркнуть, что прощение в манихейском смысле отнюдь не означает просто непротивление злу. Напротив, исключая любые формы внешнего или внутреннего насилия над другим человеком, всем его ошибкам, заблуждениям, в особенности же всякому исходящему от него злу или лжи, должна быть противопоставлена твердая воля к добру и истине, направленная, по мере сил и возможностей, на исправление содеянного. Иными словами, в жизни достаточно часто встречаются ситуации, в которых прощение должно оставаться чисто *внутренним актом*, в то время как вовне должно иметь место мужественное и бесстрашное *противостояние* и даже противодействие злу и лжи.

Совсем иначе обстоит дело с прощением своих собственных ошибок и недостатков. Рудольф Штайнер пишет в связи с этим в книге «Как достигнуть познаний высших миров?»: «В то мгновение, когда ты извиняешь перед самим собой какую-нибудь из твоих слабостей, ты кладешь камень на пути, который должен вести тебя вперед»²²². Это значит, что для духовного мира имеет значение лишь проводимое на основе истинного самопознания *исправление* ошибок и недостатков, или, по крайней мере, стремление к таковому.

То же самое касается и «извинений». Если за ними не стоит воля к конкретному исправлению содеянного, они не имеют никакого значения для духовного мира. Приняв во внимание, что принесение извинений является внешним выражением того душевного процесса, который обычно называется «раскаянием», мы сможем лучше понять следующее высказывание Рудольфа Штайнера: «Раскаяние не имеет никакой цены. Необходимо исправить (содеянное); это сокращает Камалоку»²²³.

Конечно «раскаяние», понятое как часть действительного самопознания, имеет большое значение для человека, ибо все ошибки и заблуждения должны быть сначала объективно познаны им, прежде чем вообще сможет начаться их исправление. Однако «раскаяние», переходящее в самобичевание и самомучительство, словно застилающее весь душевный горизонт темными удушливыми тучами и в конце концов ведущее к внутренней надломленности и даже к отчаянию, не только вредит человеческой душе, но, как сказано, не имеет никакого положительного значения для духовного мира.

В целом можно сказать: если человек, совершивший плохой поступок, искренно раскаялся в нем, то он тем самым *вступил на путь* выравнивания той негативной кармы прошлого (лунной кармы), которую он сам создал своим поступком. Ведь его следствием в оккультном смысле стало нарушение морального строя мира, уменьшение совершенства всего духовного космоса. Поэтому только работая над конкретным исправлением последствий плохого поступка, человек может снова вернуть духовному космосу ту утерянную им степень совершенства, которой весь космос обладал до того.

Напротив, в акте истинного прощения, когда один человек оказывается в состоянии полностью и без остатка простить другого, причинившего ему зло, в мире возникает новая позитивная или *солнечная* карма. С раскаяния начинается исправление прошлого; с прощения — созидание будущего. Ибо в последнем случае имеет место не просто восстановление в духовном космосе определенной части утраченного им совершенства, но его дальнейшее продвижение к более высокой ступени, которой он еще не обладал до акта прощения. В результате весь духовный космос может еще на один шаг приблизиться к достижению того наивысшего совершенства, которое заключается в его полном уподоблении своему Божественному Творцу.

Однако, если упомянутое выше прощение самого себя лишь задерживает человека в его внутреннем развитии, то это еще не означает, что достижение прощения, или, выражаясь более традиционным языком, «отпущение грехов» невозможно чисто духовным образом, как внутреннее таинство самой души. Духовный процесс, который в этом случае может произойти в душе, принадлежит к важнейшим переживаниям современного человека. Речь идет о следующем.

В нынешнюю эпоху развития души сознательной важнейшей целью всего западного человечества является достижение все большим и большим числом людей совершенно индивидуального и полностью сознательного отношения к Существу Христа. На страницах настоящей работы уже было показано, как одним из средств к достижению этой цели является «мыслительный путь к Христу», ведущий через ступени

терпимости, прощения и принятия на себя кармы другого человека. Этот путь связан также с новым, манихейским переживанием добра и зла в их отношении к повторной Мистерии Голгофы в ближайшем к Земле сверхчувственном мире и к новому явлению Христа в эфирной форме, в которой Он, начиная с нашего времени, будет постепенно открываться человечеству. Благодаря этому и в полном соответствии с основным характером нынешней эпохи свободы степень участия самого человека в процессе искупления (одухотворения) себя и мира должна существенно возрасти, а это возможно лишь через достижение указанного личного и сознательного отношения к Существу Христа.

В этом процессе решающую роль должна будет сыграть «пронизанная Христом Духовная наука», или Антропософия, являющаяся в своей эзотерической сущности тем языком, на котором современное человечество может непосредственно заговорить с Эфирным Христом (см.гл. II), а значит вступить с Ним в такое внутреннее душевно-духовное отношение, которое позволит в медитации получить от Него Самого реальное «прощение грехов». Рудольф Штайнер указывает на эту возможность в таких словах: «И те, кто в правильном Духе усвоят себе пронизанную Христом Духовную науку — не просто во внешнем смысле, но в правильном Духе — они безусловно смогут стать своими собственными исповедниками. Без сомнения они научатся через Духовную науку узнавать Христа все больше и больше и научатся чувствовать свою связь с Ним настолько интимно, что будут непосредственно ощущать само Его присутствие. И они, если они опять-таки сохранят Ему верность как Космическому Принципу, смогут исповедоваться Ему в Духе и в своей тихой медитации получить от Него прощение грехов... Все это может быть идеалом в земном бытии, но по крайней мере антропософ должен взирать вверх к такому идеалу»²²⁴.

Однако приближение к этому идеалу станет возможным для человека лишь в том случае, если он в достаточной мере осуществит в своей душе два главных условия, необходимых для истинного прощения: самопреодоление, то есть преодоление в себе всех эгоистических тенденций низшего Я, и самоотдачу себя в любви миру, готовность жертвенного служения. Эти две душевных способности играют также поистине центральную роль в современном духовном ученичестве. Так, на более высокой ступени внутреннего развития они готовят духовного ученика соответственно к встрече с малым и большим Стражами Порога. Ибо первый из Стражей для своего очищения постоянно требует исходящего из истинного самопознания преодоления всех тянущих вниз влияний низшего Я, а второй всем своим существом олицетворяет исполненное жертвенной любви служение миру²²⁵.

В своей же совокупности именно эти два качества и образуют необ-

ходимую предпосылку для внутреннего «отпущения грехов» Самим Христом в смысле вышеприведенных слов Рудольфа Штайнера. Ибо лишь тот, кто обладает этими качествами, а значит способен к действительному прощению, может надеяться и на прощение со стороны Христа, как на это со всей ясностью указывается в пятом прощении «Отче Наш»: «И прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

Другим вопросом, снова возникающим в связи с темой прощения, является следующий. Имеет ли значение для совершившего проступок человека факт его прощения, если он сам *внешне* ничего не знает об этом. Последнее может быть вызвано его переездом в другое место или физической смертью. Прежде всего здесь необходимо отметить, что прощение в любом случае имеет решающее значение для встречи *обоих* людей в духовном мире после их смерти. Причем не только в том смысле, что каждый совершенный в жизни акт прощения облегчает и укорачивает время пребывания самого простившего в Камалоке; но в особенности благодаря тому, что в результате возникшей через прощение новой связи с Христом, простившему открывается возможность после смерти вступить в совершенно иное отношение к прощенному, чем без этого (см. гл. VI-4). С другой стороны, непощение сильно затрудняет связь умершего человека с живым, которому он на земле причинил зло. Созерцая свой плохой поступок в Камалоке во всем его космическом значении, умерший естественно обращает при этом свой взор вниз к тому человеку, перед которым он виноват. Но если этот последний не простил его, то тогда умерший не может найти доступа к его душе в своем стремлении исправить содеянное. Это существенно усугубляет его страдания в Камалоке, а также отягощает карму обоих, одновременно усиливая в духовном мире власть железной необходимости.

Что же касается следующей земной жизни, то истинное прощение, сопряженное с решением вернуть миру столько добра и любви, сколько было отнято злым поступком, может после смерти привести душу к решению снова встретиться на Земле с причинившим ей страдание человеком, но теперь уже не для того, чтобы «получить» от него обратно причитающееся ей по кармическому счету добро, а для того, чтобы *помочь* некогда провинившемуся перед ней человеку снова достигнуть той ступени внутреннего совершенства, которая была им утеряна в результате совершения злого поступка. Таким образом, встреча человека с прощенным им человеком или группой людей в следующей земной жизни может означать не только выплачивание старого долга — как, например, это имело место в случае Песталоцци²²⁶, — но быть началом совершенно новой кармы, свободно осуществляемой в смысле

высших намерений Христа как Владыки Судьбы. Сказанное является тоже своего рода «моральным дыханием» (см. о нем в гл. VII), но действующим уже не в одной, а в двух или нескольких последовательных земных жизнях.

Естественно, что в результате прощения человек, причинивший другому зло, сам не освобождается от кармической необходимости принести ему в следующей жизни (или жизнях) столько же добра и любви, сколько в предшествовавшей он принес ему зла. Закон кармы продолжает действовать здесь с железной необходимостью. Но в результате прощения, всегда связанного с духовной точки зрения с добровольным отказом от будущего «воздаяния», пути реализации выравнивающей кармы могут теперь стать совсем другими. Ибо те добро и любовь, которые человек, совершивший в одной земной жизни злой поступок, должен был бы в случае непращения с необходимостью вернуть другому в следующей жизни, теперь, благодаря прощению, могут быть использованы в духовном космосе совершенно иначе, как добро и любовь, свободно жертвуемые всему миру и его дальнейшему развитию в духе целей и намерений Христа как Владыки кармы. «В будущем наш кармический счет должен быть выровнен, а это значит включен в такой мировой порядок, — если только мы нашли путь к Христу, — при котором сам род и способ этого выравнивания может вызвать для оставшегося времени земного развития наибольшее благо для всех людей. — И это будет заботой Того, Кто, начиная с нашего времени, станет Владыкой кармы: это будет заботой Христа», — говорит в связи с этим Рудольф Штайнер²²⁷.

Наконец, бывают еще такие случаи, когда человек — по крайней мере на некотором отрезке своего жизненного пути — не имеет ни врагов, ни людей, которым он что-то должен простить. «Мне некому и нечего прощать», — можно тогда услышать от таких людей. Конечно, такое высказывание может быть лишь следствием недостаточного самопознания. Но может быть и так, — особенно если такое положение в жизни соединяется с полной удовлетворенностью своей судьбой, — что подобная ситуация действительно является результатом особенно благоприятной кармы, например, результатом многократных прощений в прошлых жизнях. Правда, чаще всего такие периоды в жизни бывают лишь временными, и трудности и проблемы рано или поздно все равно приходят. Однако, такой кармически «благополучный период» может и должен быть использован на развитие повышенного чувства благодарности ко всему происходящему с человеком и вокруг него, переходящего в то, что Рудольф Штайнер характеризует как «Все-Любовь» по отношению к миру²²⁸. Ее осуществление само поведет человека в следующей земной жизни (а в отдельных случаях уже

в этой) к таким жизненным ситуациям, в которых необходимость «морального дыхания» будет особенно велика. Кроме того, он сможет тогда гораздо более эффективным образом помогать другим людям и прежде всего тем, которые в настоящей земной жизни наименее способны к прощению. И то и другое будет, однако, осуществляться им уже не из необходимости своей личной кармы, а «по поручению» Высших Сил.

Такое сознательно развитое в себе чувство благодарности по отношению к своей судьбе и ко всему происходящему с человеком становится особенно мощной и продвигающей вперед духовной силой в случае особо тяжелой судьбы или в результате претерпения особо больших страданий и зла. Ибо сохранить это чувство в тяжелой жизненной ситуации необычайно трудно. Помочь здесь может лишь реальное продвижение по пути духовного ученичества, связанное с развитием в себе способности претворения причиненного нам зла во внутреннюю мудрость, в постоянное стремление найти в переживаемых нами страданиях, несправедливостях или ударах судьбы *высший духовный смысл*. То, что в этой связи в народе традиционно обозначается как «Промысел Божий», может стать для человека, идущего путем современного духовного ученичества и благодаря антропософии знакомящегося с духовной сущностью законов кармы и перевоплощения, — сознательно проходимым манихейским Посвящением, ведущим к непосредственному переживанию присутствия и действия Эфирного Христа как Владыки кармы как в собственной судьбе, так и в духовных судьбах всего человечества.

Конечно, чем сильнее конкретная кармическая связь между людьми или группами людей, тем труднее оказывается прощение. С другой стороны, чем больше необходимое для прощения внутреннее усилие, тем значительней плоды прощения для посмертной и всех последующих земных жизней человека. Ибо ситуация, ставящая в жизни проблему прощения с такой силой, как это произошло в случае Симона Визенталья, всегда проистекает из глубочайших подоснов кармы и в своей духовной сущности является не чем иным, как внутренним вопросом о Христе, вызванным бессознательным приближением к Его духовной сфере.

В этом смысле можно сказать: вся острота проблемы прощения в наше время является одновременно отражением необходимости нового, сознательного отношения к Христу и связанного с этим раскрытия высшего духовного смысла и мировой миссии *прощения*, как это ныне возможно через современную Духовную науку, или Антропософию.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Первый «Призыв к примирению» Марии Штайнер
2. Ответ Иты Вегман

Первый «Призыв к примирению» Марии Штайнер (Рождество 1942 г.)*

Дорнах, 12 декабря 1942 года

*Членам Антропософского
общества в Швейцарии*

Многое можно услышать о проблемах, которые занимают членов нашего Общества. Да и может ли это быть иначе? Проблемы, внешние и внутренние, окружают нас со всех сторон; до некоторой степени они даже взаимозависимы. Поскольку они внутренней природы и воспринимаются душевно-индивидуальным образом, то в своих глубинах они ускользают от понимания членов Общества. Характер же их проявления вовне сильно зависит от грубой, разрушительной суровости современных событий. Ибо все продуктивное, все большие инициативы постепенно пересиливаются и подавляются властью повседневности, и мы стоим перед безжалостным уничтожением уже созданного и осуществленного.

«Во внутренней буре и во внешних битвах воспримет дух таинственное слово: от власти, что связует всех существ, освобождается человек, себя преодолевший» (И.В.Гете "Тайны").

То, что в последние столетия могло стать достижением сознания отдельного человека, должно быть теперь постепенно завоевано группами, общинами. И ни одна задача не является столь трудной, как эта, ибо община — это меняющаяся масса людей: она постоянно меняет не только свой внешний облик, но также и свое внутреннее содержание. Едва лишь одно поколение через жизненные битвы и опыты достигает более зрелой ступени углубленного сознания, уже теснит его следующее поколение или те, кто раньше были в стороне

* «Мария Штайнер. Письма и документы, особенно последних лет ее жизни», Дорнах, 1981 год.

и теперь как пополнение должны снова набираться опыта, игнорируют уже достигнутое до них состояние зрелости и снова начинают с более ранней и менее зрелой ступени. Когда старые проблемы выступают перед этим молодым пополнением, то оно охотно судит о них и скоро на расправу. Однако чаще всего ему недостает необходимых оснований для выработки суждения. В сложных случаях представители нового поколения даже совсем не способны прийти к нему. В этом отношении они всецело зависят от окружающих их мнений и разговоров, которые имеют ту особенность, что не только меняют, подобно Протею, свои формы, но также подменяют саму субстанцию проблем, часто превращая факты в их противоположность. А так как конфликты возникали в ходе лет и десятилетий, то их объективная оценка теряется из-за симпатий и антипатий, а также и из-за самой природы желаний человека. Кто с самого начала не принимал участия во всех конфликтах, быстро запутается в непроницаемой паутине разговоров и мнений и увидит призраки, а не действительность. Он будет блуждать во тьме, и истина ускользнет от него.

Но каждое поколение умнее предыдущего — ведь оно принимает достигнутый интеллектуальный успех и развивает его дальше. Однако мудрее от этого оно не становится, ибо мудрость — это то, чего достигает человек благодаря совершенной им индивидуальной работе и опыту, который он завоевал себе в ходе многих воплощений и в результате правильно прожитой настоящей жизни. Очень поучительно переживать, сколь наивными и даже глупыми могут быть сверхумные люди, и насколько немудрыми — блестяще одаренные натуры!

А как обстоит дело с истиной? Она остается для человечества лишь стремлением. Мы никогда не владеем ею полностью. Сколько самообмана и ослепления разливаются над ней даже тогда, когда мы думаем, что уже обладаем ею! Как она все снова и снова разрывается на куски страстями, самомнением, честолюбием и тщеславием! Но если она живет как стремление, как влечение души, тогда все же имеется основание, на котором можно строить дальше, даже если кажется, что все начинает колебаться. Тогда не все потеряно, и мы не должны отчаиваться. Но это стремление, — даже если оно на некоторое время и заглушено, — оно как влечение должно существовать в человеке, как влечение к правдивости. Когда лгут хладнокровно, прекрасно зная, что делают, тогда, если такая воля сознательно действует в жизни общины, было бы, конечно, иллюзией надеяться на ее выздоровление.

Однако это весьма редкие случаи, и если им придается значение, то они должны быть подтверждены твердо установленными

фактами. Никогда фактическая сторона дела не должна быть затемнена порожденным страстью мнением, симпатией, никогда — эмоционально провоцирующими разговорами. Все это ведет к ложным выводам.

Что же теперь делать, если община, несущая взятое на себя перед лицом мировой истории святое обязательство охранять и развивать дело, без которого человечество должно придти в упадок, сама запуталась в неразрешимых для нее проблемах? Она хочет справиться с возложенным на нее судьбой обязательством, — и, несмотря на это, она не может освободиться от сковывающих ее цепей и груза, потому что люди, в этом все дело, не в состоянии преодолеть себя. Слепое же следование за другим не решает никаких проблем. Что делать?

Тогда также и общиной должно быть сознательно принято решение: преодолеть себя. Трезво и добровольно.

Мы, как Общество, стоим перед вопросом: быть или не быть. Разразившиеся над нами в результате мировой войны катастрофы, изоляция целых стран, обнищание и т.д. делают едва возможным наше спасение как внешнего объединения. Однако еще происходят чудеса. Они происходят, когда моральная субстанция настолько сильна, что она оправдывает чудо. Что же мы можем сделать, чтобы спасти нашу моральную субстанцию?

Мы можем простить! Каждый может простить то, что ему надлежит простить. Мы можем забыть достойное забвения и не копаться в старых, причиненных нам несправедливостях. Мы можем подвести черту под всеми старыми историями, которые похищают у нас силы и в суть которых мы, поскольку мы молоды или живем в стороне, больше не в состоянии заглянуть. Мы можем придерживаться слов: единственно истинно то, что плодотворно. Мы должны снова суметь работать вместе, в единомыслии и не исключая несимпатичных нам людей, не отказывая в сотрудничестве никому из тех, кто верен делу и Рудольфу Штайнеру; не замыкаться и не отгораживаться от тех, кто ищет духовного познания, каким его может дать только Рудольф Штайнер; не отталкивать ищущих душ, ради которых он сознательно избрал путь мученичества: из любви к человечеству, ко всему заблуждающемуся человечеству. Любовь стала в нем познанием, — и она может однажды стать им и в нас, если мы вступим на этот путь.

Мы стоим перед двадцатилетней годовщиной того трагического пожара, который отнял у Рудольфа Штайнера земную жизнь, несмотря на то, что почти в течение двух лет он еще пылал как яркое жертвенное пламя и одарял нас от своего огня негаданными духовны-

ми сокровищами. Разве не можем мы, взирая на эту жертву и эту смерть, в которой мы, без сомнения, виноваты в отдельности и все вместе как Общество, ибо *нашу* карму он взял на себя, разве не можем мы забыть, примириться и широко открыть наши врата ищущим?

Мне кажется, что здесь заложена единственная возможность для нашего очищения — и Общества, и отдельного человека. Я говорю это в полном сознании весомости этих слов, в сознании того факта, что я, согласно человеческому измерению, скоро предстану перед духовным образом Рудольфа Штайнера. Спасем же его дело и культуру человечества через самопреодоление и примирение, широко открыв наши врата ищущим.

Мария Штайнер

Ответ Иты Вегман*

Аскона, 15 февраля 1943 г.

*Лечебный и восстановительный санаторий
Каза Андреа Христофоро.*

Многоуважаемая госпожа Д-р Штайнер.

Пожалуйста, извините, что я Вам пишу. Я прочла Вашу статью к членам Общества, которую Вы написали перед Рождеством 1942 года в приложении к «Гетеануму».

Вашу статью толкуют по-разному. Я позволю себе не иметь на этот счет суждения. Я только очень желаю выразить этими строками, что Ваши слова произвели на меня глубокое впечатление; это великие и исполненные будущего слова.

Разрешите мне, уважаемая госпожа Д-р Штайнер, поблагодарить Вас за них.

С глубочайшим уважением
преданная Вам

Ита Вегман

* «Мария Штайнер. Письма и документы, особенно последних лет ее жизни», Дорнах, 1981 год.

ПРИМЕЧАНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ

Курсив во всех цитатах, приведенных в настоящей работе, почти всюду дан автором.

Библ... — библиографические номера томов полного собрания сочинений Рудольфа Штайнера, которое издает на немецком языке в Дорнахе (Швейцария) «Управление наследием Рудольфа Штайнера» (Rudolf Steiner — Nachlaßverwaltung) — «Рудольф Штайнер издательство» (Rudolf Steiner Verlag).

1. Библ. 4, гл. IX.
2. Ф.Риттельмайер. Отче Наш. Путь к становлению человека. Штутгарт: 1985.
3. См. о разделении человечества на две расы — «добрую» и «злую», которое начнется уже в шестую эпоху, в лекции от 25.6.1908 (Библ. 104).
4. См. описание «Славянского человека» в живописи малого купола Первого Гетеанума в лекции от 29.6.1921 «Строительная идея Гетеанума», вышедшей отдельным изданием (Дорнах: 1986), а также приложение 1 в книге С.О.Прокофьева «Духовные судьбы России и грядущие Мистерии Святого Грааля» (Дорнах: 1989; М.: Энигма, 1994). Кроме того, см. об отношении русского человека к двойнику в лекции от 16.11.1917 (Библ. 178).
5. См. лекцию от 25.6.1908 (Библ. 104).
6. См. прим. 2.
7. См. лекции от 28.1.1907 (Библ. 96) и от 4.2 и 6.3, 1907 (Библ. 97).
8. Библ. 97, 4.2.1907.
9. Библ. 96, 28.1.1907.
10. Библ. 185, 25.10.1918 и гл. VI, VII.
11. Библ. 110, 18.4.1909 (II).
12. Библ. 174а, 23.3.1915.
13. Библ. 132, 21.11.1911.
14. Библ. 13, гл. «Настоящее и будущее в развитии мира и человечества».

15. Там же. — Поскольку в мировом развитии большие периоды отражаются в малых, имеется связь между грядущим воплощением Юпитера и шестым большим периодом Земли, который наступит после «войны всех против всех», а также шестой культурной эпохой (славянской). Кроме того, семь прошений «Отче Наш» являются не только ключами к семи культурным эпохам, но и к семи большим периодам. Так, самый ранний из них, Полярный период, является выражением *Воли* духовного мира, ведущий весь земной мир к его физическому проявлению. В Гипербореюскую эпоху, во время которой Солнце отделилось от Земли, окончательно определяется отношение к ней сил солнечного *Царства* и населяющих его высших существ. В Лемурийскую эпоху человек после отделения Луны впервые выступает в земной эволюции как носитель Божественного *Имени* (индивидуального Я). Далее, на Атлантиде, он, наконец, вступает на Землю как физическое существо. Проблема «насущенного хлеба» впервые становится для него актуальной. В послеатлантический период основной для него становится проблема «прощения», как она рассматривается в настоящей работе. Шестой и седьмой большие периоды будут стоять под знаком все нарастающей борьбы со злом, победа над которым будет необходима для последующего одухотворения Земли. Ключевыми изречениями для них поэтому являются два завершающих прошения «Отче Наш». (Подробная характеристика перечисленных здесь больших периодов дана в Библ. 11 и 13.)

16. Библ. 175, 6.2.1917.

17. Изд-во Ульштан, Франкфурт-на-Майне, 1984. — В связи с приведенными в этой главе примерами прощения необходимо заметить, что автор был вынужден ограничиться лишь примерами, «взятыми из жизни», и отказаться от рассмотрения литературных примеров, поскольку их обилие в мировой литературе повело бы к значительному увеличению объема книги. В произведениях русской классики (Толстой, Достоевский, Чехов и др.), а в XX веке — особенно в произведениях Альберта Штеффена — можно найти глубокое развитие этой темы в художественной форме.

18. Георг Г. Ричи, Элизабет Шерилл. Возвращение из завтра. Марбург-на-Лане, 1984.

19. Письмо цитировано по его публикации в статье «Событие 1 марта и Владимир Соловьев». *Наше наследие*, № II (1988).

20. Черновик письма цитирован по Собранию сочинений Л.Н.Толстого в 22-х томах, письмо № 378. М., 1984 г. Т. 17.

21. Реакция Александра III на письмо В.Соловьева приведена в статье «Событие 1 марта...» (см. прим. 19), а на письмо Л.Толстого в примечаниях к письму № 380 (см. прим. 20).

22. См. об этом подробнее в книге С.О.Прокофьева «Духовные судьбы России и грядущие Мистерии Святого Грааля». Ч.II, III. (Дорнах: 1989; М.: Энигма, 1994).

23. Листок сообщений «Что происходит в Антропософском обществе». — Приложение для членов Антропософского общества к журналу «Дас Гетеанум». (Текст «Призыва к примирению» см. в приложении к настоящей работе.)

24. Мария Штайнер. Письма и Документы. Ч.III. Дорнах: 1981.

25. См. полный текст письма И.Вегман в приложении.

26. См. прим. 22.

27. Цитировано по статье М.Штайнер «Слова воспоминаний», на-

писанной в сентябре 1926 г. и опубликованной в «Вестнике Управления наследием Рудольфа Штайнера» № 23, Дорнах: 1968.

28. Библ. 258, 16.6.1923.

29. О «сильнейшей оппозиции», «внутренней оппозиции... которая существует, собственно, против моих намерений (в Обществе) в очень сильной мере», Рудольф Штайнер говорит также на собрании членов Общества в Штутгарте 4 сентября 1921 г. (см. Л. Колиско. «Евгений Колиско. Очерк жизни», 1961).

30. См. прим. 27.

31. См. прим. 24, ч. 1.

32. Эммануил Зельманс. Вильгельм Зельманс ван Эммиховен. Пионер Антропософии. Арлесхайм: 1979 и след. цитата.

33. См. прим. 31.

34. Предисловие М.Штайнер, озаглавленного «Конец и рубеж 1923 — 1924 годов» к первому изданию оригинальных стенограмм Рождественского Собрания (Библ. 260).

35. См. прим. 32.

36. Там же.

37. Клара Крейцер. Сильное единство в свободной множественности. Штутгарт: 1986, гл. «Швенингерский круг».

38. Библ. 99, 6.6.1907.

39. Библ. 133, 20.6.1912.

40. Охарактеризованное в приведенных словах Рудольфа Штайнера особое положение Христиана Розенкрейца как «величайшего мученика среди людей», явившееся результатом его соучастия в несении кармы становящегося индивидуального Я в человечестве, нашло также свое отражение в той ступени духовного развития, которой он достиг после своего Посвящения в 1459 году, описанного в книге Валентина Андреа «Химическая свадьба Христиана Розенкрейца в 1459 году». Кроме того, достижение этой высшей степени было связано с тем особым Посвящением в «функцию зла», которое он одновременно получил от самого Мани (см. прим. 149).

В завершении «Химической свадьбы» упомянутая ступень Посвящения изображается в образе принятия на себя Христианом Розенкрейцем миссии облаченного «в небесно-голубое одеяние» Стража, поставленного у величественного портала врат, отделяющих земной мир от духовного. (Позднее в имажинации, данной Рудольфом Штайнером Ите Верман, Христиан Розенкрейц также предстает в голубом одеянии. (см. прим. 41).) Это деяние совершается Христианом Розенкрейцем добровольно и характеризуется им самим в следующих словах: «Но я думал, что не существует ничего более благородного, чем из любви к моему Ордену упражняться в добродетелях; а также, что ни одна из них не казалась мне тогда столь славной и столь труднодостижимой, как благодарность. Поэтому я преодолел себя, несмотря на то, что я действительно мог бы пожелать себе нечто более приятное, и решил, несмотря на всю опасность, которая мне угрожала, освободить Стража, моего благодетеля» (цит. по изданию в издательстве «Ибинден», Базель 1978 г.). В этих словах мы можем снова найти оба основных элемента истинного прощения: самопреодоление и жертвенная отдача себя миру, способствующая освобождению человечества. Далее в «Химической свадьбе» говорится о том, что совершение такой жертвы и принятие на себя столь трудной миссии оказалось

нелегким делом даже для столь продвинутой индивидуальности, как Христиан Розенкрейц, потребовав от него настоящей душевной борьбы.

Чтобы действительно понять оккультное значение принятой на себя Христианом Розенкрейцем миссии *Стража человечества*, необходимо обратиться к лекции Рудольфа Штайнера от 27 марта 1913 г. (Библ. 145). В ней описывается, как при сознательном прохождении Порога посвященному открывается *небесный противополож* того, что в Ветхом Завете изображается как история Каина и Авеля. Этот противополож заключается в том, что посвященный должен в духовных мирах полностью соединиться со своим высшим духовным началом (Высшим Я), выступающим там как самостоятельное духовное существо. А так как это высшее духовное существо одновременно является представителем абсолютной жертвенности, то лишь соединение с ним может даровать посвященному силы для совершения шага, подобного тому, который совершил Христиан Розенкрейц.

Этот шаг заключается в том, что, соединившись с этим духовным существом, Христиан Розенкрейц не остался в духовном мире, но, следуя высшим инспирациям, родственным инспирациям Великого Стража порога, снизошел обратно на Землю (см. прим. 225), чтобы стать на ней Стражем этого существа в человеке, то есть Стражем развития в человечестве высшего Я. В вышеупомянутой лекции Рудольф Штайнер описывает воспринимаемую в этот момент посвященным инспирацию в следующих словах: «Так как ты нашел путь к другому (духовному существу) и соединился с его жертвенным дождем, то ты можешь с ним и в нем вернуться на Землю, и я определю тебе на Земле быть его Стражем».

Таким образом, в результате своего Посвящения в 1459 году Христиан Розенкрейц достиг в своем индивидуальном развитии полюса, диаметрально противоположного тому, на котором некогда, в самом начале земного становления человечества, находился Каин. В те древнейшие времена Каин ответил высшему инспирирующему голосу в себе: «Разве я сторож брату моему?» (Быт. 1, гл. 4, 9). Этим он с необходимостью направил всю последующую эволюцию человечества в сторону развития индивидуального земного Я и вытекающего отсюда все большего и большего разобщения людей, вплоть до возможности возникновения среди них «войны всех против всех». В противоположность ему Христиан Розенкрейц добровольно стал «Стражем» своих человеческих братьев в их стремлении к развитию в себе высшего Я, ведущего к грядущему объединению людей в новое духовно-социальное целое (см. об этом подробнее С.О.Прокофьев: «Кругооборот года как путь Посвящения. Эзотерическое рассмотрение основных христианских праздников». Ч.IV, гл. 6 Ереван: Ной, 1994).

Можно также сказать, что становясь «Стражем» развивающегося человечества, Христиан Розенкрейц, в известном отношении, берет на себя одновременно карму Каина, точнее, обусловленную деянием Каина карму всего Я-развития человечества, чтобы поступенно в манихейском духе обратить ее в добро. На языке звездных писем эта миссия Христиана Розенкрейца может быть охарактеризована как постепенное преобразование сил Скорпиона в силы Орла.

41. М. и З. Кирхнер-Бокхольт. Общечеловеческая задача Рудольфа Штайнера и Иты Вегман. Дорнах: 1981. Гл. Миссия Рудольфа Штайнера.

42. С.О.Прокофьев. Рудольф Штайнер и Краеугольные Мистерии

нашего времени. — Штутгарт: 1986; Ереван: Ной, 1992.

43. Библия, 13, гл. «Сущность человечества».

44. Там же.

45. Библия, 234, 8.2.1924.

46. Библия, 234, 10.2.1924.

47. Библия, 317, 26.6.1924.

48. В лекции от 20.2.1917 (Библия, 175) Рудольф Штайнер формулирует эту мысль так: «...Вместо того, чтобы использовать сложное выражение «Мы находимся в связи с Иерархией Ангелов»: «Мы находимся в связи с тем, что должно прийти в будущем, с нашим Самодухом».

49. Библия, 15, гл. III.

50. Библия, 93а, 18.10.1905.

51. Духовная наука различает в человеческом существе не пять, а двенадцать чувств, связанных с кругом Зодиака. Из них семь, упомянутых в тексте, являются «дневными» чувствами, а пять остальных (чувства обоняния, осязания, равновесия, движения и чувство жизни) — «ночными». См. об этом подробнее в Библия, 199, 8.8.1920.

52. Библия, 26, статья «Мировые мысли в деятельности Михаэля и в деятельности Аримана», от 16.11.1924.

53. Библия, 10, глава «Условия ученичества».

54. Библия, 193, 11.2.1919. — О необходимости развития терпимости на пути современного духовного ученичества Рудольф Штайнер говорит также в своей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» (Библия, 10) в связи с развитием 12-лепесткового цветка лотоса (глава «О некоторых последствиях Посвящения»).

55. Там же и след. цитата.

56. Библия, 187, 1.1.1919.

57. Библия, 133, 20.5.1912. — Если, по словам Рудольфа Штайнера, явление Христа в эфирном теле, начавшееся в XX столетии, будет длиться 3000 лет, то его завершение и одновременно кульминация придется приблизительно на 4900 — 5000 год, что будет соответствовать второй половине шестой культурной эпохи, которая начнется в 3573 и продлится до 5733 года.

58. Сказанное имеет свое основание в том, что, если в истинном прощении участвуют силы Манаса (Самодуха), то в процессе принятия на себя кармы других людей участвуют силы Будхи (Жизнедуха). Последние же достижимы в наше время лишь на пути духовного ученичества. (Ср. Библия, 93а, 24.10.1905).

59. Библия, 93, 4.11.1904.

60. Рудольф Штайнер говорит в связи с этим: «Продвижение вперед заключается тогда лишь в том, что люди будут развивать повышенную интеллектуальность не только для себя, но понесут ее также в астральный мир. Через такое интеллектуальное ясновидение продвинутому в этом смысле людям все больше и яснее выступит навстречу в течение ближайших трех тысячелетий эфирно-видимый Христос» (Библия, 130, 18.11.1911).

61. Библия, 130, 21.9.1911.

62. Библия, 110, 18.4.1909 (II).

63. Там же.

64. Библия, 14, «Страж Порога», 8-ая картина. Оттуда же и след. цитата.

65. Стремясь захватить внутреннее существо человека и утвердить

в нем свою власть, противоборствующие силы преследуют еще одну цель. Она состоит в следующем. То, что при жизни является внутренним человека, после его смерти в результате процесса «выворачивания» становится всем планетарным космосом (см. об этом, например, в Библи. 227, 28.8.1923). А отсюда следует открывающаяся для противоборствующих сил возможность, завладев человеком, распространить свою власть и на весь космос.

66. См. прим. 68. — Связь астрального тела человека с Луной, а эфирного — с Солнцем проистекает из того факта, что зачатки первого были заложены в человека на древней Луне, а второго — на древнем Солнце. См. также Библи. 13, главу «Развитие мира и человек».

67. Рудольф Штайнер говорит в связи с этим: «Я (человека) могло только потому выступить на Земле в достаточно подготовленные тела и далее развиваться в них под влиянием способствующего развитию Импульса Христа, что Христос макрокосмически является тем, чем наше Я является микрокосмически и что оно означает для человека» (Библи. 130, 18.11.1911). И далее, в другой лекции: «Это было, следовательно, естественным для развития Существа Христа — когда оно снизошло на нашу Землю из Макрокосмоса, — принести (на Землю) великий импульс макрокосмического Я с тем, чтобы микрокосмическое Я, человеческое Я, восприняло этот импульс и смогло бы продвинуться дальше в своем развитии» (Библи. 130, 9.1.1912). О Христе, как о Новом Духе Земли, см. Библи. 103, 26.5.1908.

68. О теле Воскресения или о «фантоме» см. Библи. 131, 10. и 11.10.1911. — Рудольф Штайнер характеризует люциферические существа как отставшие на древней Луне и первоначально принадлежавшие к иерархии Ангелов, а ариманические существа как отставшие на древнем Солнце, а значит принадлежавшие к иерархии Архангелов. (См., например, Библи. 120, 22.5.1910). Азуры же он характеризует как существа, отставшие еще на древнем Сатурне и принадлежащие к иерархии Архаев, или Духов Личности. (См. Библи. 99, 2.6.1907). В связи с этим в ответе, данном на вопрос об Азурах 21 апреля 1909 года, Рудольф Штайнер говорит: «Злые Азуры — это существа, которые опять-таки стоят в их воле ко злу на одну ступень выше, чем ариманические существа и на две ступени выше, чем люциферические».

Чтобы теперь лучше понять описанный процесс искупления этих трех категорий противоборствующих духов, необходимо вкратце охарактеризовать существо соответствующих им духов правильного развития, то есть Ангелов, Архангелов и Архаев. Как известно, Ангелы являются носителями полностью развитого Самодуха, их самым внешним телом является эфирное, а самым высшим членом — восьмой, расположенный над Духочеловеком. Архангелы несут в себе полностью развитый Жизнедух, их самой внешней оболочкой является астральное тело, а самым высшим членом — девятый. Архаи же несут в себе полностью развитого Духочеловека, их низший член соответствует человеческому Я, а наивысшим является десятый. Эти три самых возвышенных члена: восьмой, девятый и десятый, образующие высший идеал существ третьей иерархии, подобно тому как высшим идеалом земного человечества является достижение ступени Духочеловека (седьмого члена), — они, в смысле христианской эзотерики, могут быть обозначены как Святой Дух, Сын и Отец (см. об этом в Библи. 99, 2.6.1907). Конечно, это еще не сама Наивысшая Троица, а лишь

ее отражение на иерархическом уровне.

Из сказанного следует, что Ангелы — это существа, которые в своем Самодухе постоянно живут в образах (имагинациях) Святого Духа; Архангелы исполнены в своем Жизнедухе инспирациями Сына, а Архаи в своем Духочеловеке — интуициями Отца. Так являются они служителями и посланниками Пресвятой Троицы в духовном мире.

Подобно им также и отставшие Ангелы, Архангелы и Архаи несут в себе соответственно развитые Самодух, Жизнедух и Духочеловека. Но связь этих духовных членов с более высоким иерархическим отражением Троицы (то есть с восьмым, девятым и десятым членами) оборвана. Поэтому Люцифер из своего Самодуха не устремляется к своему восьмому члену, а отворачивается от него и таким образом становится в космосе противником Святого Духа. Подобным же образом Ариман отворачивается от девятого члена и становится противником Сына (Христа), а Азуры, отворачиваясь от десятого члена, становятся противниками Отца.

Лишь после сказанного мы можем глубже понять описанный выше процесс их искупления. Ибо встречаясь в астральном теле человека с Самодухом Христа, несущим в себе силы Святого Духа, люциферические существа вновь обретают правильную связь со своим высшим, восьмым членом, а через него и со всем правильным или добрым космосом, изначально являющимся в своем существе отражением Святой Троичности. Далее, встречаясь в эфирном теле человека с Жизнедухом Христа, несущим в себе силы Сына, ариманические духи вновь обретают связь со своим высшим, девятым членом, а через него со всем добрым космосом. И, наконец, Азуры, встречая «субстанцию Воскресения» в физическом теле человека, исходящую от Духочеловека Христа, несущего в себе силы Отца, обретают новое отношение к своему десятому члену, а через него снова включаются в жизнь доброго космоса. Иначе говоря, они опять обращаются к силам высшей Троичности и становятся ее служителями, подобно всем другим иерархиям правильного развития.

О конкретном проектируемом из Антропософии пути, на котором уже ныне человек может учиться соучаствовать в этом процессе искупления, будет сказано в конце VIII главы.

69. Библ. 107.

70. Ср. Библ. 107, 22.3.1909 и Библ. 93, 23.5.1904, а также прим. 68.

71. Библ. 113, 31.8.1909. — О работе истинных розенкрейцеров над искуплением Люцифера Рудольф Штайнер говорит в лекции от 28.8.1909 (Библ. 113). Еще раньше эта работа велась в эзотерических кругах Мистерий Грааля, на что указывает легенда о происхождении драгоценного камня, из которого была сделана святая Чаша, из короны Люцифера, выпавшего из нее при падении последнего. (См. Библ. 113, лекции от 23. и 27.8.1909).

72. Библ. 107, 22.3.1909. — Об искуплении Люцифера, а также об отношении его искупления к Мистерии Пятидесятницы повествуется в одном старинном манускрипте, оригинал которого хранится в ватиканской библиотеке и принадлежит к ее важнейшим тайнам. Единственный человек, владевший его копией, был граф Сен-Жермен в XVIII веке. (См. Библ. 93, 23.5.1904).

73. Библ. 107, 22.3.1909.

74. См., например, монолог Бенедикта, завершающий 4-ю драму-

мистерию «Пробуждение душ» (Библ. 14).

75. О предстоящем в начале третьего христианского тысячелетия воплощении на Земле Аримана Рудольф Штайнер говорит в лекциях от 1.11.1919, 15.11.1919 (Библ. 191); 27.10.1919, 4.11.1919 (Библ. 193); 28.12.1919 (Библ. 195).

76. См. прим. 73.

77. Отсюда становится более понятным, почему Рудольф Штайнер в целом так мало говорит об Азурах. Во-первых, это связано с тем, что их искушение в полной мере еще только предстоит человечеству в будущем (см. прим. 73), а, во-вторых, потому что сама возможность противостояния им будет непосредственно зависеть от того, какое направление примет все земное развитие в результате предстоящего вскоре воплощения Аримана: иначе говоря, насколько человечество окажется духовно подготовленным к его приходу и к преодолению тех мощных искушений, которые тогда изойдут от него.

78. О том, что обнародованный в «Очерке Тайноведения» (Библ. 13) семичленный путь Посвящения является *розенкрейцеровским*, Рудольф Штайнер говорит во многих своих более ранних лекциях. См., например, Библ. 97, 11.12.1906 и Библ. 99, 6.6.1907.

79. Библ. 14, «Страж Порога», сцена 6. — В лекции от 9.4.1924 (Библ. 240) Рудольф Штайнер иллюстрирует этот закон на особом примере кармической связи Гарибальди, бывшего в своем прошлом воплощении посвященным Гибернийских мистерий, и трех его тогдашних учеников, воплотившихся в XIX веке как Кавур, Мадзини и король Виктор-Иммануэль.

80. См. подробнее об этой шестой ступени в кн.: С.О.Прокофьев. Крутооборот года как Путь Посвящения. Эзотерическое рассмотрение основных христианских праздников. Штутгарт: 1989; Ереван: Ной, 1994. Ч. X, гл. 2.

81. По этой причине Рудольф Штайнер в своих многочисленных описаниях семичленного розенкрейцеровского Пути Посвящения практически ничего не говорит о его наивысшей, седьмой ступени, которую он в ранних лекциях обозначает как «Блаженство в Боге» (см. прим. 78), а в «Очерке Тайноведения» еще более общим образом: «Совокупное переживание предшествующих опытов как основное душевное настроение».

82. См. прим. 25 и полный текст «Призыва» в приложении.

83. Библ. 10, глава «Посвящение».

84. Там же.

85. Библ. 218, 19.11.1922.

86. Библ. 233, 13.1.1924.

87. Библ. 102, 27.1.1908 и С.О.Прокофьев. «Двенадцать Священных Ночей и духовные Иерархии». Дорнах: 1989; Ереван: 1993. Ч. I, гл. 2.

88. Это выражение Рудольф Штайнер употребляет в статье «Переживание Михаэля-Христа человеком», написанной 2.11.1924 (Библ. 26).

89. Библ. 239, 8.6.1924.

90. Библ. 13, глава «Настоящее и будущее в развитии мира и человечества».

91. Библ. 131, 14.10.1911 и Библ. 130, 2.12.1911.

92. Библ. 130, 21.9.1911.

93. Библ. 130, 2.12.1911.

94. Библ. 116, 8.5.1910, см. также Библ. 131, 14.10.1911.

95. См., например, Библ. 103, 26.5.1908; Библ. 112, 7.7.1909; Библ. 114, 26.9.1909; Библ. 155, 15-16.7.1914.

96. См. прим. 3 и 90.

97. Библ. 155, 15.7.1914.

98. Там же.

99. Там же.

100. Библ. 181, 19.3.1918.

101. Библ. 102, 24.3.1908; см. также гл. VI-5.

102. Полный текст определения *Самодуха* в «Теософии» (Библ. 10) гласит: «Дух излучается в «Я» и живет в нем, как в оболочке... Этот образующий «Я» и живущий как «Я» Дух пусть будет назван Само-Духом, потому что он является как «Я» или самость в человеке». И далее: «Самодух — это *откровение* Духовного мира внутри Я». Эти последние слова относятся прежде всего к действию Самодуха в период нынешнего воплощения Земли, когда его силы могут вступать в человека лишь как откровение свыше. Только это «откровение Самодуха» не является чем-то абстрактным, но связано с конкретным проникновением его субстанции в человеческое Я. Кроме того, само слово «откровение» в данном случае указывает на то, что на этой ступени Самодух еще не становится собственностью человека, не охватывается полностью его Я, как это однажды будет на Юпитере, а лишь «осеяет человеческое Я свыше», оставаясь при этом своей изначальной сущностью еще в Духовном мире. (Ср. Библ. 175, 20.2.1917).

Весь описанный процесс можно также охарактеризовать в словах, в которых Рудольф Штайнер описывает нисхождение Самодуха, как Высшего Я человека, в шестую культурную эпоху: «Когда в конце шестой культурной эпохи в людей вступит Самодух, действительно будет существовать духовное Солнце, к которому будут иметь склонность все люди и в котором они все придут к согласию... Это будет очень важная культурная эпоха, шестая эпоха; ибо она, благодаря общей мудрости, принесет мир и братство. Принесет мир и братство благодаря тому, что тогда не только для отдельных избранных людей, но для целой части человечества, проходящей нормальное развитие, снизойдет Высшее Я, сначала в своей более низкой форме, как Самодух, или Манас (под «высшими формами» Я здесь подразумеваются Жизнедух и Духочеловек). Произойдет объединение человеческого Я, как оно таким образом постепенно сформировалось, с Высшим Я, с объединяющим Я. Мы можем это назвать *духовным браком* — так всегда обозначали в христианской эзотерике соединение человеческого Я с Манасом, или Самодухом» (Библ. 103, 30.5.1908-1).

103. Библ. 155, 16.7.1914.

104. Ср. Библ. 158, 9.11.1914 и Библ. 174а, 3.12.1914.

105. Библ. 158, 9.11.1914.

106. Библ. 178, 16.11.1917.

107. Библ. 158, 9.11.1914.

108. Библ. 182, 16.10.1918.

109. С.О.Прокофьев. Духовные судьбы России и грядущие Мистерии Святого Грааля. Дорнах: 1989; М.: Энигма, 1994. Ч. III, гл. 20.

110. Библ. 107, 2.11.1908.

111. Библ. 144, 4.2.1913.

112. Библ. 176, 14.8.1917.

113. Библ. 236, 4.6.1924.

114. Там же.
115. См. прим. 110.
116. Ср. Библ. 227, 26.8.1923.
117. В дальнейшем, еще ближе к Повороту Времен о человечестве «вспоминали» в основном лишь злые боги (люциферические и ариманические). Отсюда распространенное в позднем античном мире представление о «зависти богов» (ср. Библ. 233, 31.12.1923).
118. Например, упоминаемый в еврейском тайноучении «голос Бат-Коль» в его первоначальной, неискаженной форме, как он еще инспирировал пророка Илью. Рудольф Штайнер говорит о нем в лекции от 5.10.1913 (Библ. 148).
119. Библ. 116, 2.5.1910.
120. Библ. 116, 8.5.1910.
121. Цитировано по лекции Карла Унгера «Что такое Антропософия?». — Собр. соч. Карла Унгера в 3-х т.; т. I. Штутгарт: 1964.
122. Этот элемент познания по отношению ко всему злomu и несовершенному в мире занимает важное место в современном духовном ученичестве. Рудольф Штайнер пишет в этой связи в книге «Как достигнуть познаний высших миров?»: «Учение тайноведения подавляет в себе всякую излишнюю критику по отношению к несовершенному, злomu и плохому и больше ищет *понимания* всего того, что ему встречается». (Библ. 10, глава «О некоторых последствиях Посвящения»).
123. Библ. 165, 16.1.1916 и Библ. 240, 27.8.1924.
124. Библ. 159/160, 15.6.1915.
125. Библ. 148, 2.10.1913.
126. Библ. 102, 24.3.1908.
127. См. прим. 68.
128. Эта ответственность за все, что происходит на Земле, является также важнейшей составной частью современного пути духовного ученичества. В своей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» (Библ. 10) Рудольф Штайнер указывает на него, как на второе, связанное с эфирным телом, условие ученичества, формулируя его так: «Второе условие заключается в том, чтобы чувствовать себя *членом* всеобщей жизни». И далее там же говорится о необходимости возникновения у духовного ученика следующего чувства: «я являюсь только членом всего человечества и *также ответственен* за все то, что (в нем) происходит». (В обеих цитатах курсив оригинала).
129. Библ. 186, 7.12.1918.
130. О том, что уже в наше время имеется возможность приготовления в развитии человечества эпохи Самодуха, шестой эпохи, Рудольф Штайнер говорит неоднократно в своих лекциях. Например, в Библ. 144, 7.2.1913; Библ. 159/160, 15.6.1915.
131. Библ. 103, 30.5.1908 (1) и Библ. 104, 20.6.1908.
132. Библ. 123, 11.9.1910 и след. цитаты.
133. См. прим. 3.
134. Библ. 194, 23.11.1919.
135. Библ. 237, 8.8.1924.
136. Библ. 215, 15.9.1922.
137. См. прим. 42. Ч. III, гл. 7.
138. Библ. 211, 11.6.1922.
139. Библ. 159/160, 15.6.1915.

140. Библ. 185, 25.10.1918.

141. Там же и след. цитата.

142. Библ. 152, 2.5.1913.

143. Библ. 185, 26.10.1918.

144. В лекции от 26.10.1918 (Библ. 185) Рудольф Штайнер говорит в связи с этим: «Тот, кто переступает Порог духовного мира, тот получает следующий опыт: в мире не существует ни одного преступления, к которому в своем подсознании не имел бы склонности каждый человек, поскольку он принадлежит пятому послеатлантическому периоду. Он имеет эту склонность; однако, поведет ли в том или ином случае эта склонность ко злу внешним образом к злему поступку, это зависит от совсем иных обстоятельств, чем от этой склонности».

145. О современной Духовной науке, как о духовном языке, на котором человечество настоящего и будущего сможет обращаться к Эфирному Христу, Рудольф Штайнер говорит в лекции от 6.2.1917 (Библ. 175); также в лекции от 1.10.1911 (Библ. 130) он указывает на то, что ведущее к ясновидческому переживанию Эфирного Христа соединение двух потоков эфиризованной крови, текущей в человеке от сердца к голове, может ныне произойти лишь в результате действительного *понимания* Импульса Христа, как оно ныне дается человечеству в Духовной науке.

146. Библ. 185, 26.10.1918.

147. См. описание основной розенкрейцеровской медитации в Библ. 13, глава «Познание высших миров», а также «медитацию Грааля» в лекции от 6.6.1907 (Библ. 99).

148. Началу этого постепенного преодоления смерти в человечестве, по крайней мере в ее современной форме, будет соответствовать и совершенно иной процесс рождения. Рудольф Штайнер указывает на него в лекции от 28.10.1917 (Библ. 177), относя время его распространения на Земле уже к седьмой культурной эпохе.

149. Библ. 93, 11.11.1904 и след. цитата. Сказанное подтверждается еще фактом того, что, согласно Рудольфу Штайнеру, сам Мани в 1459 году посвятил Христиана Розенкрейца в манихейские мистерии познания зла (см. «Рукописи Барра», II, Библ. 262).

150. Библ. 104, 25.6.1908.

151. О всем значении именно этого душевного качества также и для современного христианско-розенкрейцеровского пути ученичества Рудольф Штайнер говорит в своей книге «Как достигнуть познаний высших миров?», характеризуя в ней «кротость» как «основное средство всякого тайноведческого обучения», средство, которое «открывает (духовные) органы» (Библ. 10, глава «Практические точки зрения»).

152. Между основателем манихейства, жившим в III христианском столетии и жившим в VIII-IX столетии Парсифалем, согласно духовнонаучным исследованиям Рудольфа Штайнера, существует самая непосредственная связь, а именно: Парсифаль является одним из позднейших перевоплощений индивидуальности Ману. (См. Библ. 264, с. 230).

153. Рудольф Штайнер говорит в связи с этим в лекции от 16.7.1914 (Библ. 155): «Возьмем все это вместе, мои дорогие друзья, и вспомним с этой точки зрения о словах Христа, с которыми Он посылает Своих учеников в мир возвещать Его Имя и прощать Его *Именем* грехи. Почему прощать грехи Его Именем? Потому что прощение грехов связано с Его Именем...». В сцене послания Воскресшим Своих Апостолов в мир толь-

ко в двух Евангелиях, от Луки и от Иоанна, повествуется о даре прощения грехов; причем в первом из них этот дар связывается с Именем Христа (24, 47), а во втором — с ниспосылаемым Им Святым Духом (20, 22-23). Поэтому можно сказать: Лука дает нам более внешнюю сторону события, говоря о прощении грехов силой Самодуха (Имени) Христа, а Иоанн указывает на его эзотерическую сторону — он изображает Самодух Христа, как непосредственное откровение Святого Духа (ср. с прим. 68).

154. Библ. 144, 7.2.1913.

155. Об этих двух путях к Христу, исходной точкой одного из которых является терпимость, а другого — новый идеализм, см. Библ. 193, 11.2.1919. Кроме того, о розенкрейцеровском пути как о пути Посвящения воли см., например, в лекции от 19.6.1908 (Библ. 104).

156. Библ. 93, 11.11.1904 и след. цитата.

157. См. об этом подробнее в книге: Сергей О. Прокофьев. Кругооборот года как Путь Посвящения. Эзотерическое рассмотрение основных христианских праздников. Штутгарт: 1989; Ереван: Ной, 1994. Ч. XII, гл. 2, 3.

158. Библ. 175, 6.2.1917.

159. Библ. 23а, 13.1.1924.

160. См. Матф. 5, 39-41, 44; 18, 21-22; Лука 6, 29, 27-28, 35, 37.

161. Библ. 93, 11.11.1904.

162. Цитировано по кн.: Фернанд Ниль. Альбигойцы и Катары. Париж: Университетские издательства Франции, 1959.

163. Библ. 93, 11.11.1904.

164. О созданном Мани в IV веке эзотерическом консилиуме, в котором, кроме него, участвовали Скитианос, Заратустра и Будда, говорится в лекции от 31.8.1909 (Библ. 113); о Посвящении Христиана Розенкрейца в XIII веке и об основании розенкрейцеровского течения — в лекции от 27.9.1911 (Библ. 130); о розенкрейцерах как о хранителях в новое время также и мистерий Грааля — в лекции от 24.6.1909 (Библ. 112). (См. также прим. 78 и «Очерк тайноведения» (Библ. 13), где современный — розенкрейцеровский — путь Посвящения охарактеризован как ведущий к «Науке о Граале», а его посвященные названы «посвященными «Грааля»».)

165. О связи Мани с Мистериями Грааля см. прим. 149. — Об участниках консилиума IV столетия (см. прим. 164), как об основных эзотерических учителях в школах истинных розенкрейцеров, Рудольф Штайнер говорит в Библ. 113, 31.8.1909 (см. также Библ. 109/111, 31.5.1909).

166. Библ. 104, 25.6.1908.

167. См. прим. 91.

168. Библ. 28 и две след. цитаты.

169. Библ. 151. О необходимости сознательного развития именно этого качества на пути современного духовного ученичества Рудольф Штайнер неоднократно говорил и писал позднее в своих работах. Например, в книге «Как достигнуть познаний высших миров?» мы читаем: «Ученики чувствуют себя обязанными в порядке упражнения в известное время выслушивать самые противоположные мысли и при этом совершенно приводить к молчанию всякое согласие и особенно все отрицательные суждения» (Библ. 10, глава «Подготовление»).

170. Библ. 28.

171. См. лекцию от 4.11.1913, опубликованную в кн.: Письма Ру-

дольфа Штайнера. Т. I. Дорнах: 1953, а также прим. 42.

172. Способность воспринимать высшее Я другого человека, а значит в полном сознании следовать за его душой после смерти, явилась результатом того оккультного обучения, которое Рудольф Штайнер получил в то время от своего эзотерического Учителя. По его собственным словам исходной точкой полученного им тогда оккультного обучения были произведения Фихте, средневропейского философа «Я» (См. прим. 171).

173. Библ. 28 и след. цитаты.

174. Ср. Библ. 28, гл. XVIII и XV; Библ. 262, «Рукописи Барра» I, а также указание на Ницше и Геккеля в кармических лекциях: Библ. 235, 15 и 23.3.1924.

175. См. также сказанное о Ницше и Геккеле в Библ. 240, 20.7.1924 и в Библ. 233, 13.1.1924.

176. Библ. 238, 23.9.1924.

177. См. так называемый «Гаагский разговор», опубликованный в кн.: В.Н.Штайн. Рудольф Штайнер. Документация совместной деятельности, указующей новые пути. Дорнах: 1985.

178. См. Ф.Риттельмайер. Моя жизненная встреча с Рудольфом Штайнером. Штутгарт: 1983.

179. Из письма к В.Хюббе-Шлейдену, опубликованного в кн.: Письма Рудольфа Штайнера. Т. II. Дорнах: 1953.

180. «Рукописи Барра» III в Библ. 262.

181. Сообщения для членов немецкой секции Теософского Общества, № XIV, декабрь 1912.

182. Имеется в виду провозглашение Ч.Лидбитером и А.Безант индийского мальчика Кришнамурти новым мировым мессией, то есть одновременно и Христом и Бодисаттвой-Майтрейей. Сам Кришнамурти позднее отказался от навязанной ему ложной роли и вышел из Теософского общества.

183. Библ. 28, гл. XXXI.

184. См. прим. 178.

185. См. Ф.Пеппиг. Ретроспективный взгляд на переживания, встречи и людей в Антропософском движении 1923—63 гг.. Базель: 1964.

186. См. прим. 178 и след. цитата.

187. Хр. Линденберг. Рудольф Штайнер. Хроника. Штутгарт: 1988. (см. также прим. 42, Ч. II).

188. См. прим. 42, Ч. I и II.

189. Библ. 262, письмо № 210.

190. См. прим. 178.

191. Воспоминания Макса Найека были впервые опубликованы в апреле 1925 г. в «Австрийских листках свободной духовной жизни».

192. См. гл. III и прим. 29. -- Также и для этого сближения с «внутренней оппозицией» внутри самого Общества мы можем найти высший праяобраз в Палестинских Событиях. Согласно Пятому Евангелию, Христос Иисус не полностью преодолел Аримана в третьем искушении, в котором суполат показал Ему всю свою власть вплоть до социальной области, но сознательно оставил его рядом с Собой. Это было необходимо для того, чтобы вообще иметь возможность исполнить на Земле Свою Миссию, ибо, оставшись возле Него, Ариман действовал затем через Иуду (см. Библ. 148, 18.11.1913). Этим деянием Христос Иисус также полностью порвал с традициями и оккультной практикой эсеев, стремившихся лю-

бой ценой — даже за счет других людей — отдалить от себя ариманические силы (см. Библ. 148, 5.10.1913).

193. См. прим. 34.

194. Библ. 261, «Слова, посвященные памяти Шарлотты Феррери и Эдит Мэрион», Дорнах: 3 мая 1924 г.

195. В статье «Воспоминание о Рождественском Собрании» от 26.4.1925 Ита Вегман пишет в этой связи: «Тогда Мастер заболел. Сначала это было лишь телесным упадком сил, но затем оказалось, что болезнь имеет более глубокие причины, в ней изживалась карма. С января 1925 года он больше не говорил об упадке сил, но о действиях кармы». («К друзьям». Арлесхайм: 1960. См. далее статью от 7.6.1925). М.Штайнер также сообщает об этом в нескольких местах. См. прим. 34, 27 и текст «Призыва» в приложении.)

196. См. прим. 178.

197. См. приложение 1.

198. После Рождественского Собрания Рудольф Штайнер говорит об этом в таких словах: «В Антропософское общество нельзя вступить, по крайней мере нельзя вступить так, чтобы это вступление было совершенно честным и глубоко охватывающим душу, — без того, чтобы в существенном не оказать глубокого влияния на судьбу» (Библ. 237, 3.8.1924).

199. Библ. 260, «Из среды членов Общества».

200. В лекции от 27.4.1924 (Библ. 236) Рудольф Штайнер говорит о том, что уже само созерцание форм Первого Гетеанума должно было способствовать возникновению у людей непосредственного созерцания кармических связей.

201. См. прим. 42.

202. Библ. 182, 16.10.1918 и след. цитата.

203. Библ. 28 и Библ. 13 (см. также прим. 42).

204. В целом ряде лекций Рудольф Штайнер говорит о воплощении в Азии Люцифера в третьем дохристианском тысячелетии, результатом которого явилась сильнейшая люциферизация всей восточной мудрости (см. прим. 75).

205. Библ. 172, 27.11.1916.

206. Библ. 254, 18.10.1915. — Этой же линии придерживалась и А.Безант. Об этом свидетельствует уже само название ее главной книги о христианстве: «Эзотерическое христианство или малые Мистерии» (Лейпциг, 1903). В ней, по сравнению с эзотерическим христианством, которое обозначается ею как «малые мистерии», она характеризует как «большие» — дохристианские (восточные) мистерии, имевшие люциферический характер (см. прим. 204). В этой же книге содержится и та роковая ошибка — смешение Христа Иисуса с жившим за сто лет до него Иешуа бен Пандирой, — которая послужила основанием для всей последующей аферы с индийским мальчиком Кришнамурти — Алсионом. (Ср. Библ. 28, гл. XXXI). Поэтому, когда А.Безант предложила Рудольфу Штайнеру взять упомянутую книгу как основу для работы в немецкой секции Теософского общества, это было им решительно отклонено.

207. Библ. 254, 18.10.1915, а также «Рукописи Барра» III (Библ. 262).

208. См. гл. V-6.

209. См. прим. 75.

210. Библ. 184, 21.9.1918 и след. цитата.

211. Хейнц Мюллер. Следы на пути. Воспоминания. Штутгарт: 1976 и след. цитата.

212. Библ. 186, 7.12.1918.

213. Об этом в начале 60-х годов рассказал Вилли Аппли в антропософской ветви Энгельберга. Передано автору Рексом Раабом.

214. Лекция от 29.6.1921, изданная отдельно под названием «Строительная идея Гетеанума». (Дорнах: 1986).

215. См., например, Библ. 93а, 17.10.1905; Библ. 99, 2.6.1907, а также прим. 73.

216. Библ. 194, 15.12.1919.

217. Библ. 233, 13.1.1924.

218. Библ. 260, «Закладка Камня Основы Всеобщего антропософского общества через Рудольфа Штайнера 25 декабря 1923 года в 10 часов утра» и след. цитата.

219. Преодоление человеком в своем внутреннем описанных трех категорий противоборствующих существ *Силой Христа* является одновременно и началом их искупления (ср. с прим. 63).

220. Духовные силы, из которых Рудольфом Штайнером на Рождественском Собрании был сформирован сверхчувственный «Камень Основы», легли также в основание «Медитации Камня Основы», прочтением которой он начал и завершил Рождественское собрание (см. Библ. 260). Работа с ней имеет целью углубить и усилить в нашей душе упомянутые духовные силы. Поэтому ее построение в точности соответствует характеру Камня Основы. С точки зрения настоящего изложения это означает, что первая часть Медитации может помочь человеку в преодолении Азуров, вторая часть — Аримана, третья — Люцифера (ср. с прим. 68). Однако это может произойти лишь в результате воссияния в человеческом Я Христова Солнца, то есть содержания четвертой части Медитации, позволяющей обратить в добро также и действия самих противоборствующих сил: «чтобы добром стало».

221. О том, как приносимые человеком каждую ночь из духовных сфер «мировые имажинации» становятся силами жизни в его эфирном теле, Рудольф Штайнер говорит в лекции от 13.6.1915 г. (Библ. 159/160).

222. Библ. 10, глава «Практические точки зрения».

223. Библ. 95, ответ на вопрос, заданный после лекции от 2.9.1906.

224. Библ. 155, 16.7.1914.

225. См. описание обоих Стражей Порога в последних главах книги «Как достигнуть познаний высших миров?» (Библ. 10).

226. В лекции от 15.6.1924 (Библ. 239) Рудольф Штайнер говорит о том, что индивидуальность, воплотившаяся позднее как Песталоцци, в своем воплощении в первом дохристианском столетии была надсмотрщиком целой группы рабов, которые в XIX веке воплотились как подопечные великого педагога. Таким образом, Песталоцци мог своим добром и заботой о них выровнять некогда причиненное им зло.

227. Библ. 130, 2.12.1911.

228. Библ. 10, глава «Условия духовного ученичества». Описание 6-го условия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Р. ШТАЙНЕРА.

В настоящей работе цитируются и упоминаются произведения Рудольфа Штайнера, в соответствии с библиографическими номерами томов полного собрания его сочинений. Слева указан номер тома, затем — его наименование, а также год первого издания или чтения доклада.

4. Философия Свободы. Берлин. 1894.
10. Как достигнуть познания высших миров? Берлин. 1904 — 1905.
11. Из Акаша-Хроники. Берлин. 1904 — 1908.
13. Очерк Тайноведения. Лейпциг. 1910.
14. Четыре драмы-мистерии. Берлин. 1910 — 1913.
15. Духовное водительство человека и человечества. Берлин. 1911.
26. Антропософские руководящие положения. В еженедельнике «Гёттанум»: 1924 — 1925.
28. Мой жизненный путь. В еженедельнике «Гёттанум». 1923 — 1925.
93. Храмовая легенда и золотая легенда как символическое выражение прошлых и будущих тайн развития человека. 20 докладов, Берлин. 1904 — 1906.
- 93а. Основные элементы эзотерики. 31 доклад, Берлин. 1905.
95. У врат Теософии. 14 докладов, Штутгарт. 1906.
96. Исходные импульсы Духовной науки. 20 докладов, Берлин. 1906 — 1907.
97. Христианская мистерия. 31 доклад в разных городах. 1906 — 1907.
99. Теософия Розенкрейцера. 14 докладов, Мюнхен. 1907.
102. Воздействие духовных сущностей на человека. 13 докладов, Берлин. 1908.
103. Евангелие от Иоанна. 12 докладов, Гамбург. 1908.
104. Апокалипсис Иоанна. 13 докладов, Нюрнберг. 1908.
107. Духовно-научное человековедение. 19 докладов, Берлин. 1908 — 1909.
- 109/111. Принцип спиритуальной экономии. 23 доклада в разных городах. 1909.
110. Духовные иерархии и их отражение в физическом мире. 10 докладов, Дюссельдорф. 1909.
112. Евангелие от Иоанна в связи с тремя другими Евангелиями, в особенности с Евангелием от Луки. 14 докладов, Кассель. 1909.
113. Восток в свете Запада. 9 докладов, Мюнхен. 1909.
114. Евангелие от Луки. 10 докладов, Базель. 1909.
116. Импульс Христа и развитие Я-сознания. 7 докладов, Берлин. 1909 — 1910.
120. Откровения кармы. 11 докладов, Гамбург. 1910.
123. Евангелие от Матфея. 12 докладов, Берн. 1910.
130. Эзотерическое христианство и духовное водительство человечества. 23 доклада в разных городах. 1911 — 1912.
131. От Иисуса ко Христу. 11 докладов, Карлсруэ. 1911.

132. Эволюция с точки зрения истинного. 5 докладов, Берлин. 1911.
133. Земной и космический человек. 9 докладов, Берлин. 1911 — 1912.
144. Мистерии Востока и Христианства. 4 доклада, Берлин. 1913.
145. Какое значение имеет оккультное развитие человека для его обочечек — физического, эфирного, астрального тел — и его Я. 10 докладов, Гаага. 1913.
148. Из исследования Акаши. Пятое Евангелие. 18 докладов в разных городах. 1913 — 1914.
151. Человеческая и космическая мысль. 4 доклада, Берлин. 1914.
152. Предступени Мистерии Голгофы. 10 докладов в разных городах. 1913 — 1914.
155. Христос и человеческая душа. 10 докладов, Копенгаген, Норчепинг. 1912 — 1914.
158. Связь человека с элементарным миром. 7 докладов и 6 выступлений в разных городах. 1912 — 1914.
- 159/160. Тайна смерти. 15 докладов в разных городах. 1915.
165. Духовное единение человечества через Импульсы Христа. 13 докладов в разных городах. 1915 — 1916.
172. Карма профессии человека в связи с жизнью Гёте. 10 докладов, Дорнах. 1916.
- 174а. Средняя Европа между Востоком и Западом. 12 докладов, Мюнхен. 1914 — 1918.
175. Краеугольные камни познания Мистерии Голгофы. Космическая и человеческая метаморфоза. 17 докладов, Берлин. 1917.
176. Истины развития человека и человечества. Карма материализма. 17 докладов, Берлин. 1917.
177. Духовные подосновы внешнего мира. Падение духов тьмы. 14 докладов, Дорнах. 1917.
178. Индивидуальные духовные сущности и их действие в душе человека. 9 докладов в разных городах. 1917.
181. Умирание земли и жизнь мира. Антропософские жизненные дары. Необходимость осознания настоящего и будущего. 21 доклад, Берлин. 1918.
182. Смерть как преобразование жизни. 7 докладов в разных городах. 1917 — 1918.
184. Полярность вечности и развития в человеческой жизни. Космическая предыстория человечества. 15 докладов, Дорнах. 1918.
185. Историческая симптоматология. 9 докладов, Дорнах. 1918.
186. Основные социальные требования нашего времени. В измененной обстановке эпохи. 12 докладов, Дорнах, Берн. 1918.
187. Как может человечество вновь найти Христа? Тройственное теневое бытие нашего времени и новый Свет Христов. 8 докладов, Базель, Дорнах. 1918 — 1919.
191. Духовнонаучное познание и социальное понимание. 15 докладов, Дорнах. 1919.
193. Внутренний аспект социальной загадки. 10 докладов в разных городах. 1919.
194. Миссия Михаэля. 12 докладов, Дорнах. 1919.
195. Канун Мирового Нового года и новогодние мысли. 5 докладов, Штутгарт. 1919 — 1920.

199. Духовная наука, как познание основных импульсов социального формирования. 17 докладов и 1 обращение, Дорнах, Берлин. 1920.
211. Солнечные Мистерии и Мистерии смерти и воскресения. 12 докладов в разных городах. 1922.
215. Философия, космология и религия в Антропософии. 10 докладов, Дорнах. 1922.
218. Духовные связи в формировании человеческого организма. 16 докладов в разных городах. 1922.
227. Познание инициации. 13 докладов, Пенменмаур. 1923.
233. Мировая история в антропософском освещении и как основа познания человеческого духа. 9 докладов, Дорнах. 1923 — 1924.
234. Антропософия. Обзор за двадцать один год. 9 докладов, Дорнах. 1924.
235. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Том I. 12 докладов, Дорнах. 1924.
236. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Том II. 17 докладов, Дорнах. 1924.
237. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Том III. 11 докладов, Дорнах. 1924.
238. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Том IV. 10 докладов и 1 обращение, Дорнах. 1924.
239. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Том V. 16 докладов в разных городах. 1924.
240. Эзотерические рассмотрения кармических связей. Том VI. 15 докладов в разных городах. 1924.
245. Указания по эзотерическому обучению. 1903 — 1913.
254. Оккультное движение в девятнадцатом столетии и его отношение к мировой культуре. 13 докладов, Дорнах. 1915.
258. История и предпосылки Антропософского движения в отношении к Антропософскому обществу. 8 докладов, Дорнах. 1923.
260. Рождественское Собрание для основания Всеобщего антропософского общества. 1923 — 1924.
261. Наши умершие. 2 доклада, 22 некролога и речи в разных городах. 1906 — 1924.
262. Рудольф Штайнер/Мария Штайнер-фон Сиверс: Переписка и документы. 1901 — 1925.
317. Курс лечебной педагогики. 12 докладов. 1924.

БИБЛИОГРАФИЯ АНТРОПОСОФСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ИЗДАННОЙ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ТРУДЫ РУДОЛЬФА ШТАЙНЕРА

- 2 **Очерк теории познания Гётевского мировоззрения.**
М.: Парсифаль, 1993.
- 3 **Истина и наука: Пролог к "Философии Свободы".**
М.: Духовное знание, 1913; М.: Московский центр вальдорфской педагогики, 1992; СПб.: Балтика, 1992
- 7 **Мистика.**
М.: Духовное знание, 1917
- 8 **Христианство как мистический факт и мистерии древности.**
М.: Духовное знание, 1912, 1917 (2-е изд.); М.: СП Интербук, 1990 (все издания под названием "Мистерии древности и Христианство"); Ереван: Ной, 1991.
- 9 **Теософия.**
М.: Духовное знание, 1915; Ереван: Ной, 1991; Дорнах: Швейцария, 1927.
- 10 **Как достигнуть познания высших миров?**
М.: Духовное знание, 1918; Ереван: Ной, 1992. М.: СП Интербук, 1991.
- 11 **Из летописи мира.**
М.: Духовное знание, 1914; Калуга: Духовное познание, 1992.
- 13 **Очерк тайноведения.**
М.: Духовное знание, 1916; Ереван: Ной, 1992; Л.: Эго, 1991.
- 15 **Духовное водительство человека и человечества.**
Калуга: Духовное познание, 1992.
- 16 **Путь к самопознанию человека в восьми медитациях.**
М.: Духовное знание, 1913; Ереван: Ной, 1991. М.: СП Интербук, 1991.
- 17 **Порог духовного мира.**
М.: Духовное знание, 1917; Ереван: Ной, 1991; М.: Кокон, 1991.
- 23 **Основные черты социального вопроса.**
Ереван: Ной, 1992; Калуга: Духовное познание, 1992 (под названием: "Сущность социального вопроса").
- из 34 **Посвящение и мистерии.** (Статья из журнала *Люцифер*.)
М.: Духовное знание, 1918; СПб.: Балтика, 1992.
- из 34
и 36 **Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки.**
М.: Парсифаль, 1993.
- из 34
и 54 **Теософия и социальный вопрос.** (Статья и доклад.)
М.: Духовное знание, 1917.
- из 35 **Философия и теософия.** (Доклад прочитан в заключение цикла "Вселенная, Земля и Человек" 17 августа 1908 г. в Штутгарте.)
М.: Духовное знание, 1915.
- из 40 **Антропософский календарь души.**
М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1992.

- из 96 **Отче Наш.**
М.: Духовное знание, 1917.
- из 101 **Рождество.**
М.: Духовное знание, 1920.
- из 130,
133, 141 **Мистерия и миссия Христиана Розенкрейца. (Доклады 1911-1912 гг.)**
СПб Дамаск, 1992.
- из 211 **Познание и посвящение. (Два доклада.)**
М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1992
- из 217 **Лекция педагогического курса для молодежи. Материалы по вальдорфской педагогике.**
Обнинск: Центр вальдорфской педагогики, 1991.
- из 271 **Сущность искусства.**
М.: Духовное знание, 1917.
- 296 **Вопрос воспитания как социальный вопрос.**
Калуга: Духовное познание, 1992.

ТРУДЫ ДРУГИХ АНТРОПОСОФСКИХ АВТОРОВ

Барлен Д.

Русские былины в свете тайноведения. Париж: Водoley, 1932; Калуга: Духовное познание, 1992.

Белый А.

Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. М.: Духовное знание, 1917.

Бос Л.

Что такое трехчленность социального организма? Калуга: Духовное познание, 1991.

Вальдорф-Дайджест. Подборка материалов печати о вальдорфской педагогике (весна-лето 1991 г.) М.: Алфавит, РОУ, 1991.

Вейс Т.Й.

Как помочь ребенку? М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1992.

Волошина М. (М.В. Сабашникова)

Зеленая змея. М.: Энигма, 1993.

Гейдебранд К. фон

О душевной сущности ребенка. Минск: Полифакт, 1991.

Грюнеллус Э.М.

Вальдорфский детский сад. М.: Изд-во МПИ Мир книги, 1992.

Германнсторфер У.

Личность и государство. Ереван: Ной, 1992.

Жемчужникова М.Н.

Воспоминания о московском антропософском обществе (1917-1923). Минувшее: Исторический альманах. Париж: Атенейум, 1988, выпуск 6.

Карлгрен Ф.

Антропософский путь познания. М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1991.

- Воспитание к свободе: Педагогика Рудольфа Штейнера.** М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1993.
- Коррин Дж.**
Компост (из опыта биодинамического сельского хозяйства Р. Штейнера). М.: АПТ Агробיוсервис, 1992.
- Краних Э.М.**
Свободные вальдорфские школы. М.: Московский Центр вальдорфской педагогики, 1992.
- Леман Б.**
Сен-Мартен. М.: Духовное знание, 1914.
- Леэрц Э.**
Новое поколение (из воспоминаний о Рудольфе Штейнере). Материалы по вальдорфской педагогике. М.: Обнинск: Центр вальдорфской педагогики.
- Ливехуд Б.**
Человек в сообществе. Калуга: Духовное познание, 1992.
- Ливехуд Б.**
Человек на пороге. Калуга: Духовное познание, 1993.
- Основы искусства врачевания** (Пособие к семинару по антропософски ориентированной медицине). М.: Лад, 1991.
- Пфайффер Э.Е.**
Что могут рассказать сорняки. М.: Аккоринформиздат, 1992.
- Риттельмайер Ф.**
Жизненная встреча с Рудольфом Штейнером. М.: Обнинск: Центр вальдорфской педагогики, 1991.
- Сабашникова М.В.**
Святой Серафим. М.: Духовное знание, 1913.
- Садовая книга Пфайффера** (из опыта биодинамического сельского хозяйства Р. Штейнера, сост. Э. Хекель.) М.: Летопись, 1991.
- Селаври А.**
Функциональные типы металлов в психологии и медицине (из опыта антропософской медицины Р. Штейнера). М.: НМПИО Маг, 1991. В двух томах (на правах рукописи).
- Гро Т., МакФадден С.**
Ферма завтрашнего дня. (Ферма поддерживает общину. Община поддерживает ферму.) М.: Аккоринформиздат, 1993.
- Шнллер П.Е.**
Антропософский путь ученичества. Калуга: Духовное познание, 1992.

КНИГИ С.О. ПРОКОФЬЕВА

1. Die russische prophetische Byline. Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz, 1992.
Дальнейшие переводы на англ.
Пророческая былина «Как святые горы выпустили из каменных пещер своих русских могучих богатырей» в антропософском освещении. Ереван: Ной, 1992.
2. Rudolf Steiner und die Grundlegung der neuen Mysterien, Verlag Freies Geistesleben, 2e Aufl., Stuttgart. Дальнейшие переводы на англ., итал., франц., швед.
Рудольф Штайнер и Краеугольные Мистерии нашего времени. Ереван: Ной, 1992.
3. Die zwölf heiligen Nächte und die geistigen Hierarchien. Verlag am Goetheanum, 5e Aufl., Dornach/Schweiz, 1992. Дальнейшие переводы на англ., итал., франц.
Двенадцать священных иочей и духовные иерархии. Ереван: Ной, 1993.
4. Der Jahreskreislauf als Einweihungsweg zum Erleben der Christus-Wesenheit. Eine esoterische Betrachtung der Jahresfeste. Verlag Freies Geistesleben, 3e Aufl., Stuttgart, 1994. Дальнейшие переводы на англ., итал., франц.
Кругооборот года как путь посвящения. Эзотерическое рассмотрение основных христианских праздников. Ереван: Ной, 1994.
5. Ewige Individualität. Zur karmischen Novalis-Biographie, Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz, 1987.
Вечная индивидуальность. Очерк кармической биографии Новалиса. Ереван: Ной, 1995.
6. Die geistigen Quellen Osteuropas und die künftigen Mysterien des heiligen Gral. Verlag am Goetheanum, 2e Aufl., Dornach/Schweiz, 1994. Дальнейшие переводы на англ., итал., франц.
Духовные судьбы России и грядущие мистерии святого Грааля. М.: Энигма, 1994.
7. Die Rätsel des Demetrius. Versuch einer Betrachtung aus historischer, psychologischer und geisteswissenschaftlicher Sicht. Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz, 1993.
Загадка Димитрия. Попытка ее рассмотрения с исторической, психологической и духовнонаучной точки зрения. М.: Энигма, 1995.
8. Die geistigen Aufgaben Mittel- und Osteuropas. Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz, 1993.
Духовные задачи Средней и Восточной Европы. М.: Энигма, 1996.
9. Der Osten im Lichte des Westens. Zwei östliche Strömungen im 20 Jahrhundert aus der Sicht der christlichen Esoterik. Teil I: H. Roerich. Verlag am Goetheanum, 2e Aufl., Dornach/Schweiz, 1994.
Восток в свете Запада. Два восточных течения в свете христианского эзотеризма. Часть I.: Е. Рерих. СПб: Изд. Новикова, 1994.
10. Die himmlische Sophia und die irdische Anthroposophie. Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz, 1994.
Небесная София и земная Антропософия. М.: Антропософия, 1995.
11. Ost im Lichte der West. Zwei östlichen Strömungen im 20 Jahrhundert aus der Sicht der christlichen Esoterik. Teil II: A. A. Baily. Verlag am Goetheanum, Dornach/Schweiz, 1995.
Восток в свете Запада. Два восточных течения в свете христианского эзотеризма. Часть II.: А.А. Бейли. СПб: Изд. Новикова, 1995.
12. Die okkulte Bedeutung des Verzeihens. Verlag Freies Geistesleben, Stuttgart, 1994.
Дальнейшие переводы на англ., франц., итал., швед.
Оккультные основы прощения в свете антропософии. М.: Антропософия, 1994.

Ответственный редактор: Тихомиров В. Г.
Редактор: Пархоменко Г. Ф.
Корректор: Корнилова А. И.
Художник: Ильина Н. В.
Верстка: Арюнов М. Ю.

ЛР №040591 от 04.02.93.

Формат 60×80/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Кудряшовская». Печать
офсетная. Печ. л. 11. Уч.-изд. л. 11,23. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1537

Издательство " Антропософия", 111395, Москва, а/я 44.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии №2 РАН,
121099 М., Г-99, Шубинский пер., 6.

